
ОГОНЁК
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТИ Н. АСАНОВА
«МАДОННА БЛАГОРОДНАЯ»
Мария Белкина—
ОЧЕРК ОДНОЙ ЖИЗНИ
Письма молодого А. А. Фадеева

Молодежь Западной Германии говорит «Нет!» оснащению бундесвера ядерным оружием.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 39 (1736)

25 СЕНТЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВОЛЯ НАРОДОВ — ПРЕГРАДА ВОЙНЕ

«Не позволим превратить наш остров в ядерный полигон!» — заявили жители японского острова Ниидзима.

По дорогам Британии один за другим проходят марши мира. Англичане не хотят, чтобы их страна стала американской ракетной площадкой.

Встреча делегации Советского Союза во главе с Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым, прибывшей на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН.

МИР — ЭТО ЖИЗНЬ

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора, В. Егорова (ТАСС), Ассошиэйтед Пресс.

Вряд ли в истории плавание какого-нибудь судна привлекало больше внимания, чем рейс советского турбоэлектрохода «Балтика» из Советского Союза в Соединенные Штаты Америки.

Корреспонденты телеграфных агентств и крупнейших газет мира изыскивали любые способы, чтобы приблизиться к судну — на вертолете, на корабле, на лодке — и хоть немного понаблюдать за его движением. Радиостанции всего мира настраивались на его волну, пытаясь услышать голос крошечного кусочка Советской страны, двигавшегося по просторам Атлантики.

Один из американских корреспондентов, которому посчастливилось увидеть «Балтику» с воздуха, так описывал свои впечатления:

«Летящий на небольшой высоте самолет приблизился к каравану судов Никиты Хрущева, когда эти суда прошли через Ла-Манш и вошли в неспокойные воды Атлантики. И вряд ли нашему самолету кто-либо помахал более дружественно, чем группа людей, стоявших на палубе.

«Балтика», на которой находится Хрущев, и эскортирующие ее два советских военных корабля продолжали двигаться в направлении Нью-Йорка. Пилот самолета сигнальным фонарем передал коммунистическому каравану приветствие «с добрым утром». Русские моряки в белой форме на кораблях и члены гражданского экипажа приветливо помахали самолету».

Десять дней шел советский корабль по волнам Атлантики. «Балтика» подняла огромные политические волны. У одних они вызывали прилив надежд, оптимизма, уверенности в конечной победе мира, у других — этих меньшинство — ужас и растерянность, как перед разрушительными цунáми, которые могут снести столь тщательно возводившиеся укрепления «холодной войны».

Враги мира в истерике принялись закрывать окна и двери, начали срочно, как перед ураганом, возводить некую «дамбу» против могучей волны мира, которая может раскрошить, разбить на мелкие куски лед «холодной войны».

Материалом для «дамбы» служило все, что попадало под неразборчивую руку госдепартамента. Первый кирпич: ведомство мистера Гертера решило ограничить передвижение советского премьера в Нью-Йорке островом Манхэттен, то есть площадью в 31,2 квадратной мили. «Для обеспечения его безопасности», — так мотивировал эту меру госдепартамент.

«Ограничение должно послужить уведомлением Хрущеву о том, что ему не будет позволено поехать куда-нибудь для выступления за пределами ООН и для бесед с прохожими, как это было в сентябре прошлого года»,—такое, более откровенное объяснение дает агентство Ассошиэйтед Пресс.

Что об этом говорят сами ньюйоркцы?

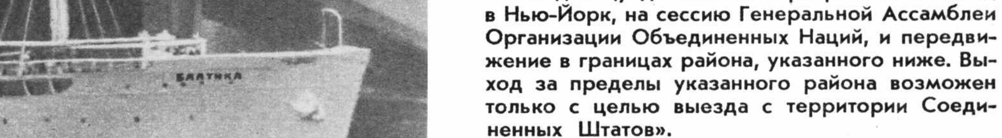
Вот семь ответов, которые я получил, простояв в течение тридцати минут на углу 42-й стрит и Лексингтон-авеню:

— Несерьезно! Совершенно несерьезно! (Джон Карнеги — служащий аптеки.)

— Что они хотят этим добиться, не понимаю! (Альфред Бекер, юрист.)

— Я думаю, это невежливо. (Домохозяйка, имени просила не называть.)

«Балтика» проходит под Бруклинским мостом.

— Надо договориться. Иначе — плохо. Он правильно сделал, что приехал сюда. Пусть не обращает внимания на глупости! (Мойщик окон, фамилии просил не называть.)

— У нас его не все любят, но властям надо вести себя по-джентльменски. (Роберт Макколм, банковский служащий.)

— Зачем вы задаете эти вопросы? Какое вам дело до моего мнения? (Пожилая женщина с собачкой на поводу.)

— Если человек едет не с бомбой, а разговаривать, как получше устроить мир, не надо ему мешать. (Стив Келли, служащий.)

Из семи случайных прохожих только одна дама с собачкой не высказала своего мнения. Остальные осуждают госдепартамент. Пропорция не в пользу строителей «дамбы».

Второй кирпич: некоторые органы американской печати призывали журналистов не давать отчетов о пребывании Хрущева в США.

Смехотворным назвало это предложение большинство американских журналистов.

Упорно возводя расползающуюся преграду, госдепартамент призвал телевизионные компании «не предоставлять Хрущеву дополнительной трибуны». Это в стране, правители которой так распинаются о свободе печати!

Госдепартамент в лице Гертера открыто угрожал всем организациям и частным лицам, которые собираются пригласить Никиту Сергеевича Хрущева. Но таких приглашений много, и они продолжают поступать. Нет, ни один камень в противомирной «дамбе», которую лихорадочно возводила реакция, не оказался пригодным. Сооружение в самом начале строительства треснуло и дало течь...

«Балтика» прошла через Атлантический океан, вошла в Ист-ривер и стала у причала номер 73.

Прибыв в Нью-Йорк, Н. С. Хрущев сказал: «Уверен, что отношения между нашими великими странами улучшатся. Известно ведь, что, как бы ни была темна ночь, непременно наступает рассвет. Вот почему я уверен — как бы ни старались злые силы, которые хотят накалить атмосферу в отношениях между нашими странами, они непременно потерпят крах. Придут добрые времена теплых, дружественных отношений между нашими народами, между нашими правительствами».

Злость и раздражение — совсем не то состояние духа, с которым надо вступать в серьезный политический разговор. Поддавшись такому настроению, человек чаще всего попадает в смешное положение. Но совсем уж плохо, если злостью и раздражением обуян не один человек, а целое учреждение, да еще такое, как государственный департамент Соединенных Штатов Америки.

Возьмем для примера «СИ-2». «СИ-2» — это виза, которую госдепартамент выдал советским журналистам, сопровождающим Никиту Сергеевича Хрущева.

Вместе с паспортом каждый из нас получил от американского консула в Москве г-на Шнайдера листочек бумажки, на котором четкими буквами напечатано следующее:

«Владельцу данной визы разрешается въезд в Нью-Йорк, на сессию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, и передвижение в границах района, указанного ниже. Выход за пределы указанного района возможен только с целью выезда с территории Соединенных Штатов».

Изумленные и озадаченные, мы обратились к заведующему отделом печати МИД СССР М. А. Харламову.

Он сказал нам, что ни один иностранный корреспондент в Москве не имеет подобного рода ограничений со стороны советских властей.

Да, в нелегкое положение поставил госдепартамент советских журналистов. Но мы считаем, что лучше оказаться в трудном положении, чем в смешном.

В Гарлеме

Накануне прибытия в Нью-Йорк Никиты Сергеевича Хрущева в сторону США пролетел самолет, доставивший из Гаваны на сессию Генеральной Ассамблеи кубинскую делегацию, возглавляемую Фиделем Кастро.

Уже за несколько дней до этого в нью-йоркских газетах началась кампания: не давать кубинской делегации мест в отелях Манхэттена!

С аэродрома «Айдлуайлд» делегация Кубинской Республики направилась в отель «Шелберн» на углу Лексингтон-авеню и 37-й стрит, владелец которого дал предварительное согласие разместить делегацию.

У входа в отель «случайно» оказалось несколько десятков «букающих», которых бережно охраняла полиция. А за углом, не имея возможности приблизиться к подъезду, стояли огражденные полицейским заслоном сотни людей и восторженно скандировали: «Фи-дель! Фи-дель! Фи-дель!». Не обращая внимания на «букающих», Фидель, улыбаясь, прошел в отель.

Через несколько минут в нижнем холле отеля «Шелберн» я присутствовал при моментальной «перелицовке» событий, производимой опытными портными.

Группа американских журналистов вырабатывала «общую линию», чтобы не было расхождений.

— Вы заметили, что Фидель Кастро был невероятно испуган враждебным приемом, оказанным ему населением? — спрашивал один из них.

Ему в ответ кивали головы, и карандаши с бешеной скоростью летали по блокнотам.

— На нем просто лица не было! Он был бледен, как смерть, — добавлял кто-то живописную деталь.

И снова карандаши неслись по бумаге.

— Он отказался от пресс-конференции и не выслал к корреспондентам своего представителя по связи с печатью, — не отрывая глаз от блокнота, произносит третий.

В это самое мгновение в холл вошел представитель кубинской делегации по печати.

Корреспонденты забросали его вопросами. Первый вопрос касался возраста представителя. Второй — компенсации имущества американских компаний, конфискованного на Кубе...

Но, видимо, хозяева журналистов и хозяева их хозяев не удовлетворились россказнями об «испуганном» Фиделе. Они требовали скандала.

На другой день хозяин отеля неожиданно представил делегации фантастический счет — на десять тысяч долларов. Это была явная провокация.

Жители Нью-Йорка встречают Н. С. Хрущева.

Н. С. Хрущев, В. Гомулка и Я. Кадар перед началом заседания.

Н. С. Хрущев и Фидель Кастро в зале заседаний Генеральной Ассамблеи.

Перед началом работы сессии Генеральной Ассамблеи.

Фидель Кастро заявил, что он не будет швырять на ветер деньги, принадлежащие кубинскому народу. В тот же вечер Фидель Кастро переехал со своими соратниками в Гарлем — негритянский район Нью-Йорка, в отель «Тереза». А на другое утро в гости к нему приехал Никита Сергеевич Хрущев.

— Я приехал к вам,— сказал Никита Сергеевич,— до начала сессии, чтобы наша первая встреча не была слишком официальной. Мне хотелось, чтобы наша встреча была простой и дружеской.

В маленьком, бедно обставленном номере нью-йоркского отеля для негров встретились главы правительств двух государств, далеких друг от друга географически, но очень близких сердцем. И пока на девятом этаже дружески беседовали эти два человека, внизу росла толпа людей, простых людей Нью-Йорка, которые живут не в великолепных особняках Парк-авеню, а в обшарпанных, бедных, совсем не похожих на сверкающие стеклом небоскребы домах. Именно таких людей — черных и белых — большинство в Америке. Именно такие люди прежде всего ценят мир, добрую волю и справедливость.

Именно такие люди больше всего страдают от гонки вооружений, голода, нищеты и неустроенности мира и раньше всех откликаются на простые и трезвые суждения Никиты Сергеевича Хрущева о мире. Им, этим людям, прежде всего близка и понятна освободительная борьба героического кубинского народа.

Вот почему так тепло приветствовали люди на улице Хрущева и Кастро, когда тот вышел проводить Никиту Сергеевича до машины.

И невольно я вспомнил, как за час до этой встречи по Сорок второй улице, где стоит наш двадцатиэтажный отель «Тюдор», совсем недалеко от здания Организации Объединенных Наций, двигалась длинная вереница молчаливых людей. Шли негры. Они шли спокойно и медленно, они не произносили ни слова, но каждый из них нес плакат, который кричал, взывал о помощи: «Мы боролись в четырех войнах, но нас никогда не считали гражданами Америки», «Вот она, американская справедливость» — и под этими словами нарисован линчеванный негр...

Я пытался побеседовать с одним из демонстрантов, но полицейский в синей форме взял меня за рукав и отвел в сторону. Молчаливая демонстрация направлялась к зданию Организации Объединенных Наций. Видимо, с этой организацией люди связывают свои надежды на справедливость. Как же мудры должны быть решения этой высокой организации, чтобы оправдать надежды, возлагаемые на нее многими и многими миллионами обездоленных, бесправных!

Шеренга флагов

Утром 20 сентября, в день начала работы исторической XV сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, перед фронтоном ее главного здания заколыхались флаги государств — членов ООН.

Утром их было 82. Но уже по обе стороны шеренги восьмидесяти двух флагов стояли новые флагштоки, без полотнищ. Здесь взовьются флаги новых членов ООН.

Генеральная Ассамблея станет еще авторитетнее, на ней прозвучит голос многих африканских народов, которые завоевали право поднять свои стяги на здании международной организации. Еще многие страны ждут для се-

ЗАПАД В РАСТЕРЯННОСТИ

Кони ЗИЛЛИАКУС, член английского парламента

Некоторое время назад Н. С. Хрущев предложил главам правительств западных держав встретиться на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН, чтобы на уровне самых авторитетных государственных деятелей обсудить насущнейший для всего человечества вопрос — о всеобщем и полном разоружении.

Главы правительств Запада не откликнулись на этот призыв. Никита Сергеевич Хрущев, который не привык ни унывать, ни складывать рук в таком важнейшем деле, как борьба за мир, отправился во главе советской делегации на Генеральную Ассамблею. Его примеру последовало много виднейших деятелей различных стран. В конце концов и сам президент Эйзенхауэр принужден был заявить, что он тоже пожалует в ООН. Вначале печать сообщала, что, мол, он прибудет только для произнесения одной речи, и то при условии, что ему не придется встретиться с настойчивым советским премьер-министром. Однако, по последним сведениям, президент как будто все-таки решил, что лучше вступить в разговор о разоружении, потому что этого требует американский народ, да и президентские выборы на носу.

Что касается нашего премьер-министра Макмиллана, то к моменту, когда пишутся эти строки, он, судя по печати, все еще сидит дома и гадает: «поеду — не поеду»,— совсем как девица на лепестках ромашки, желающая узнать, любит ли ее жених или нет. Его колебания понятны: и в Нью-Йорке плохо и дома неважно. Наша печать твердит ему: «Поезжайте, не то...». С другой стороны, американский государственный секретарь г-н Кристиан Гертер умоляет его: «Ради бога, не приезжайте, а то совсем беда». И чем больше мешкает наш премьер, тем хуже не только для его престижа, но, главное, для английского народа. Предполагают, что ему наконец придется подчиниться воле англичан и отправиться в Нью-Йорк...

Матерый консервативный орган «Дейли телеграф» горько сетует на то, что западные политические лидеры решили последовать примеру генерала де Голля: пренебречь Организацией Объединенных Наций, общественным мнением всего мира и остаться дома. «Западные лидеры,— пишет газета,— отнеслись к приезду Хрущева на сессию ООН, как голуби к появлению кошки в голубятне. Это тем более печально, ибо получается впечатление, что они все-таки танцуют под дудку советского премьера...»

Итак, Эйзенхауэр и Макмиллан маневрируют. Но этим они ставят себя в такое положение, что даже их присутствие на всемирном форуме невольно будет расценено как попытка в последнюю минуту «перекозырять» туз премьера Хрущева...

Государственный департамент, кажется, готов хвалиться тем, что президент Эйзенхауэр выступит на Генеральной Ассамблее до господина Хрущева. Как будто подобная «тактическая ловкость» может возместить тот факт, что все народы приветствуют и поддерживают инициативу Советского Союза, неизменно идущего впереди в борьбе за мир без оружия и войн! Г-н Макмиллан, по-видимому, тоже склонен уразуметь это и заботится лишь о том, чтобы, прибыв на сессию ООН, не выглядеть так, что он на буксире у американского президента...

Примечательны высказывания нью-йоркского корреспондента газеты «Ивнинг ньюс». Он пишет:

«Если бы все это не было так ужасно, мы присутствовали бы на самом занимательном зрелище на земле. Подумать только! Величайшее собрание коммунистических лидеров под сенью статуи Свободы! Когда Фидель Кастро тоже появился в Нью-Йорке, один высокопоставленный американский дипломат заметил: «Это похоже на то, как если бы президент Эйзенхауэр созвал сессию Совета НАТО в Ленинграде!» «Это,— пишет корреспондент «Ивнинг ньюс»,— мастерский шаг со стороны коммунистов... Это потрясло Вашингтон, где думали, что уже больше не угрожает опасность совещания на высшем уровне, по крайней мере до того, как новый президент благополучно вступит в Белый дом. Хрущеву теперь удалось превратить Генеральную Ассамблею в конференцию глав правительств, которую он сам и созвал...»

В английском народе считают, что своей новой мирной инициативой Никита Сергеевич Хрущев лишний раз доказал, что Советский Союз все сделает для укрепления мира и для всеобщего разоружения. Простых людей Англии глубоко возмущают хулиганские выходки некоторых эмигрантских элементов, не встречающие препятствий со стороны американских властей. Возмущают и нелепые ограничения, установленные госдепартаментом для делегации Советского Союза и некоторых других стран. В многочисленных письмах англичан в редакции газет поднят вопрос: не лучше ли было бы переместить штаб-квартиру Организации Объединенных Наций в какую-нибудь другую страну, ибо очевидно, что страна, которая возглавляет «холодную войну», не является удобным местом для нормальной работы всемирной организации, где все государства с различным социальным устройством должны сотрудничать на равноправных началах, в интересах дела мира.

Москва, 8 часов утра

Фото Г. Санько.

Очередь за газетами у Библиотеки имени Ленина.

Перед началом смены.

бя этого счастливого дня. Нет, не ждут, борются за его приближение. И скоро нужно будет ставить новые флагштоки у здания ООН...

Еще не все ладно в этой шеренге флагов. Есть тут кусок материи, который ничего не обозначает, — чанкайшистский флаг.

В огромный, под голубым куполом зал входят делегаты. К трем часам дня заняты уже все места. Вот в центре, прямо против трибуны,— делегация Ганы в ярких многоцветных национальных одеждах. Чуть левее — делегация Гвинеи. Ее глава Исмаэль Туре говорит мне, что ждет на предстоящей сессии помощи в освобождении народов Африки от старого колониализма и от новых форм его, изобретенных империалистами и навязанных африканским народам.

— Борьба Африки,— говорит Туре,— это часть борьбы всех народов за мир. Сессия должна сказать здесь свое большое, авторитетное слово.

В зал входит Никита Сергеевич Хрущев. Сотни объективов направлены на него со всех сторон — снизу, сверху, сбоку, из специальных будок в нескольких метрах от пола. К Никите Сергеевичу тянутся для рукопожатия руки — с ним знакомятся соседи по Ассамблее.

Никита Сергеевич еле успевает отвечать на приветствия. К нему подходят Владислав Гомулка, Янош Кадар. Они здороваются как старые друзья.

— Здесь дружба еще крепче, чем в Москве,— говорит товарищ Гомулка.

— Правильно! — смеясь, соглашается Никита Сергеевич.

Слева от трибуны в первом ряду сидят несколько человек. Двое из них в военных костюмах защитного цвета — это Фидель Кастро и Антонио Нуньес Хименес. Рауль Роа — министр иностранных дел Республики Кубы — в штатском.

От советской делегации, где толпятся фотокорреспонденты, кубинцев отделяет целый зал.

И вдруг вся толпа корреспондентов хлынула от стола советской делегации к трибуне и дальше, к кубинцам. Это Никита Сергеевич идет через весь зал туда, где сидит Фидель Кастро.

Глава кубинской делегации поднимается навстречу. Они снова, как там, в отеле «Тереза», жмут друг другу руки, обнимаются. Сотни людей, поднявшись с мест, наблюдают за этой дружеской, искренней встречей. Я вижу, как делегаты США за своим столом переговариваются, делая вид, что не обращают внимания на происходящее.

Нет, нельзя не обращать внимания на происходящее! Нельзя закрывать глаза на великие перемены, которые произошли в мире за последние годы. Нельзя за нелепыми трюками, вроде территориальных ограничений для делегатов, спрятаться от разговора о самом главном. Никакой дамбой нельзя отгородиться от необходимости решать главную проблему современности. Всеобщее и полное разоружение — это мир, а мир — это жизнь.

Именно для этого собрались на Ассамблею по инициативе Советского Союза наиболее авторитетные представители ряда государств. Корабль советской внешней политики в большом плавании. Как всегда, он не боится ни бурь, ни штормов. Народы мира желают ему счастливого пути!

Нью-Йорк, 20 сентября.

НАДЕЖДЫ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ

Москва

Больше ста ребят в нашем детском саду, о каждом малыше беспокоишься ежеминутно. Так хочется, чтоб детство их прошло весело, радостно, да и чтобы вся жизнь их была счастливой! Вот, думая об этих ребятишках, к которым за четыре-пять лет так привыкает весь коллектив нашего детского сада, я горячо желаю наилучших успехов Никите Сергеевичу Хрущеву в его благородной борьбе за мир.

Заместитель заведующего детсадом № 470 Московской железной дороги В. МИХАЙЛОВА.

Ленинград

На улице Ленсовета, 4, в квартире 6 живет обычная, простая трудовая семья ленинградцев Копыцких. Глава семьи, Анатолий Михайлович,— шлифовщик Кировского завода, его жена, Надежда Александровна,—мать пятерых детей, работает счетоводом в домохозяйстве. Оба Копыцкие защищали Родину в дни Отечественной войны. Анатолий Михайлович был командиром дивизиона «катюш», защищал Ленинград, гнал фашистов с Украины, освобождал Прагу. Надежда Александровна была на Волховском фронте, работала в госпитале во время блокады.

Копыцкую глубоко волнует судьба мира. Свои чувства она выразила в письме к американским женщинам. Она напомнила о жертвах, понесенных в минувшей войне, рассказала о тяжелых днях, проведенных семьей в осажденном городе, и призвала американских женщин поднять свой голос в защиту мира.

«Теперь мир стоит перед новой проблемой — проблемой ужасной атомной войны,— писала Надежда Александровна.— Давайте использовать атомную энергию в мирных целях, а не для разрушения. Разрешим все противоречия мирным путем. Женщины Америки, помогите женщинам всего мира достигнуть счастья в мирной жизни. Будьте настойчивы в выполнении этой задачи — и вы победите».

Письмо Копыцкой было опубликовано в газете «Нью-Йорк таймс». Призыв ленинградки услышали многие американцы. На улицу Ленсовета, в дом, где живет эта семья, хлынул поток взволнованных писем.

Мы сидим в уютной, хорошо обставленной квартире Копыцких. Необычно щедрое для ленинградцев осеннее солнце врывается в большие окна. Кажется, сама погода способствует тем мыслям, горячим чувствам, которые переживает в эти дни рабочая семья. А мысли и чувства их в эти дни исторических заседаний Генеральной Ассамблеи проникнуты одним: мир должен восторжествовать.

— Народ не хочет войны,— говорит Надежда Александровна.— Не хотят ее и простые американцы. Вот, пожалуйста, читайте, — продолжает она, доставая из шкафа толстую папку с письмами из Америки. Их не менее четырехсот.

Мать четырех детей, домохозяйка из штата Коннектикут Джен Ритенхауз, преподавательница Лола Стоун, служащая конторы Альма Доу, инженер Карл Брукман... Все они солидарны с ленинградкой. Какое письмо ни возьмешь в руки, в каждом надежды на мир. Они единодушны: война больше не должна повториться. Оружие нужно уничтожить.

Вот самое свежее письмо. Его написала домохозяйка из Калифорнии Маргарет Кеслер:

«Я узнала, что к нам, в Америку, на Генеральную Ассамблею приезжает Никита Хрущев. Мы с нетерпением ждем его приезда. Мы очень хотим, чтобы правительства наших стран пришли к общему соглашению и договорились о разоружении. Война не нужна народам. Ни мы, ни наши дети не должны воевать».

Дважды Надежда Александровна встречалась с женой покойного президента США Элеонорой Рузвельт. В последний раз за чашкой чая у себя в квартире Копыцкая и госпожа Рузвельт много спорили, но разошлись друзьями. Эта дружба продолжается и сейчас.

— Американцы не разрешат своему правительству начать смертоносную войну,— сказала Элеонора Рузвельт своей новой знакомой ленинградке.— Наш народ, как и ваш, хочет мира. И мы вместе с вами будем бороться за это.

Письма приходят в ленинградскую семью потоком. В эти дни у Надежды Александровны много своих забот, и все же она находит время, чтобы ответить своим друзьям из Америки, которых вопросы мира волнуют не меньше, чем советских людей.

— Все мы с волнением следим за сессией Генеральной Ассамблеи,— говорит товарищ Копыцкая.—Мы знаем, что товарищ Хрущев—смелый, энергичный, решительный и душевный человек. Это настоящий герой борьбы за мир. Его проникновенные слова о разоружении и мире дойдут до сердец людей всей земли. И, конечно, его слова дойдут и до простых американцев, которые поддерживают нас и хотят вечного мира на всем земном шаре.

К. ЧЕРЕВКОВ

Тбилиси

На рассвете мы вошли в маленькое украинское село. Было еще темно. Казалось, жизни в селе нет. И вдруг появились дети. Они выстроились перед нами, и в предрассветной мгле заалели красные пионерские галстуки. Дети радовались:

— Мир, наконец-то мир!

Пришлось объяснить им, что это еще не окончательный мир, что война еще идет вокруг них.

В те годы я командовал полком Первой украинской партизанской дивизии имени дважды Героя Советского Союза Сидора Артемьевича Ковпака.

Прошло шестнадцать лет. Где сейчас эти дети, не знаю. Наверное, выросли, учатся, работают. Я тоже вернулся в свой родной и, как мне кажется, самый красивый на свете город, где «командую» большим новостроящимся районом. Посудите сами, каков наш район, если каждый год в нем прибавляется по пятнадцать тысяч жителей и по полсотни многоэтажных домов. Проходишь мимо этих домов вечером, и в каждом окне горят огоньки. Как было бы хорошо, чтобы эти окна никогда не затемнялись! Все мы с надеждой следим за страстной, мужественной борьбой против войны, которую ведет на сессии ООН Никита Сергеевич Хрущев. Мы твердо уверены в том, что дело мира победит и наступит такой момент, когда на земном шаре не останется ни одной пушки, ни одного снаряда.

Давид БАКРАДЗЕ, Герой Советского Союза, председатель райсовета депутатов трудящихся.

Свердловск

Мы радуемся и гордимся неутомимой энергией в борьбе за мир, за счастье народов, которую ведет наш Никита Сергеевич.

Мысленно каждый из нас сейчас с ним там, в Нью-Йорке, на сессии ООН, где товарищ Хрущев так настойчиво отстаивает дело всеобщего и полного разоружения.

Желаем Вам, дорогой Никита Сергеевич, полного успеха в Вашей благородной исторической миссии. Мы же дело мира будем крепить самоотверженным трудом!

В эти дни наша коммунистическая бригада стала на вахту мира и систематически перевыполняет свое сменное задание на тридцать процентов.

Вас. СОЛУЯНЫЧЕВ, шлифовщик, член бригады коммунистического труда Свердловского подшипникового завода.

Шофер такси Анисочкин.

На улице Чехова у газетной витрины.

В сквере на площади Свердлова.

Viva la pace! — Да здравствует мир!

«Молодежь мира не имеет права не участвовать в борьбе за мир». Эти слова принадлежат итальянской студентке Паоле Бараццони. Мы познакомились с ней на перроне Белорусского вокзала Москвы. Поезд уходил на запад. Он увозил с собой группу молодых итальянцев, гостивших в Советском Союзе в течение двух недель. Итальянцы махали руками: «Arrivederci!» — «До свидания!» Потом Джакомо Каландроне, депутат итальянского парламента и коммунист, крикнул: «Viva la pace!» — «Да здравствует мир!» И молодежь подхватила этот призыв...

Джакомо Каландроне — старый боец за мир. Рабочий-металлург из Генуи, он с оружием в руках боролся с фашистским режимом Муссолини. Молодчики дуче бросили его в тюрьму.

Во время второй мировой войны итальянский коммунист стал активным участником французского Сопротивления. И только когда была развеяна нависшая над миром угроза фашизма, Каландроне вернулся на родину. Вот уже десять лет он депутат парламента. Кроме того, Каландроне — секретарь итальянского комитета сторонников мира. Он знает, что мир — величайшее благо, знает потому, что платил за него очень дорогой ценой, ценой крови...

Его спутники еще очень молоды — Вертер Романи, Джорджо Мацотти, Ланфранко Турчи, Джузеппе Барончелли, Арнальдо Беннини, Паола Бараццони.

Не как простые туристы приезжали к нам эти молодые итальянцы. Все они победители конкурса на лучшее сочинение о мире. Этот конкурс был объявлен итальянским комитетом сторонников мира. Премия — поездка в СССР. В конкурсе участвовали тысячи молодых людей из разных городов страны.

Тема сочинения была сформулирована так: «Как молодежь должна бороться за осуществление всеобщего разоружения с тем, чтобы люди завтрашнего дня могли отдавать весь свой ум и все свое сердце благородным идеалам создания наилучших условий жизни».

Каждый из победителей конкурса ответил на поставленный вопрос по-своему. Но все сочинения проникнуты одной мыслью: нельзя быть равнодушным созерцателем, нельзя стоять в стороне, нужно защищать и отстаивать мир.

Паола Бараццони из Болоньи так и пишет: «В том, что случилось во времена фашизма, во многом виновата молодежь, ее пассивность и равнодушие... Мы должны заставить пустыню расцвести, а не превращать в пустыню жизнь. Разве допустимо, что в эпоху, когда человек прокладывает путь к звездам и постигает тайны космоса, рождаются люди, мозг которых в результате атомных взрывов с первого дня поражен радиацией!»

Студент медицинского факультета Болонского университета Джорджо Мацотти не принадлежит ни к какой политической партии. Джорджо уверен в том, что люди всех стран хотят существовать в мире и в мире трудиться. Но мирное сосуществование вовсе не означает капитуляцию одного народа перед другим.

«Для итальянцев борьба за мир — это в первую очередь борьба за ликвидацию американских военных баз в нашей стране, — пишет Ланфранко Турчи, студент из Модены. — Именно таким должен быть наш вклад в общее дело мира». Автор сочинения призывает молодежь принимать самое активное участие в политической жизни.

...Незаметно пролетели две недели в Москве и Ленинграде. Но впечатлений так много, что их хватит на долгие годы. Об этом итальянские гости говорили нам перед отъездом.

Что же им понравилось в нашей стране?

— Советский народ — самый приветливый и гостеприимный в мире, — сказал Джорджо Мацотти, и друзья поддержали его: «Да, да! Ваши рабочие, студенты, инженеры — все принимали нас как близких друзей. Такие встречи не забываются. Что понравилось особенно? — Джорджо улыбается: — Честность. У вас в трамваях, троллейбусах и автобусах нет кондукторов. Люди сами платят деньги в кассу. Такого, пожалуй, не увидишь больше нигде в мире. И еще очень понравились столовые, где обедают ваши студенты. Чисто, дешево, вкусно — очень хорошо! А удивительным было то, что квалифицированные рабочие у вас зарабатывают даже больше инженеров. У нас этого нет...

Паола Бараццони в восторге от поездки. Москва, Ленинград — это замечательные города. И люди в них живут замечательные. Она была здесь очень недолго, а сколько у нее появилось новых друзей! Паола очень хочет передать свой самый горячий привет всем читателям «Огонька»...

Радикал Джузеппе Барончелли особенно рад, что своими глазами увидел жизнь советских людей. Западные журналисты далеко не всегда бывают объективны, когда речь заходит об СССР. И хотя Джузеппе не марксист, он с радостью убедился, что во многом его взгляды совпадают с мыслями советской молодежи. Было много споров, дискуссий на политические темы. И в ходе их выяснилось одно, по его мнению, самое важное обстоятельство: советский народ не хочет войны.

...Поезд отходил от перрона. Он увозил на запад семерых итальянцев, рядовых бойцов великой армии борьбы за мир.

Ю. РЕЙНВАЛЬД

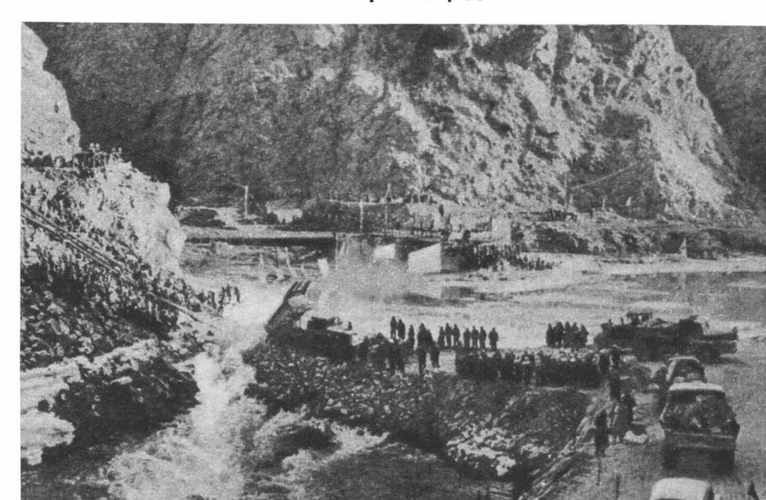
Фото В. Мусинова.

КИТАЙСКОЙ

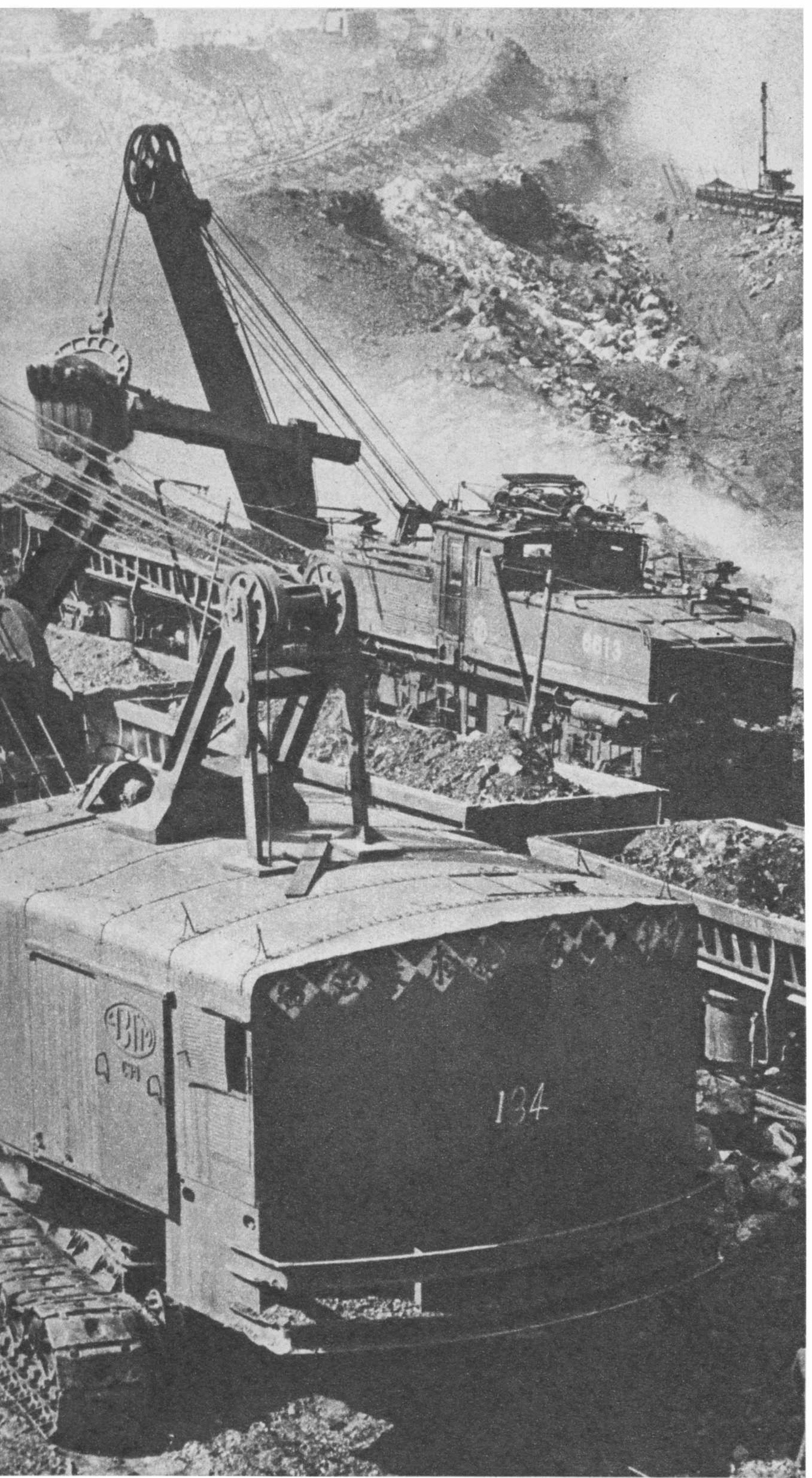

Советская техника помогает китайскому народу отвоевывать

В ущелье Люцзя на реке Хуанхэ, где будет сооружена крупная электростанция.

НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ 11 ЛЕТ

у природы ее богатства. Этот снимок сделан на Фусиньском угольном карьере.

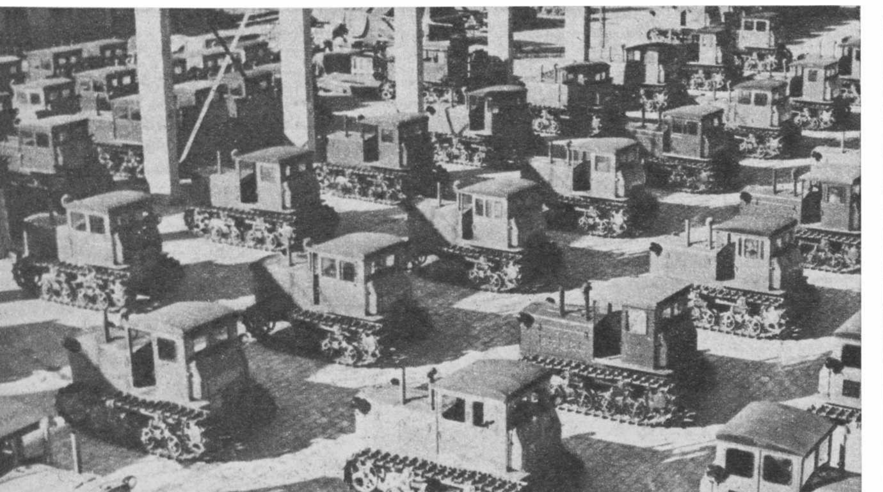
В школе N 23 города Куньмина (провинция Юньнань) учатся дети народностей бай, и, мяо.

Праздник-новоселье отмечается в городах и селах Китая. Этот малыш начинает свою жизнь в новой квартире.

Дунфанцун (Алеет восток) — так называется марка тракторов, выпускаемых Лоянским заводом, который вступил в строй в ноябре прошлого года.

По улицам Пекина мчатся автомобили Чанчуньского завода, построить который помогли советские друзья.

После выступления «ОГОНЬКА»

Труды Циолковского принадлежат народу

В последних номерах журнала «Огонек» (№№ 37 и 38) был напечатан один из вариантов автобиографии К. Э. Циолковского, не публиковавшийся до сих пор. Другой вариант автобиографии, несколько переделанный и дополненный, был опубликован в 1935 году в журнале «Молодая гвардия» с предисловием и примечаниями В. А. Сытина. Но для исследователей и биографов великого ученого каждое новое слово, каждый новый факт его жизни, тем более описанный им самим, представляет огромный интерес. Редакция «Огонька»сделала важное и хорошее дело, разыскав и опубликовав этот вариант автобиографии К. Э. Циолковского.

В кратком предисловии от редакции сообщалось, что подлинник автобиографии К. Э. Циолковского хранился у Г. И. Солодкова. Именно это обстоятельство очень взволновало меня. Ведь незадолго до своей смерти, 13 сентября 1935 года, К. Э. Циолковский письмом в ЦК ВКП(б) завещал «все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сообщениям Партии большевиков и советской власти — подлинным руководителям прогресса человеческой культуры».

Материалы этого ценнейшего научного наследия великого ученого по постановлению Совета Министров СССР переданы Академии наук и сохраняются как особо ценные государственные документы.

Редакция же в предисловии указывает, что автобиография К. Э. Циолковского вместе с его же чертежами и перепиской хранится на частной квартире, где документы могут подвергнуться всяким случайностям.

В связи с этим по поручению академика А. А. Благонравова, председателя комитета по разработке и подготовке к изданию научного наследия К. Э. Циолковского, мне хочется со страниц «Огонька» обратиться ко всем советским гражданам, хранящим рукописи, чертежи, переписку Циолковского.

Дорогие товарищи!

Сообщите об этом в Московское отделение архива Академии наук СССР — проспект Ленина, 14, — дабы мы могли на тех или иных условиях приобрести документы и включить их в фонд Циолковского, а также использовать в академическом издании его собрания сочинений.

Ученый секретарь комиссии по публикации трудов К. Э. Циолковского Академии наук СССР Б. Н. ВОРОБЬЕВ

* * *

После выхода из печати номеров «Огонька», в которых напечатана автобиография К. Э. Циолковского, у некоторых возник вопрос, как ко мне попал подлинник автобиографии и почему я не сдал его в фонд Циолковского в АН СССР.

По доверенности Константина Эдуардовича я заключал договоры с «Авиаавтоиздатом» на издание его трудов. Автобиография должна была войти в этот сборник, но не вошла и была мне возвращена из издательства.

Почему я не передал ее в архив?

Дело в том, что в завещании Константина Эдуардовича говорится об его трудах по авиации, ракетостроению и межпланетным сообщениям. Хранящиеся же у меня письма К. Э. Циолковского и данная автобиография носят глубоко личный характер.

Но, разумеется, я понимаю, какое значение для исследователей имеет каждое слово великого ученого. Поэтому я поручил редакции «Огонька» после опубликования автобиографии передать подлинник в фонд Циолковского в архиве Академии наук СССР.

Г. И. СОЛОДКОВ

СЕСТРЕНКИ ПОШЛИ В ШКОЛУ...

Читатели, вероятно, помнят небольшую фотографию трех сестер-близнецов: Веры, Надежды и Любочки Копыловых. Три забавные белокурые девчушки, опершись на спинку кровати, удивленно смотрят на мир. В 1955 году, когда был опубликован этот снимок (№ 35), им было по два года.

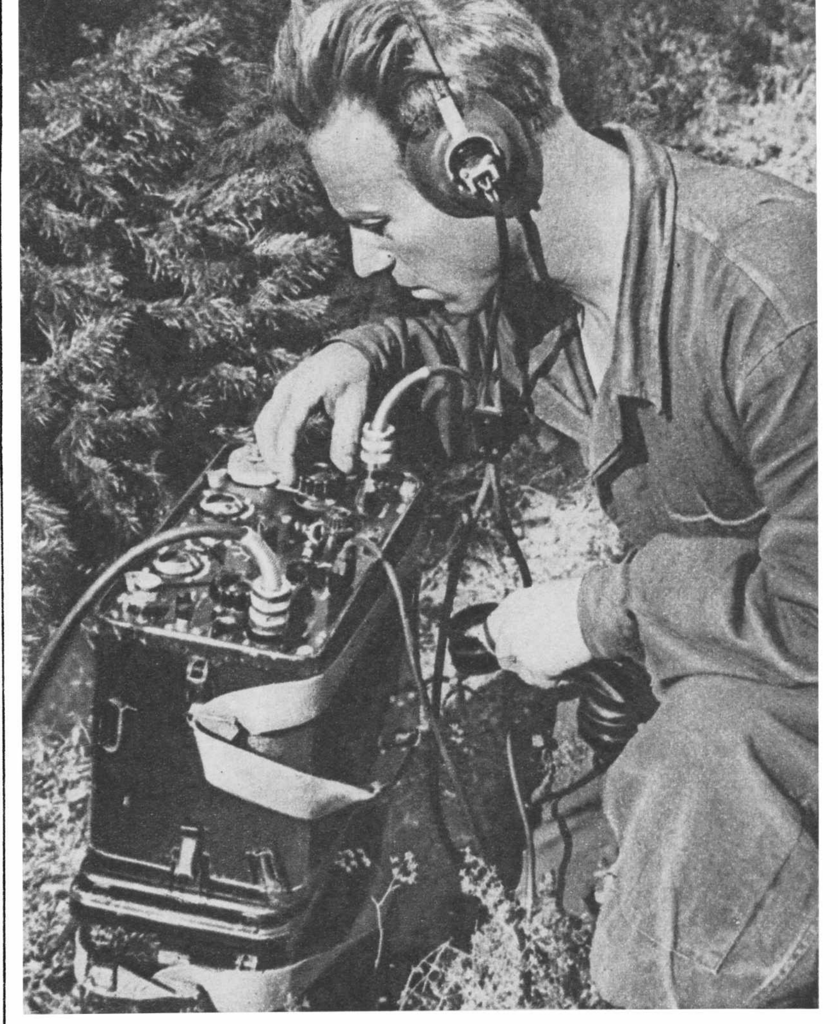
А сейчас сестренки считают себя достаточно самостоятельными и взрослыми. У них есть три портфеля, три букваря и одна любимая учительница. Сначала они не хотели идти в школу и хором объявили маме, что останутся в детском саду. Но вот прошли первые дни занятий в школе № 1 Ленинского района, и девочки возвращаются домой радостные, полные новых впечатлений.

Вере больше всего нравятся перемены. Люба заявила, что в школе вообще лучше, чем в детском саду. «Почемучка» Надя, верная своей привычке всегда про все спрашивать, каждый день после школы засыпает маму и бабушку вопросами.

Вера, Надя и Люба очень дружны, одеваются всегда одинаково, везде и всюду ходят только втроем. И уроки они делают вместе. Хотя школьную ручку они держат впервые, тетради у них чистые, аккуратные, без единой кляксы.

В. МОРОЗОВА

Парашютист-пожарный Михаил Огарков держит радиосвязь с базой.

Тревог

А. ГОЛИКОВ, Я. РЮМКИН
Специальные корреспонденты «Огонька»

— Наши самолеты и вертолеты летают над Пермской и Кировской областями, Башкирской, Марийской и Удмуртской автономными республиками. Это в общей сложности составляет территорию более 40 миллионов гектаров,— рассказывает начальник Западно-уральской базы авиационной охраны лесов Ардалион Константинович Мордовской.

Мы сидим у него в кабинете и ведем разговор о том, как авиация охраняет леса от пожара. Ардалион Константинович в прошлом летчик и работает в лесной авиации почти тридцать лет. Он боролся с огнем в сибирской и дальневосточной тайге, в лесах Ленинградской и Архангельской областей.

— Наиболее опасны так называемые верховые пожары, когда пламя охватывает кроны деревьев,— говорит Мордовской.— Такой пожар, истребляя все живое, движется со скоростью 30—35 километров в час. Бороться с ним очень трудно. Однажды я видел, как река метров в сто шириной не смогла преградить путь пламени.

— Отчего же горят леса? От молнии?

— Молния — редкая причина. Главный виновник — человек. Охотники, грибники, рыболовы, лесорубы... Разведут костер, посидят, погреются, отдохнут и идут дальше. Глядишь, про костер забыли. Наши самолеты с парашютистами-пожарными, патрулируя над лесами, отыскивают следы этакой «забывчивости» и ликвидируют опасность.

— Как же это делается?

Ардалион Константинович смотрит на часы.

— Скоро вылетает самолет на патрулирование. Отправляйтесь с ним — и увидите.

На аэродроме нас встречает летчик-наблюдатель Николай Федорович Малиновский. Он будет руководить патрульным полетом.

— Все готово,— говорит он.— Вот только схожу на метеостанцию за сводкой погоды.

На траве, возле самолета «АН-2», расположились парашютисты-пожарные. Они в комбинезонах и кожаных авиационных шлемах. У некоторых в чехлах ружья.

— Охотиться собираетесь? — спрашиваем мы.

— А как же иначе? — отвечает инструктор-парашютист Алексей Житков.— Бывает ведь и так: пожар потушен, а потом из леса выходить надо, а до жилья два-три дня пути. В таких случаях нас обычно забирают вертолеты. Но мало

→

Скорее! Надо остановить пламя!

а! Горит лес...

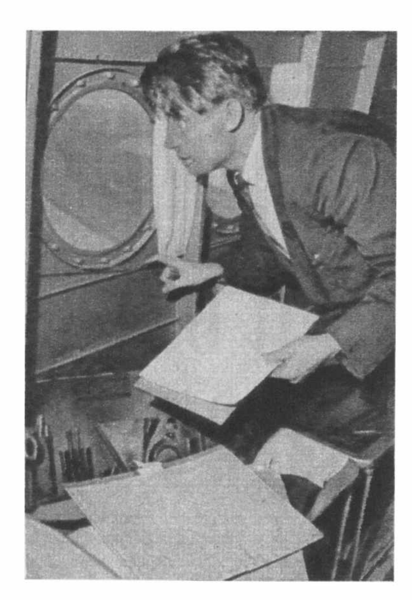
Парашютист-пожарный Алексей Житков.

↑ Взрывы преграждают путь огню: образуется защитная полоса.

С вертолета — прямо в пекло.

Летчик-наблюдатель Н. Ф. Малиновский обнаружил пожар.

ли что случится: погода может оказаться нелетной или еще что-нибудь. Тогда мы и переходим на положение лесных робинзонов: охотимся, рыбачим... Короче говоря, полное самообслуживание.

Парашютисты вспоминают про встречи с медведями, удачные выстрелы, необыкновенно крупных окуней, которые водятся в лесных озерах. Об опасностях, которые поджидают их каждый день, говорят неохотно, как-то вскользь.

— Мы обычно приземляемся на маленькие лесные полянки, а то и прямо на лес,— рассказывает Житков.— Но если умеешь управлять куполом парашюта, правильно приземлиться и не терять хладнокровия, то риск, в общем-то, не так уж и велик. Травмы у нас — явление редкое.

Почти все парашютисты-пожарные — люди нескольких специальностей: они знают подрывное дело, умеют работать на рации.

С метеостанции приходит Малиновский. Рядом с ним шагают первый летчик Семен Васильевич Алексеенко, старый воздушный волк, и молодой пилот Анатолий Лубин. Мы все усаживаемся в самолет, и машина, вздрогнув, трогается с места...

Плавно набираем высоту. Уплывает живописная панорама города Перми, в стороне остается узкая полоска плотины Камской ГЭС и блестящее зеркало водохранилища. Мы летим над лесом, который раскинулся во все стороны, насколько хватает глаз. Только изредка, словно заплаты на темно-зеленом ковре, попадаются вспаханные поля.

Из пилотской кабины выходит летчик-наблюдатель.

— Впереди большой пожар,— сообщает он.

Самолет разворачивается, и мы тоже видим, как над лесом стелется дым. А через минуту уже можно различить багровые языки пламени, которые с высоты кажутся маленькими и безобидными. Малиновский и Житков припадают к окну, отыскивая место для выброски парашютистов. Задача нелегкая: внизу — сплошной лес. Наконец появилось сухое болото, по которому разбежались редкие молодые березки.

— Прыгать будем сюда,— показывает Житков.— Приземлиться можно нормально.— И командует сидящему рядом с нами:— Огарков, будешь прыгать первым!

Огарков откладывает в сторону книгу — он не отрывался от нее с момента вылета — и берется за парашют.

— Что вы читаете? — спрашиваем мы.

— Готовлюсь к экзамену по литературе. Поступаю в лесотехнический институт на заочное отделение.

Тем временем Житков выбрасывает маленький парашютик с грузом — пристрелочный. Он внимательно следит за его спуском, и летчик-наблюдатель вносит поправки в свои расчеты. К открытой двери кабины подходит Огарков. Инструктор еще раз осматривает его парашют. Звучит команда. Парашютист делает шаг вперед — и исчезает за бортом самолета.

Самолет разворачивается, и мы видим, как парашютист, энергично управляя куполом парашюта, приземляется на высохшее болото. Затем прыгают Иван Гридасов, Сергей Масленников, Аркадий Максименков и Евгений Смыков. Последним оставляет самолет сам инструктор.

Кажется, все приземлились благополучно. Николай Федорович облегченно вздыхает и сбрасывает на грузовых парашютах радиостанцию, взрывчатку, пожарный инвентарь. Теперь самолет может взять курс на аэродром.

Здесь мы узнали, что к месту пожара полетит вертолет: надо подбавить людям взрывчатки и продовольствия. Мы просим взять нас на борт и через три часа полета опускаемся на лесной опушке, сравнительно недалеко от «линии огня». По утоптанной звериной тропе идем через лес. К смолистому аромату примешивается едкий запах гари.

Выходим на маленькую опушку и внезапно оказываемся лицом к лицу с бушующим пламенем. За сизой пеленой дыма — огненное море. Деревья с треском валятся, вздымая фонтаны искр. Жар нестерпим, хотя мы находимся от огня довольно далеко.

К нам подходит Алексей Житков.

— Из леспромхоза должна прибыть помощь,— сообщает он.— Но мы управимся сами. Ждать некогда.

Ждать действительно некогда: пожар быстро распространяется. Мы видим, как вокруг елки, стоящей на опушке, начинает дымиться трава. Потом по стволу золотой змейкой бежит пламя, и дерево мгновенно вспыхивает — от корня до вершины.

Люди работают четко, спокойно, уверенно и как-то по-особенному деловито — для них это будничная работа. Закладывают в выкопанные шурфы взрывчатку. По команде поджигают запальные шнуры и уходят под прикрытие деревьев. Лес сотрясается от взрывов. Выброшенная в обе стороны земля расширяет защитную полосу до шести метров. Для низового пожара — надежная преграда. Мы это уже знаем от инструктора.

Житков окидывает взглядом «поле боя». Он доволен: все идет, как говорится, по плану, намеченному командованием.

— Главное уже сделано. Пожар локализован. Но оставлять его без надзора нельзя. Его надо потушить окончательно. Этим уже займутся рабочие леспромхоза...

Нас зовут к вертолету: он возвращается на базу. Мы прощаемся с парашютистами-пожарными, желаем этим смелым и отважным людям успеха в работе и счастливых приземлений.

Начальник Западноуральской базы авиационной охраны лесов А. К. Мордовской (слева) дает задание экипажу вертолета: летчику-наблюдателю В. Г. Алферову и пилоту Б. В. Лебедеву.

Во время боев на Орловско-Курской дуге в июле 1943 года я был ранен и вывезен в тыловой госпиталь. Моя сберкнижка при этом была утеряна. По выздоровлении я был направлен в другую часть и о своем вкладе просто забыл.

Прочитав в № 27 «Огонька» заметку «Сберкнижка солдата Румянцева», я решил написать в Правление Госбанка СССР и очень скоро получил ответ, а затем и перевод моего вклада 17-летней давности.

Выражаю благодарность работникам Госбанка СССР за отыскание моего вклада.

А. М. ЗАМЯТИН
ст. Ощепково, Свердловская область.

* * *

Пятнадцать лет назад я утерял сберкнижку, но, несмотря на это, работники Госбанка разыскали мой вклад и вручили мне деньги.

Мне хочется, чтобы все знали, насколько гарантирована сохранность наших денег, если они попали в наш советский банк.

Ш. М. КАБАН
Сталинабад.

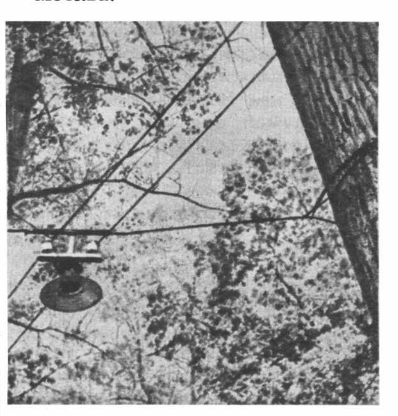
* * *

Недавно я был в городе Липецке, где посетил городской парк. Деревья в нем посажены при Петре I. Казалось бы, их надо особенно беречь, так как вырастить их — труд многих поколений! Но руководители города и работники парка думают иначе. В этом вы сможете легко убедиться, взглянув на фотоснимок. Видите, как «просто» решено освещение аллей парка. Два дерева с обеих сторон аллеи опутаны телеграфной проволокой, и к ней подвешены лампы и провода. При ветре деревья качаются и «ранят» себя. Многие из них прорезаны проволокой сантиметров на пять.

Работник милиции, с которым я встретился в парке, сказал мне, что милиция не может оштрафовать директора парка за варварское отношение к деревьям, так как ни в ОДНОЙ ИНСТРУКЦИИ НЕ СКАЗАНО, ЧТО ПОДВЕШИВАТЬ ЛАМПЫ К ДЕРЕВЬЯМ НЕЛЬЗЯ.

Может быть, можно обойтись и без инструкции?

П. И. МИТРОФАНОВ
Москва.

* * *

В наших магазинах редко увидишь хорошие открытки, чаще всего это бесцветные репродукции. А ведь открытка, как и марка, должна отражать нашу жизнь. Хочется видеть красивые открытки, на которых были бы запечатлены атомоход «Ленин», наши спутники, воздушные лайнеры, новостройки, достижения науки и техники, исторические памятники.

Е. И. МАХОНЬКО
Кандалакша.

Лапин — железный человек

Рассказ

Э. ДУБРОВСКИЙ

Рисунки И. КУПРЯШИНА.

Мы лежим у костра и молчим. Темнота бесшумно танцует вокруг. Кажется, что она стекла к огню со склонов ущелья, уплотнилась до густой черноты и поэтому так светло в серебристом от звезд небе. Я прижимаюсь щекой к холодному плащу, на котором лежу, и слышу, как тяжело стучит в висках кровь. А может, это усталость, ртутью налившая тело, уходит в землю: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Костер трещит, разгораясь. Я отодвигаюсь в сторону, в тень от широкой спины Лапина. Он сидит, протянув короткие ноги к огню, и палкой сгребает горящие ветки под дно чайника. Я не вижу его лица, но точно знаю, какое у него сейчас выражение — выражение полного безразличия, будто и не лежат рядом вконец измотанные люди, которым пальцем пошевелить и то больно; будто не он, Лапин, вот уже пятый день поднимает нас с рассветом и гонит вперед, безжалостно обрывая перекуры. Лапин с безразличным видом ковыряется в костре, но время от времени взглядывает на ребят. Это я вижу по их лицам и затылкам — лапинский взгляд кожей чувствуешь. У Лапина манера смотреть на людей долго, не мигая, и как будто без всякого выражения. Глаза у него маленькие и выпуклые, как картечины. Когда он злится, глаза светлеют, а на блестящем коричневом лице отчетливо выделяются побелевшие ноздри короткого носа. Но сейчас он спокоен, насколько может быть спокоен такой человек, как Лапин. Просто он еще, наверно, не придумал для нас никакого подходящего дела. Хотя нет... На кого-то он пристально смотрит. Так и есть. Федя Седых, кряхтя, приподнимается, очень медленно встает и уходит в темноту. За дровами.

— Две-три потолще! — отрывисто говорит Лапин.

Ну что ж, он имеет право на такой тон. Все эти дни он рубит кустарник, копает землю, выворачивает камни наравне со всеми, если не лучше. И как разделаться с этой дурацкой скалой, придумал он. И это Лапин сходил за водой и приладил над костром чайник, когда мы кое-как разожгли огонь и ткнулись носами в землю. А сейчас он поддерживает огонь. Сидя. Хотя у него наверняка не меньше, чем у нас, болят спина и руки. Да, он имеет право говорить, не поворачивая головы. Кроме того, он начальник.

Кряжистая лапинская спина черным монументом дыбится перед моим лицом; если прищурить глаза, то кажется, что языки пламени окаймляют это черное пятно, как протуберанцы.

Говорят, Лапин — хороший начальник. Наверно, так оно и есть. Рабочие с ним разговаривают без усмешек, не то что со мной. Он не очень-то вежлив с ними, но сам, не доверяя техникам, берет лопату, банку с ядом, лезет по склону и показывает, как быстро и правильно затравить нору сурка. Он не держит перед рабочими речей о том, какое большое дело они делают. Он говорит о деньгах, о том, сколько звено заработало и сколько может заработать, если будет вкалывать по-настоящему.

А я не умею говорить о заработке. Не привык, стесняюсь как-то. Я не умею орать на техников и шоферов. Когда я злюсь и повышаю голос, то начинаю заикаться, и ребята, вместо того чтобы дрожать от страха, ухмыляются мне в лицо. Похоже, что я не гожусь в начальники противоэпидемического отряда. И сейчас я, по сути дела, не заместитель, а так, что-то вроде адъютанта. Вот и с дорогой этой... Роль моя тут самая второстепенная. А Лапин...

Лапин вернулся из поселка неожиданно быстро. Настроение в отряде было неважное. Подходило время переброски отряда вверх, в сырты. До верхней базы по ущелью шла тридцатикилометровая тропа. Лошади, навьюченные продуктами и кирпичом, палатками и бочками с ядом, за день поднимались до базы и на следующий день возвращались обратно. На верхней базе Тихоныч складывал печь для пекарни, поглотившую уже не одну сотню кирпича. Отдыхать лошадям было некогда, и они одна за другой выходили из строя. Как раз накануне лапинского приезда серый мерин, надежда перевозочной группы, вернулся с вздувшейся и стертой до мяса холкой. А перед этим подбился один из трех верблюдов. Он лежал в кустах за лагерем и гнусаво орал. С перевозками мы запарывались.

Лапин ворвался в лагерь, как шаровая молния. Он промчался мимо палаток к складу, потом нырнул в шоферскую палатку. Палатка загудела. В складе тоже началось какое-то движение, лязг и треск. Атмосфера накалялась. Мы ждали взрыва. Но его не последовало. Лапин вкатился в мою палатку и, не здороваясь, уставился на меня.

— Ну-ка, ты вот чего: проследи на складе, чтоб отобрали хорошие лопаты и кирки попрочней. И выпиши продуктов на неделю для десяти человек. Понял?

— Ты бы все-таки объяснил, в чем дело, или поздоровался хотя бы.

— Объяснять тут нечего; завтра начнем делать автомобильную дорогу до верхней базы. Ты рот-то закрой: тут мухи летают.

— Просто гудронную или на бетоне? — пришел я в себя.

— Ты это брось! Ущелье я знаю. Дорогу сделаем. Да и с институтом все согласовано, для того и звонить ездил. Ну, я пошел людей подбирать.

— Погоди, а инженером, значит, ты будешь? — Я не мог не язвить: слишком все это было неожиданно.

— Да пойми ты, голова, ведь не шоссе делать будем, а просто расчистим проезд для «ГАЗ-63». А уж они сами укатают.

— Ну, а мосты? — сдался я.

— Без мостов. Вброд. Камни только уберем со дна. Вода будет низкая до второй половины июля.

— Иногда и в первой поднимается.

Лапин неожиданно рассмеялся:

— В этом году не поднимется!

Четыре дня наша группа пробиралась вверх по ущелью. Впереди на лошади ехал Лапин, указывая направление. За ним, приминая густую траву, кренясь на склонах, ползли два грузовика «ГАЗ-63». Рев моторов дробился в красных скалах, заглушал глухой шум реки. В тугайниках кричали ошалевшие сороки. Машины проползали две-три сотни метров и останавливались. Лапин слезал с лошади и вытягивал руку в сторону плотной ткани тугайных зарослей: «Дорога вот здесь!» Мы не смеялись. Мы видели эту дорогу, вот что удивительно! Мы вламывались в туги, кромсая топорами упрямый кустарник; выворачивали из земли, обняв исцарапанными руками шершавые, дьявольски тяжелые камни — женщины позавидовали бы крепости этих объятий; скапывали щебнистые откосы, и черенки лопат розовели от крови стертых ладоней. Час, два, три — камни, кусты, земля, кровь, мощные вздохи сваленных елей, визг кирок, крошащих щебень, боль неразгибаемых спин — и снова камни, кусты, земля... Но вот последний камень гулко скатился в реку. Последний куст, дрожа изрубленными ветками, лег под ноги. Впереди опять ровная луговина. Лапин, низенький, мускулистый, голый до пояса, весь в подтеках грязного пота, бросал тяжелый лом в кузов и залезал на лошадь. Неодобрительно глядя, как мы дрожащими пальцами закуриваем, он коротко бросал: «Дальше!» Опять ползут машины, выдавливая в сочной траве светлые ленты. Ползут, пока не упрутся в камни или болото. И снова стук топоров, шорох лопат и ругань сквозь зубы. Восемь человек, две машины и две лошади — не так-то много для трех десятков километров такого пути!

На пятый день уперлись в скалу. Высоченная, в редкой щетине сухих елей, она обрывалась прямо в речку. Подъем можно было расчистить довольно быстро, но он был настолько крут, что машины могли его не взять.

— Не взять, — сказал дядя Игнат, сел на подножку машины и закурил.

Дядя Игнат был старейшим шофером в нашем институте, а может, даже и в республике, и уж если он что-нибудь говорил, а говорил

он редко, то ни у кого не возникало и мысли, что может быть иначе.

Мы развалились в траве и курили, бездумно глядя в прозрачное небо, где лениво скользили широкие силуэты грифов. Мы впервые почувствовали, насколько измотались за эти пять сумасшедших дней, но как-то даже не испытывали досады от того, что все наши труды пропали. Просто лежали и курили. Один только Лапин зачем-то полез на скалу, сел на вершине и стал смотреть вниз. Как будто и так не ясно! Объехать тем берегом нельзя: слишком в этом месте глубока река, машину с капотом закроет. А через скалу не перелезть — это теперь и младенцу ясно. Так какого черта он туда залез, прыгать, что ли, собрался?!

Лапин крикнул, чтобы мы брали инструменты и лезли к нему. Потом мы до вечера долбили ломами и кирками основание здоровенного камня, долго раскачивали его и наконец столкнули вниз. Обрастая тяжелым грохотом, глыба в облаке изломанных елочек и раскрошенных камней врезалась в бурлящую серую воду. Она упала в самом узком месте и почти перекрыла русло. Мы сбросили еще несколько камней поменьше, и вода, неся мусор и комья грязной пены, пробилась в боковое высохшее русло. Речка раздвоилась, уровень воды резко снизился.

И вот мы лежали у огня, и Лапин кипятил чай.

— Больше трудных мест не будет,— сказал он, не оборачиваясь.— Одно меня беспокоит: как там Тихоныч на верхней базе? Я уж чувствую, что этот фокусник где-нибудь да подгадит. А без хлеба нам каюк. Ты что, спишь?

— Н-нет,— пробурчал я. Мне не хотелось с ним спорить.

— Терпеть не могу таких кудесников,— не унимался Лапин.— Всегда у них не как у людей.

— Слушай, тебе не хочется отдохнуть? Спина у тебя разве не болит?

Лапин обернулся:

— Завтра поедем на верхнюю базу. Дорогу без нас кончат.

Все-таки железный человек Лапин!

К полудню мы были на верхней базе. С перевала тянуло сырым холодом. Рядом с приземистым, сложенным из кривых сучковатых бревен домиком базы серели пятна грязного снега. Половину домика занимал склад, в другой половине жили трое: Тихоныч и Иванычи. Иванычами мы звали наших пекарей—Евдокию Ивановну и Исая Иваныча. Оба маленькие, тихие, они и лицами и манерой разговора были как-то неуловимо похожи друг на друга. Нам рекомендовали их как хороших пекарей, и вот они поселились здесь, чтобы весь сезон выпекать хлеб для нашего отряда. Отряд был большой, и печка требовалась соответствующих размеров. Тихоныч взялся ее сложить и теперь, только мы слезли с лошадей, повел нас смотреть свое детище.

Тихоныча я знал с весны. Он приехал вместе с группой завербованных рабочих. Не обращая внимания на смешки парней, он снял с машины длинный стальной брус, очень тяжелый и громоздкий, потом кряхтя спустил на землю два тяжеленнейших деревянных чемодана, потом мешок с чем-то мягким и, наконец, несуразного куцего щенка с круглыми испуганными глазами. Щенок, повизгивая, залез под машину, а Тихоныч огляделся и направился ко мне. Ему было за пятьдесят. Сутулая спина, длинные, повисшие руки, которыми он никогда во время ходьбы не размахивал, неуклюжая, но быстрая походка — все это производило впечатление, будто верхняя часть туловища стоит на месте, склонившись над чем-то, а передвигаются только ноги. Тихоныч приставил к моей груди толстый черный палец с желтым ногтем, а потом направил его в сторону чемоданов и щенка, испуганно из-за них выглядывавшего.

— Только самое нужное — я по железу работаю.— Он говорил пришепетывая и глотая концы слов.— Ну, и потом вообще-то все могу. И по дереву и даже сапоги. Если там чего писать, составить или арифметику,— это к Тихонычу и не суйтесь. А все другое могу. Я так думаю, что у вас найдется по железу работа.

В ближайшие дни мы поняли, что нет такого предмета, который Тихоныч не мог бы сделать или починить. Он снабдил все звенья огромными сковородками, края у них были красиво гофрированы. Правда, Лапин устроил ему разнос за неэкономное расходование железа. Когда шофер Миша перевернулся на своем «бобике», удачно вывалившись при этом из кабины, Тихоныч выправил все помятости кузова и даже сделал новый глушитель. Он починил мне ружье, а бухгалтеру Петренко — будильник. Вообще непонятно, зачем Петренко взял в отряд будильник, тем более, что он обладал роковым свойством звонить в самые неподходящие моменты, например ночью или во время обеда. Будильник, как бомба замедленного действия, держал всех в постоянном напряжении и все же взрывался неистовым звоном в тот самый момент, когда мы этого не ждали. Тихоныч усмирил проказливый механизм, и тот стал звонить точно в назначенное время, причем тихо и мелодично. Все облегченно вздохнули, однако на следующий же день почувствовали, что чего-то явно не хватает. Жизнь утратила свою остроту. Правда, никому не пришло в голову попросить Тихоныча сделать все по-старому. Потом Тихоныч взялся в кратчайший срок сложить печь на верхней базе.

И вот мы стояли около печи и молча ее рассматривали. Странная это была печь. Огромная и странная. Представьте корабль с двумя длинными трубами и обрубленными носом и кормой. А из днища торчат деревянные столбы, на которых этот корабль покоится. Или, еще лучше,— ангар из кирпича и на сваях. По краям ангара тянутся вверх эти самые железные трубы. Мы молча обошли вокруг печи. Лапин хмыкнул. Исай Иваныч мелко засмеялся:

— Дредновут... хе-хе!..

Тихоныч не удостоил его взглядом:

— Печь что надо, товарищ Лапин. Обещал на сто лет — так и есть. Век простоит, всю округу хлебом завалит...

— Ты ближе к делу,— прервал Лапин,— сколько выпечка?

— Сто кило потянет.

— Такого-то хлеба и двести вытянет,— кротко сказала Евдокия Ивановна и улыбнулась мужу.

— А это что за фокусы? — Лапин указал на трубы.

— Это я сначала одну сделал. А ветер-то здесь меняется. Как сверху подует, так тяги нет с одной трубой. Я другую приладил. И две заслонки особые. Сверху дует — вот эту надо открывать. Снизу — эту. Теперь тяга — аж гудит.

— Гудит,— опять усмехнулся Исай Иваныч.

— А глина здесь никуда не годная. Не держит. Пришлось весь свод железными поясами стягивать. А на поясах-то, гляди-ка, для каждого кирпича зажим.

— Н-да. Ну и как, пекли?

— Пекли вот они,— хмуро кивнул Тихоныч на пекарей.

— Пошли посмотрим,— бросил Лапин и пошел в дом.

С первого взгляда было ясно, что это, конечно, не хлеб, а черт знает что. Низкий, белый сверху, с темным, подгоревшим низом. Лапин отломил кусок, пожевал, выплюнул. Посмотрел на притихшего Тихоныча, потом на Иванычей:

— Та-ак... Вы мне скажите, чем людей кормить будем?

— Это все он,— заволновался Исай Иваныч.— Видано ли, какое чудище сложил? Разве это печь? Верх печет, а под сжигает. Я ж говорю, дредновут.

— Слушайте меня,— подошел к Лапину Тихоныч.— Я что же, печей не складывал? Разные печи, по-разному и работать надо. Я им говорю, чтобы прокаляли да дольше держали. А они не слушают: час подержат — и готово. Да еще слова всякие говорят. Не умеют они хлеб печь, и все тут. Моя баба и то бы лучше спекла.

Лапин закипел:

— Ты со своей бабой знаешь что?.. Ты какую печь сложил? Ты отвечай: чем кормить будем людей, куда этот хлеб денем? Я вот тебе на шею эту муку повешу. Тоже мне изобретатель!

— Может, это первая выпечка такая неудачная,— попробовал я найти компромисс.

— Не будет у них удачной выпечки,— ядовито сказал Тихоныч.

— Может, ты это и заранее знал?! — закричал Лапин, вскакивая на ноги.— Да ты весь отряд без хлеба оставил! План нам сорвешь! Работать надо было, а не дурака валять!

Тихоныч, как-то сникнув, сворачивал самокрутку и все никак не мог свернуть: табак просыпался.

— Разве это хлеб? — тихо сказала Евдокия Ивановна.— Мы вот с Исаем-то Иванычем каждый год какой хороший печем. И не в печке, а в яме прямо. Тоже и в горах приходилось. Да и бабка еще моя так пекла. И не надо нам никаких таких печек особенных.

— Я вот так скажу,— тихо, ни на кого не глядя, заговорил Тихоныч.— Я печек сложил, может, больше, чем вы буханок хлеба испекли. И не было двух одинаковых. А теперь спросите: обижался ли кто за эти печки на Тихоныча? Хлеб я не пек: не мое это дело. Но вот сейчас замешу и выпеку такой, что ахнете. А потом печку к чертям разрушу, и пеките в своей яме!

— Ничего не выйдет! — вскинулся Лапин.— Пятьдесят килограммов муки выбросили коту под хвост! Больше не позволю. Завтра с утра, Исай Иваныч, копайте яму, и чтоб к вечеру была выпечка!

— Дык чего же завтра?! Я прямо сейчас начну. Мы вот с ней вдвоем и сделаем.

— Ладно. А вам делать здесь больше нече-

го. Доизобретался, «инженер»! Поедете завтра вниз сковородки клепать. Хвастун несчастный!

Тихоныч дернулся, как от удара, пошевелил губами и, по-стариковски согнувшись, зажав в руке незажженную самокрутку, молча вышел из дома.

— Слушай,— не выдержал я,— какого черта ты старика обидел?!

— Потому что он мне план выброски отряда срывает.

— Ерунда! Он талантливый человек. И ничем мы не рискуем, если он свою выпечку сделает. Наверняка получится.

— Что ты понимаешь? Я этих изобретателей знаю. Никакого им дела нет до ситуации, лишь бы что посложней придумать! А этот еще угрожает: «Печку разрушу!» Распустили вы его. Подумаешь, талант!

— Знал я, что ты упрямый, но не думал, что во вред делу.

— Ну чего ты от меня хочешь?! Чтобы он еще один мешок муки испортил? Черт с вами, пусть портит! Но платить ты будешь.

Я пожал плечами и пошел за Тихонычем.

Под вечер мы уезжали: ночевать Лапин не остался. Удивительная печь-пароход будто дрожала от работающих внутри турбин. За заслонкой билось гулкое пламя, из труб рвались струи горячего дыма. Хмурый Тихоныч, еще больше ссутулясь, таскал с горы сухую арчу; брови его, казалось, стали еще гуще, и глаз под ними совсем не было видно. Рядом с печкой Исай Иваныч, вымазавшийся до плеч серой грязью, копошился в яме, которая уже скрывала его до пояса. Евдокия Ивановна не спеша носила с ручья плоские камни и укладывала их в яму. Символизм этой картины меня поразил: молчаливый старик рядом с ревущей огнем чудо-печью и сбоку эти двое, с деловитой убогостью копошащиеся в грязной яме, завещанной им неохочей до новшеств бабкой.

На следующий день с утра зарядил въедливый дождик. Машины уперлись в болото. Объехать его не удалось. Мы стаскивали со всех сторон камни, рубили кустарник. Дождь тихо шуршал по одежде. Наконец, увязая по колени в холодной зыбкой почве, мы вымостили узкий проезд. Ревущие, будто от страха, машины осторожно переползли болото. Гать осела, но выдержала. Лапин хмурился, стирая рукавом пот со лба и размазывая по разгоряченному лицу грязь.

Кто-то крикнул:

— Смотрите, о цэ наездник!

Сверху порожняком спускались наши вьючники. На головном верблюде сидел Тихоныч. Ноги его в вымоченных дождем брюках свисали по серым верблюжьим бокам. Куцый щенок бежал рядом. Оразбек, высокий и крикливый начальник перевозчиков, подскакал к нам и, перегнувшись с седла, закричал:

— Так дело не пойдет, начальник! Тихоныч уйдет — кто вьючные ящики будет делать?! У меня лошади, а не машины! Сдохнут — отвечать не буду! Вьючить как будем без Тихоныча, скажи, начальник?

— Это что значит «уйдет»? — надвинулся Лапин на подошедшего старика.

Тихоныч вынул из-за пазухи большую круглую буханку хлеба, светло-коричневую, с желтой сбоку хрусткой корочкой, и разорвал ее пополам. Сжавшиеся у него в руках куски хлеба зашевелились, распрямляясь и выставляя напоказ пышную свою сердцевину.

— Возьми хлеб, начальник. Хочешь — ешь, хочешь — на выставку отдавай. Пекарям твоим, Иванычам, показал я, как выпекать надо: про яму забыли. А тебе вот что скажу: у тебя в отряде я больше не работник. Может, ты и хороший начальник, только таким, как мы с тобой, вместе работать не получается. Так что прощайте. Простите, конечно, если что не так.

Лапин покраснел, не то от злости, не то от стыда — я так и не понял. Он в упор смотрел на Тихоныча, сжимая в руке хлеб. Побелевшие пальцы с хрустом проломили корку и вонзились в мякоть. Ребята столпились вокруг. Грузный, медлительный Федор Седых молча взял у Лапина хлеб, понюхал, прищелкнул языком. Хлеб пошел по кругу.

— Значит, дезертируешь? — вдруг звонко выкрикнул Лапин.— Ну и скатертью дорога, мне дезертиры не нужны!

Тихоныч смущенно оглянулся на ребят и пожал плечами, как бы стыдясь за Лапина. Заговорил он негромко, с трудом:

— Печку я сложил, как и обещал. Хлеб выпек. Доказал вроде. Но и ты себя показал, начальник, какой ты есть. Познакомились, значит. А, да что тут говорить!

Он махнул рукой и, ни на кого не глядя, пошел к перевозчикам, устроившим неподалеку на сухом месте привал. Лапин отвернулся и хмуро бросил ребятам:

— Ну, хватит бездельничать! Поехали.

Никто не пошевелился. Все молчали и смотрели в стороны. Потом Федор лениво пробасил:

— Цельный день все отдыхаем. Того гляди на заду мозоля набьем!

Глаза у Лапина побелели и округлились. Он уже было открыл рот, но тут я совершенно неожиданно для самого себя сказал:

— Правильно, ребята! Пора и отдохнуть, привал — полчаса.

Сказано это было достаточно твердо. Лапин закрыл рот и удивленно уставился на меня, будто мы и не были с ним полгода знакомы. Ребята не расходились, видно, ожидая, что будет дальше.

— Полчаса много, хватит и четверти,— пробурчал Лапин и пошел к машинам.

Ребята плотней сгрудились вокруг меня.

— Чего он на Тихоныча взъелся? — загудел Федор.— Чего вам надо от него? Мы старика в обиду не дадим.

— Кому «вам»? — обозлился я.— Мне, что ли, от него чего-то надо?

— Не знаю,— тянул Федор.— Только, если Тихоныч уйдет, мы тоже расчет возьмем. Вкалываешь, вкалываешь, а потом еще такое...

— Никуда Тихоныч не уйдет. Это вам я говорю! А насчет расчета вы это бросьте! Не на дядю работаете, для себя дорогу строите. С какими глазами мы отсюда уйдем, не кончив?

Я выпалил все это и внутренне сжался в привычном ожидании усмешек и многозначительного покашливания. Но ничего такого не последовало.

— Ладно,— отрубил Федор,— айда отдыхать!

Выслушав меня, Лапин долго сидел, посасывая травинку, и молчал.

Наконец я не выдержал:

— Ну, так как же?

— А вот так же. Говорил ведь, что от этих кудесников добра не жди. Ребят вот взбаламутил, когда осталось работы всего ничего... А дальше с ним цацкаться — весь отряд разбежится?!

— Так, по-твоему, это он виноват, что ребята взъерепенились?

— Ну, ладно, ладно! Ты сам-то не ершись! А то навалились все — не дыхнешь.

Лапин встал и посмотрел в сторону Тихоныча.

— Щенка этого таскает с собой бесполезного. Вот народ.— Он сокрушенно покачал головой и вздохнул.— Ну что ж, пойду комедию ломать.

— Я с тобой.

— А это как хочешь. Я ему в ножки кланяться не буду, смотреть не на что.

Тихоныч кормил щенка размоченным в воде хлебом и не поднял головы, когда мы подошли и остановились перед ним.

— Что ж присесть не приглашаете? — спросил Лапин.

Тихоныч выпрямился, посмотрел куда-то мимо Лапина и сухо сказал:

— Земля не моя, да и вы не гости.

— Ладно, отец, будет сердиться-то. Чего между людьми не бывает! Вот кончу дорогу, приеду в лагерь, тяпнем с тобой водочки, и будет у нас мировая. Так?

Лапин сел напротив старика, поджал по-казахски ноги и протянул Тихонычу руку:

— Ну, по рукам, что ли?

Щенок тыкался глянцевым носом в темную Тихонычеву ладонь, хлопал губами, слизывая крошки. Тихоныч молчал. Ноздри у Лапина побелели.

— Следует все же ответить,— процедил он.— Я как-никак начальник.

— Начальник...— раздумчиво протянул Тихоныч.— Выходит, есть люди, а есть начальники... Так, что ль, начальник?

Лапин развел руками и взглянул на меня, словно говоря: «Ну вот, пожалуйста...» Потом упер руки в колени и, шаря свинцовыми глазками по хмурому лицу Тихоныча, отрывисто и зло сказал:

— Долго языки чесать нечего. Вы мне для дела нужны. Вот и вся философия. Сейчас поедете в лагерь. Завтра начнете делать вьючные ящики. Кроме нарядов, буду начислять вам еще и оклад — шестьсот в месяц, с сегодняшнего дня. Все.

— Не туда разговор-то пошел, не тем краем заходишь! — почти закричал Тихоныч.— Ты мне деньги-то не суй! Сам провиноватился — сам и отвечай. А народной денежкой за свои грехи не откупайся. И тон свой на мне не пробуй: матерьял не тот!

Лапин растерянно смотрел на Тихоныча. Тот разгорячился, на морщинистых щеках проступил бурый румянец, руки тряслись.

— Так ты и знай: не тот я матерьял для тебя. На мне свою твердость не пробуй. Я всю жизнь прожил — одним боком к людям, другим к железу — и так скажу: не годится, чтоб человек из железа был. Повидал я таких, без мягкости которые, без понимания человеческого. Пользы от них, как от сковородки, а вреда для людей — хуже нет!

Я с опаской взглянул на Лапина, но он сидел, опустив голову, и только желваки сновали под кожей небритых щек. Тихоныч умолк, доставая кисет, и Лапин поднял посеревшее лицо. Губы его искривились, обозначая улыбку.

— Эк ты меня, дед!.. Такого наговорил... Больно строгий ты. Да-а, не по мне этот разговор. Однако вот смиряю себя... Держу... Потому что дело мое обязывает, работа... А ты только о себе думаешь, о своей стариковской обиде. Кто же прав-то из нас?

— Ты, видать, всегда прав будешь,— хмуро сказал Тихоныч, развязывая кисет.

— Конечно, потому что в первую голову о деле думаю.

— «Дело», «дело»! На кой ляд твое дело, если ты людям цены не знаешь! Де-е-ло... Я об деле больше тебя болею, потому для людей дело делаю.

— Верно! — не удержался и я.— А для кого же, как не для людей, наш отряд работает!

Удивляясь собственной храбрости, я небрежно кивнул на Лапина:

— Если он вас обидел, не надо на весь отряд обижаться. Кроме Лапина, здесь еще люди есть. И незачем вам из отряда уходить.

— Ну, хватит! — Лапин вскочил на ноги.— Поговорили... Вы, я вижу, без меня лучше договоритесь!

Он рывком повернулся и зашагал прочь. Тихоныч, задумавшись, следил за ним.

— Мастерскую вам на верхней базе поставим,— сказал я полувопросительно,— скоро там весь отряд будет.

Лапин, спотыкаясь о камни, быстро шел к машинам. Тихоныч все смотрел ему вслед и ответил не сразу.

— Тяжело ему — мягкости не хватает. Потому и не ковкий он. По нему слабый удар толку мало дает. Для наших-то молотков — надолго работа.

— Но ведь надо...— сказал я.

— Надо,— кивнул Тихоныч.

Зерносовхоз „Ермак"

Николай АГЕЕВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Над Иртышом,
Когда яснеют шири,
Перед восходом солнца, на заре,
Могила покорителя Сибири
В студеном отдыхает серебре.
Над нею камень.
Он исхлестан стужей
И жаркими ветрами опален.
Пирамидальный,
К небу чуть заужен,
На меч героя смахивает он.
Туманами одето Заиртышье.
На звездных росах выстоялась тишь.
Здесь вырастали смотровые вышки
И казаки смотрели за Иртыш.
Стоял Ермак на диком крутояре,
Скрестив большие руки на груди.
Раскосые кочевники-татары
Заслон подняли на его пути!
Но что ему нежданные заслоны?
Он их сомнет, как стены камыша!
Не к золоту Кучумовой короны
Рвалась его казацкая душа!
Он шел в Сибирь не ради вечной славы,
Не за добром пушного ясака̀.
Бревенчатые крепости-заставы
Вставали по веленью Ермака,
Вставали как защита и опора
Российских государственных границ!
И обжигал, взрываясь, дымный порох
Янтарное безбрежие зарниц.

* * *

Иртыш! Иртыш!
Тебе машинным эхом
Откликнулась былинная земля,
Где застилала вьюга волчьим мехом
Извечные метелки ковыля.
Над зимней степью вспыхнуло сраженье,
И замертво упала тишина.
Так началось другое покоренье
Твоих земель, степная сторона!

В степи бело́:
Ни кустиков, ни кочек,
Один вагон на тракторных санях,
Да тракторист у трактора хлопочет,
Коль вязнет трактор в мартовских снегах.
Но сколько бы зима ни свирепела
И как бы ни скулила по ночам,
Весна свое наверстывала дело
По капелькам, по сущим мелочам.
Еще шуги серебряная рыба
Плескалась на взлохмаченной волне,
Но в рост у белоярского изгиба,
На четырехметровой глубине,
Вставали бревна первого причала
С обугленной сосновою корой.
Волна не в берег,
А в сердца стучала
Своею белопалою рукой.
Степан Орлов с утра до поздней ночи —
На нем, бывало, нитки нет сухой —
То бревна отсыревшие ворочал,
То волнорезы прошивал скобой.
С ним на плотах еще таких же тридцать
Широкоспинных, кряжистых ребят;
На них одежда мокрая искрится...
А волны под настилами храпят.

В ту ночь гудели у Степана плечи —
И сон не в сон до самого утра.
Едва уснул —
Врывается диспетчер:
— Вставай, парторг, подходят трактора!
И снова он свои покинул нары,
Глоток воды — и до обеда сыт.
Бежит к причалу...
А на крутояре
Уже народ давнешенько стоит.
Отсюда хорошо видны буксиры
И даже буквы на бортах видны.
Буксиры сцепом, сдваивая силы,
Ползут на гребень взмыленной волны.
За ними баржа —
Вод иртышских пава —
Идет, не запинаясь о валы,
И трактора на ней, как по уставу,
Закутаны в зеленые чехлы.
Речной причал, сосновые перила
От ветра задубели и воды...
Вот баржа подошла, затормозила
И чокнулась тихонько о плоты.
И вал людской на баржу разом хлынул,
И покатилось по волнам:
«Ура-а-а!»
Орлов ушанку поплотней надвинул
И, словно позабыв про трактора,
Приезжих обнимает, как знакомых...
Улыбки, шутки, смех и теснота!
Как будто бы ему привет из дому
Они сегодня привезли сюда.
Сосновые нетесаные трапы —
На мокрых бревнах лупится кора.
С пришедшей баржи,
Словно кони, с храпом
По ним на берег вышли трактора.
Поблескивая краскою стальною,
Стоят на диком бреге «ЧТЗ»,
Стоят они, не ведавшие зноя,
Рассветов не встречавшие в росе.

Еще поселка не было в помине,
Белел палаток реденький косяк,
Встал первый столб
(Он сохранен поныне)
С дощечкою:
«Зерносовхоз «Ермак».

Штурм целины лежал за дымкой ночи.
Здесь в первый раз за много сотен лет
Степь разбудил не трескотней сорочьей,
А тракторным дыханием рассвет.
Вставал рассвет сырой, тяжелокрылый,
В настоях обжигающей росы.
Все небо облаками обложило,
Казалось, миг остался до грозы.
И вдруг
Легко, застенчиво, несмело
На лемехах луч солнца замигал,
И на душе парторга посветлело,
Ударом в било
Штурму дан сигнал.
И хлынула на гусеницах лава,
Охватывая землю широко!
Вокруг дымок бензиновый заплавал,
Похожий на парное молоко.
Шли трактора,
Пятилемешным клином
Захватывая сразу полверсты.
Сизарь-туман, дремавший по низинам,
Садится на поднятые пласты.
И первый грач (он как отполирован
Или начищен сажей до огня)
Идет по первой борозде суровой
В сквозных лучах проснувшегося дня.
А на ведущем тракторе,
Где знамя
Стреляло алым шелком на ветру,
Сидел парторг Орлов за рычагами:
Он не остался дома поутру.
Да, это утро будет словно веха
Второго наступленья на Сибирь.
Так разносись, раскатывайся, эхо,
Во всю земную голубую ширь!

Земля! Земля!
Бураны да метели
Тебя хлестали издавна крылом,
Но вот пшеницы тоненькие стрелы
Целинный прокололи чернозем.
И потянулась к солнышку пшеничка
Во весь степной бескрайний окоем,
Ее румянцем тронуло девичьим,
И задышала вся она огнем.

Кругом хлеба.
Еще такого хлеба
Ты не рожала, дикая земля!
На буйном царстве цепкого сурепа
И дымчатых начесов ковыля
Стоят хлеба высокою стеною.
Лети, хлебов медовый перезвон,
Вливайся в гул рабочего Урала,
Ласкай плотин прессованный бетон,
Дыши в стихах партийного накала!

Степан Орлов своим глазам не верит,
Возьмет в пригоршни россыпи зерна
И, оглянувшись на иртышский берег,
Прикидывает:
Где сильней волна?
И далеко разносятся раскаты:
Зерно бежит по гулким рукавам,
Комбайнов сцепы, будто бы каскады,
Покачиваясь, ходят по полям.
Здесь дни стоят хрустально-голубые,
Любуются комбайновой страдой,
И смотрит не насмотрится Россия
На эти будни в дымке золотой.
А к закромам
По скошенным просторам
Иртышский хлеб без удержу идет,
Да так, что прогибаются рессоры
Под тяжестью твоей, целинный год!

* * *

...Осенний день.
Молчат степные шири.
Они умолкли только до весны.
К могиле покорителя Сибири
Подходит покоритель целины.
И сноп тяжелой бронзовой пшеницы
Он, как венок, приносит Ермаку,
Где каждый колос славою искрится
И жаром дышит, словно на току.
И показалось, что расправил плечи
Живой Ермак, озябнув ото сна,
Да и промолвил:
— Здравствуй, человече!
Легко ли покорилась целина?
Стоят они вдвоем на крутояре,
Над дважды покоренной стороной.
У ног Иртыш кипит в осенней хмари
И норовит их окатить волной.

Нина Ильинична Жмакина.

Если

Она все принимает близко к сердцу. Можно подумать, что прожила она здесь много-много лет. Но дом еще новый, и сама Нина Ильинична Жмакина — новосел, и не только в этом доме, а вообще в Донбассе.

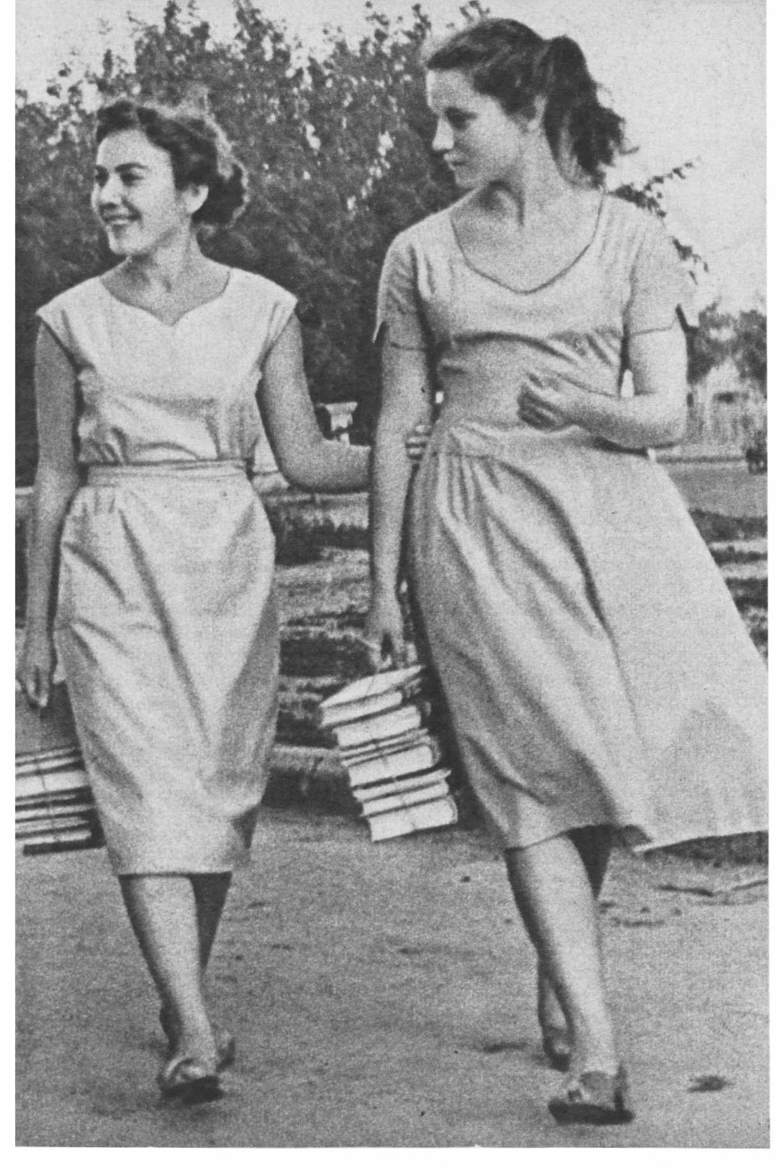
Нелегким был ее жизненный путь. География — от Волги до Сахалина, а биография — от простой чернорабочей и табельщицы на торфоразработках до главного бухгалтера крупного целлюлозно-бумажного комбината.

И когда три года назад Володя Жмакин — молодой горный инженер шахты имени Абакумова — предложил матери переехать сюда, ей подумалось: ну что ж, за плечами больше тридцати лет работы, можно и отдохнуть.

Прошлой осенью в Кировском районе города Сталино у шахте-

Лекция о международном положении.

Три неразлучные подружки — Оля Стецюк, Валя Денисова и Рая Булгак — работают на шахте. А вечерами комсомолки-книгоноши спешат на агитплощадку.

Сегодня в гости к детям приехал самодеятельный кукольный театр Дворца культуры.

ДОНБАСС

ВЗЯТЬСЯ ДРУЖНО

ров родилась мысль создать лектории на дому. Нина Ильинична одна из первых предоставила для этого свою квартиру: «Идея наша, нам и дело делать». Ее поддержали. Так в поселке было создано двадцать лекториев.

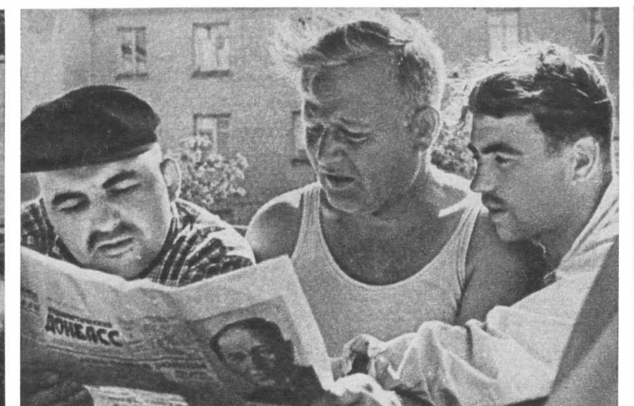
Каждый четверг в них проводились «организованные мероприятия»: беседы, лекции, литературные вечера,— а «неорганизованные» — можно сказать, каждый день.

Хорошие квартиры у шахтеров, светлые и просторные, но все-таки было тесновато. Сколько человек может поместиться в комнате, даже большой? Двадцать, от силы тридцать, и поэтому едва наступили теплые весенние дни, всю работу решили перенести во дворы. Организовали по поселку одиннадцать агитплощадок, выбрали на каждой совет, и один из них возглавила Нина Ильинична.

— Дело это оказалось нелегким,— рассказывает она.— Конечно, наладить читку газет или организовать вечер вопросов и ответов на волнующие всех темы проще простого. Или, скажем, просмотр кинофильмов — здесь все идут. А вот привить любовь к лекции, серьезному докладу оказалось значительно трудней. Правда, мы предварительно советуемся с людьми, какие лекции им хотелось бы послушать, поэтому большинство идет с интересом, но с некоторыми приходится трудно. Есть у нас такая группа — «лотошники». Сидят весь вечер и режутся в лото. Ну ладно бы играли в шахматы — там же думать надо, а то долдонят каждый день, как заяц на барабане,— так же можно вконец отупеть... Или, скажем, сорняки. Насадили мы повсюду цветы — пройти по поселку приятно, а тут после дождей сорная трава полезла, начала все глушить, но мы вышли дружно и в два дня с ней управились. Но бывают сорняки и другого сорта. Придет, например, в рабочую столовую «теплая компания» и испортит людям настроение. Ну, эти на виду, с ними легче справиться—тут дружинники наши действуют по всей строгости. А вот некоторые любители выпить выделывают свои «художества», так сказать, «на дому», в семье. Тут дело сложней. Жены часто молчат об этом, не хотят сор из избы выносить, но мы и сами не слепые. С такими приходится много и кропотливо работать, и радостно видеть, что это почти всегда помогает: пить бросают. Большое дело — агитплощадки, большое и нужное.

Посудите сами, у нас во дворе живет много стариков, домохозяек, у них по дому всегда полно забот. Когда они выберутся, например, во Дворец культуры? А тут под боком агитплощадка — только выйди из подъезда. Значит, это уже одно из средств выполнить указание партии о том, чтобы в политической работе доходить до каждого человека. И потом вокруг агитплощадки работает большой актив коммунистов и беспартийных. Сама я в партии не состою. Но в этом деле, как говорится, беспартийных нет. А главное, мы все хотим сами пожить еще и при коммунизме.

Ю. КРИВОНОСОВ
Фото автора.

Что сегодня нового в мире?

Товарищеский суд всегда быстро установит истину и накажет виновных: ведь судят свои же товарищи, и для них главное не столько наказывать, сколько воспитывать.

Баянист Ваня Филимонов — общий любимец. У него свой метод работы — музыкальная беседа.

ТАЛАНТ ЯРКИЙ, ЖИВОЙ

С. В. Иванов. 1900 год.

Разве не удивительно, что все эти картины написал один и тот же художник—Сергей Иванов?

«У острога» и «В дороге. Смерть переселенца» написаны в духе художников-передвижников. Скромная и вместе с тем весьма выразительная живопись, строгое композиционное решение. Суровые, гневные мысли о бесправной доле крестьянства в царской России.

Перевернули страницу, и перед нами совсем другой, словно сказочный, яркий мир — мир далекой русской истории. Вместо тщательной прорисовки деталей широкая и свободная живопись; в ритмике чередования красочных пятен, в четкой выразительности контуров чувствуется стремление художника к своеобразной декоративности.

С. В. Иванов за работой в Свистухе.

Передвижная мастерская для зимних этюдов.

Перевернем еще одну страницу, и мы увидим потрясающую своей правдой и лаконичностью летопись революции 1905 года. Мы знаем работы Репина, Серова, Касаткина на эти темы, но превзойти ивановский «Расстрел» не довелось даже этим мастерам.

Да, все эти картины, как и многие другие, писал один и тот же художник, автор более 2 тысяч работ, мастер русского изобразительного искусства конца XIX — начала XX века — Сергей Васильевич Иванов.

В августе этого года исполнилось пятьдесят лет со дня смерти художника (родился он в 1864 году).

Пыльные дороги, длинные вереницы крестьян-переселенцев, ищущих в Сибири лучшей доли... Не одна партия этих переселенцев принимала высокого худого молодого человека в крестьянской одежде, в лаптях. Он ничем бы не отличался от остальных, если бы не поблескивавшие на носу очки, за которыми были видны угрюмые, но очень внимательные и умные глаза. Необычен был и альбом, часто оказывавшийся в руках крестьянина по виду, художника Сергея Иванова.

Сохранилось шесть картин Иванова, посвященных переселенцам. Одна из самых сильных—«В дороге. Смерть переселенца». Перед нами не случайный, единичный эпизод, а типичное явление. Много таких тяжелых сцен художник наблюдал во время своих странствий и талантливо передал на полотне.

Девяностые годы были в творчестве художника Иванова переломными. Стремление к более широкому тематическому разнообразию, поиски нового стиля заставили его обратиться к истории.

На передвижной выставке 1901 года Иванов выставил картину «Приезд иностранцев. XVII век». Оригинально построена композиция картины. Выразительные контуры двух фигур первого плана вырисовываются на фоне заснеженной земли, которая занимает весь второй план, тем самым создавая ощущение большого простора.

В 1902 году Иванов выставил полотно «Царь». Мало в русском искусстве произведений, революционные выводы которых столь органично включались бы в изображение прошлого. Иванов показал внутреннюю пустоту и закоснелость самодержавия при его внешней импозантности.

На вкладке печатается одна из наиболее известных исторических картин С. В. Иванова — «Поход москвитян. XVI век» (1903 год).

В начале XX века особенно активно разворачивается общественная деятельность Иванова. Он выступает как организатор объединения 36 московских художников. Он создатель прогрессивного творческого «Союза русских художников».

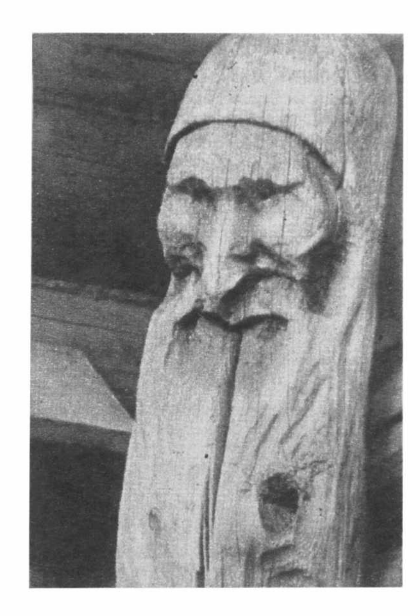
Иванов принял активное участие в революции 1905 года. Он был членом революционной студенческой дружины, охранял университет от полиции и черносотенцев, участвовал в организации грандиозной демонстрации — похорон Баумана.

В своих произведениях он с большой силой отразил революцию 1905 года. Взгляните еще раз на его знаменитую картину «Расстрел», написанную с потрясающей силой и лаконизмом. В полотне «1905 год. Митинг 17 октября» художник выразил свое отношение к царскому манифесту. Картина написана по материалу зарисовок в альбомах в 1905 году.

В период революции 1905—1907 годов художник-революционер в полную меру показал свои симпатии к народу-борцу.

С 1903 года Иванов жил в деревне Свистухе (под Дмитровом). До сих пор сохранились усадьба художника, домики-мастерские, которые он сам строил, интересные деревянные скульптуры Иванова и многое другое. Этот своеобразный музей С. В. Иванова (который, кстати, нуждается теперь в лучшем уходе и реставрации) является одним из интереснейших заповедных уголков истории русской живописи в Подмосковье.

Илья ГРАНОВСКИЙ,
кандидат искусствоведческих наук

Деревянная скульптура «Монах» работы С. Иванова.

У ОСТРОГА. 1885 г.

Государственная Третьяковская галерея.

С. В. ИВАНОВ (1864—1910).

В ДОРОГЕ. СМЕРТЬ ПЕРЕСЕЛЕНЦА. 1889 г.

ЦАРЬ. XVI ВЕК. 1902 г.

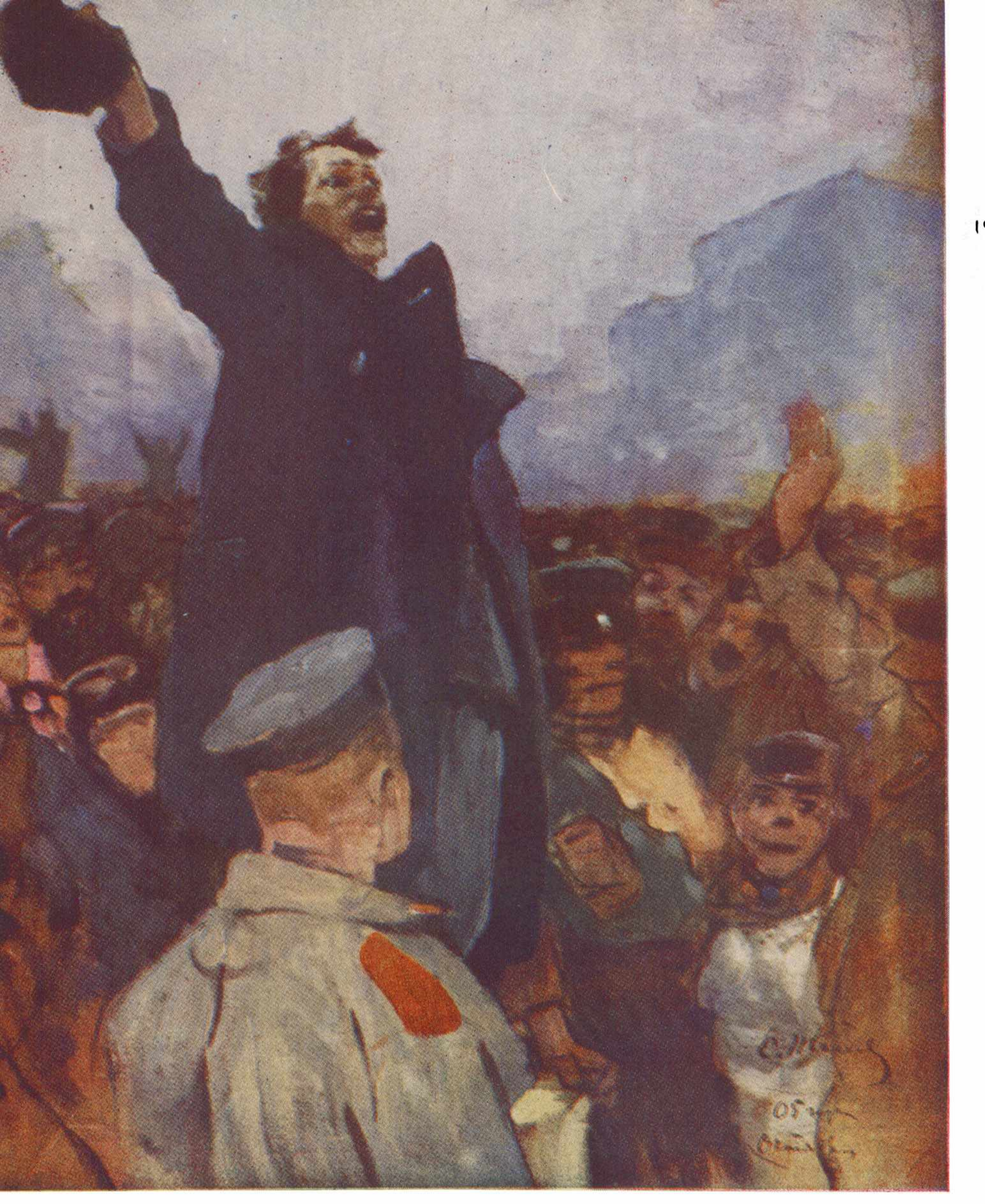
Государственная Третьяковская галерея.

ПРИЕЗД ИНОСТРАНЦЕВ В МОСКВУ XVII СТОЛЕТИЯ. 1901 г.

Государственная Третьяковская галерея.

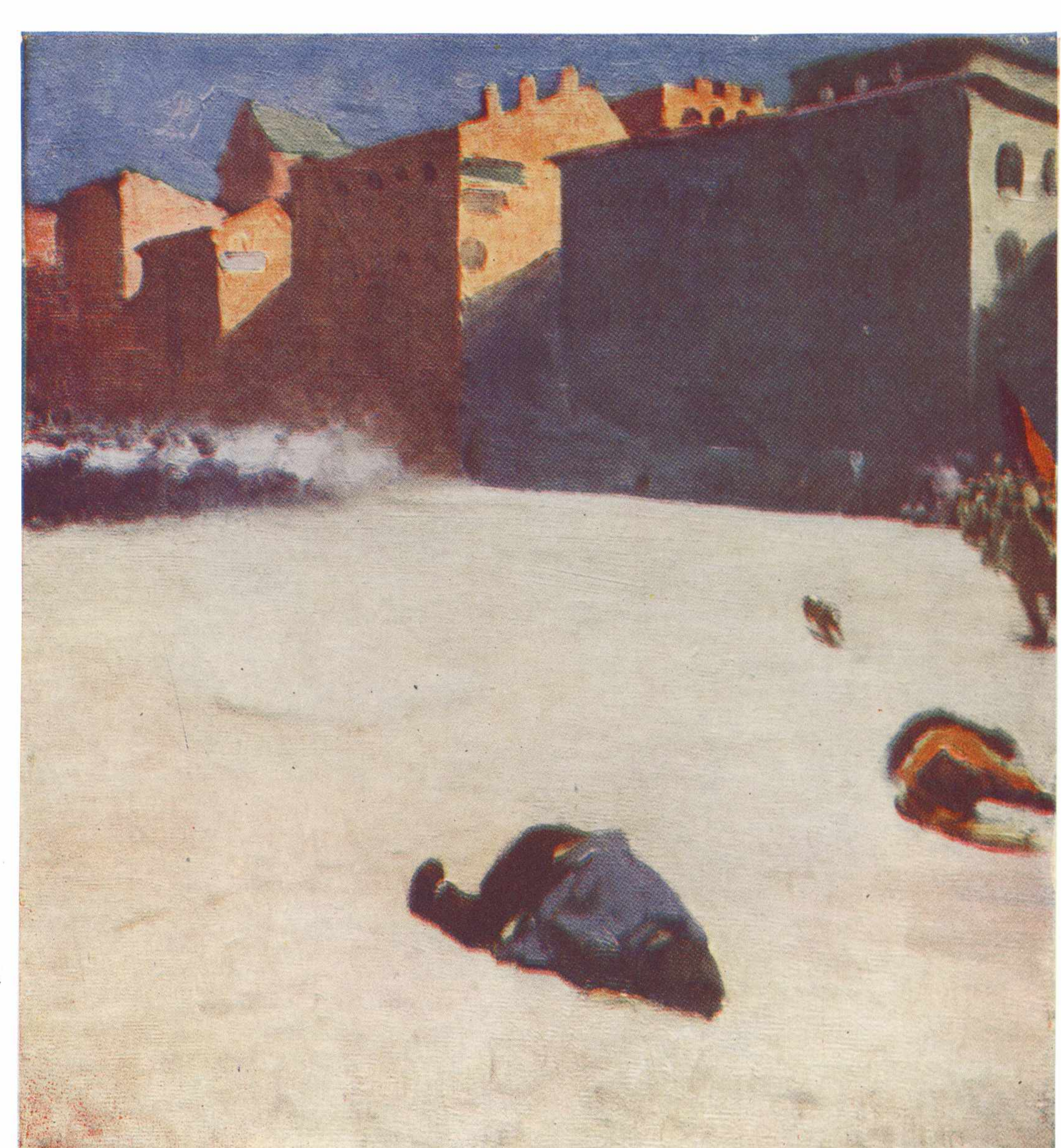
ПОХОД МОСКВИТЯН. XVI ВЕК. 1903 г.

1905 ГОД. МИТИНГ. 1905 г.

Государственная Третьяковская галерея.

РАССТРЕЛ ДЕМОНСТРАЦИИ. 1905 г.

Государственный музей революции.

ОЧЕРК ОДНОЙ ЖИЗНИ

Мария БЕЛКИНА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

С чего это началось? Ну да, открылась дверь...

...И вошли двое: он и она. У нее в руках была тряпка, у него — ведро с водой. Ей было и приятно, что он, комсомольский секретарь, как его тогда все звали, носит за нею ведерко, словно она сама не может, и неловко.

— Ты не очень устала? — сказал он.— Если и эту комнату уберешь...

— Вот еще! — ответила она.— С чего было уставать, когда я только коридор и красный уголок вымыла? Да поставь же ты ведро, что ты с ним все носишься?

В комнате было пусто. Только деревянный топчан стоял у стены, козлоногий стол и два табурета.

— Ну что ты не уходишь? — сказала она.— Ведь мне же неловко при тебе мыть пол...

Он ушел. Она сняла сапожки. Сапожки были ладные, им здесь все завидовали. Когда в тайгу приехала первая партия строителей, ей и комсомольскому секретарю Егорушке поручили обойти «Копай-город» — так назывались землянки,— отобрать людей для валки леса. Отбирали тех, кто обут в сапоги. Таких было не так уж много. Опорки на деревянной подошве — вот была главная обувь. Теперь одна такая пара даже в музее хранится в витрине... Ну, а ее сапожки никому не годились: тридцать третий размер.

Она поставила их в угол, а сама влезла на подоконник. Стала протирать стекла. А в то время по коридору раздались шаги. Послышались голоса — несколько человек ходили из комнаты в комнату. Она поняла: это комиссия принимает дом. «Дом коммуны» называли его. Первый дом, который построили комсомольцы для себя в выходные дни. Длинное барачное здание, но тогда, посреди землянок и палаток, оно казалось почти дворцом. Наконец комиссия дошла и до этой комнаты.

— А здесь кто будет жить? — спросил главный инженер у комсомольского секретаря.

— Я,— ответил тот и уставился себе под ноги.

— А эта девушка кто?

— Моя жена,— сказал он, не отрывая взгляда от пола.

— Ты что же это, свадьбу заначил?

— Так это же наша Катя с Пивани, повариха! Ну и скрытная же ты, Катерина, никто и не заметил!

Она стояла на подоконнике с тряпкой в руках и ничего не говорила. А что она могла сказать? Она искала глазами его глаза, а он упорно изучал половицы. Когда все ушли, она спрыгнула с подоконника и решила: пусть моет сам. Но потом передумала. Ладно, она вымоет, а когда он придет, поговорит!

Он не заставил себя ждать. Пришел. Принес тюфяк, подушку, бросил их на топчан. Вытащил из кармана стакан, кружку, поставил на стол. Все это он делал молча, не глядя на нее.

— Принимай работу, хозяин, чисто вымыла? Заставил для себя убирать, а я-то думала, общественное поручение...

— Это ты для нас обоих, Катя...

— Ловко придумал! И даже меня не спросил!

— Так ведь ты же мне сама сказала, что ни с кем другим гулять не будешь? Сказала?

Конечно, сказала. А что же она могла еще сказать? Он приехал к ним на Пивань, на тот берег. А она ходила с ребятами, частушки пела. Она мастерица была частушки придумывать. А он ее отозвал в сторону, повел на берег. Долго водил. И все про международную политику объяснял, про Чемберлена. Она думала, экзаменует. Боялась, как бы еще на собрании не проработал. Ничего-то она в этом деле не смыслила! А потом вдруг взял ее за плечи и, близко глянув в глаза, спросил:

— Ты с кем гуляешь?

— Ни с кем,— растерялась она.

— Смотри, если будешь с кем, кроме меня, гулять, убью.— И взялся за кобуру.

— Не буду, честное слово, не буду...

Она всерьез испугалась. Еще, чего доброго, и вправду убьет. Тогда многие ходили вооруженными. Тайга. Мало ли что могло случиться? И все тогда учились стрелять, и даже она была ворошиловским стрелком.

И вообще-то ей везло на ухажеров! Был еще один. Петька Лихарев. На Пивани валкой леса командовал. Он как-то повез ее на другую сторону на лодке и посреди Амура сказал:

— Если будешь с кем из наших парней романы крутить, смотри, утоплю...

А ей смешно было: и чего они все ее пугают? Она и не думала ни с кем романы крутить, у нее этого и в голове не было. Ей только семнадцать и минуло...

— Ну, счастливо новоселье справлять! — сказала она, повязывая голову платком, и направилась к двери.

— Никуда ты не пойдешь! — Он преградил ей дорогу.— На улице темно. На Пивань уже нет переправы.

— Я у девчат в палатке переночую...

— Нет,— сказал он, повернув ключ в двери, и положил его в карман.— Ты здесь останешься, ты моя жена.

— Да не жена я тебе, и с чего ты это взял?

— Слушай, Катя, я ведь всерьез задумал. За нас обоих решил. Так, как я тебя люблю, никто тебя любить не будет. Здесь много парней, а девушек мало. Еще кто обидит...

Он подошел к ней и хотел обнять.

— Я не буду с тобой в одной комнате спать!

— Да ты не бойся, я ничего тебе не сделаю. Я на полу лягу. Можно?

— Нет! — топнула она ногой.

Он ушел, заперев дверь на ключ. Она как была одетая повалилась на топчан и заплакала. Ей нравился Егор. Она даже скучала, когда он долго не приезжал на Пивань, не рассказывал ей про рабочее движение в Англии... Но она как-то не думала, что надо сразу замуж выходить. Так она и уснула, уткнувшись в мокрую подушку. А потом сквозь сон почувствовала, что кто-то ее одной рукой крепко обнимает, а другой разматывает платок и целует в волосы, в шею, приговаривая:

— Катенька ты моя, Катюха...

Когда она утром проснулась, она услышала, как весело и озорно трещат поленья в печи. И еще она услышала, как он осторожно ходит по комнате, боясь ее разбудить. Она зажмурилась и не решалась открыть глаза. Она не знала еще: счастье это или нет. Она не знала, что теперь надо делать, что говорить...

— С добрым утром, женушка!— Он сел на кровать и, откинув волосы, падавшие ей на лицо, сказал:— Чижик ты мой!

И запел какую-то глупую песенку про чижа, про Фонтанку, укачивая, словно она была маленькая.

— Чаю хочешь?—Он взял кружку, стал поить ее с ложечки.

А она глядела на него во все глаза и молчала. Ее никогда никто не поил с ложечки, и никто не пел ей песен. Она ведь была детдомовка: привыкла вставать по звонку, ложиться по звонку...

— А Катюха-то у нас немая,— сказал он,— говорить не умеет. Ну скажи хоть словечко! Ты на меня не сердишься, Катя?

Она неловко, стесняясь своего голого плеча, вытащила руку из-под одеяла и засунула палец в дырку его тельняшки.

— Дырка...— только и могла она сказать.

Он долго не давал ей вставать в то утро. И обо всем они тогда переговорили... И какой город построят в тайге и как Вовка будет жить в этом городе. Вовки, конечно, и в помине не было, да он уже задумал...

А на другое утро он ушел. Его всегда бросали на самые трудные участки. Где прорыв, где не ладится работа, туда посылают его. У него талант такой был: умел поднимать людей. Вот и тогда его послали за Амур: леса не хватало, не из чего было строить.

Она дождалась, когда хлопнула дверь на улицу, и побежала за ним. В двух шагах ничего не было видно: мела пурга. Она бежала, боясь его потерять из виду. И только уже у самого Амура снежным комом скатилась на него.

— Катя? Ты? Что случилось?

— Ничего, я просто за тобой. Теперь куда ты, туда и я.

Она взяла его под руку. Ростом она ему и до плеча не доходила.

— Да ты с ума сошла, там же негде жить! А я тебе дров на целый месяц наколол.

— Нужны мне твои дрова!..

— Э, брат, коготок увяз — всей птичке пропасть. Женился, что ж теперь сделаешь! — засмеялся Дим Димыч.

Он стоял в тулупе, в ушанке. Он тогда был больше. И ростом выше. И брови густые, черные, как углем намазанные. Он приехал из Иркутской области, лесничий. Привез жену, четырех сыновей. Меньшого нес на спине в мешке, а трое старших ковыляли за козой, укутанные бабьими платками. Он вырыл на краю «Копай-города» землянку, поселил их.

— Ну, двинули, что ли? — сказал Дим Димыч.

— Так она же погибнет! — в отчаянии крикнул Егор.

— Ничего,— промолвил Дим Димыч,— не погибнет...

...Так все и началось. И вспомнили, что даже в загсе не записаны, только в 1941 году, когда надо было оформлять аттестат.

* * *

— А лес тогда знаете как валили,— говорила она.

Она стояла, прислонившись к

стене, невысокая, худенькая, кутаясь в теплый платок.

Луч солнца рассек комнату и врезался в полку над диваном. Некрашеную, просто оструганную полку. На полке — кусок застывшей лавы, ржавый, дырчатый. Рейсшина заткнута за пыльные учебники, и облупившаяся матрешка, скрестив на пузе руки, глупо улыбалась своей деревянной улыбкой.

Комната тесная, забитая вещами. Здесь жили, долго никуда не уезжая. Жила семья. На дверном косяке отметины. Первая проведена низко, а за нею другие взбирались вверх, и последняя была так высоко, что ее, должно быть, провел сам тот, кто вырос, криво полоснув напоследок из озорства, быть может, навсегда уходя из этой комнаты.

— ...Заарканят макушку и раскачивают за веревку человека четыре, а пятый под корень подрубает. Это хорошо, когда топор был! А то на тридцать человек две пилы и пять топоров. А план надо было давать!

...Недавно я в Амурск ездила — посылали выступать. Вы там не были? Это стройка семилетки — целлюлозно-бумажный комбинат. Интересно там, между прочим, получилось: приехали кино снимать, художественный фильм из нашей жизни, значит, то есть из жизни строителей Комсомольска. Режиссер просил помочь сделать все, как тогда в Комсомольске. Только ничего не вышло. Мучались, мучались, режиссер махнул рукой и уехал вместе с актерами. «Все не те детали в объектив лезут! — говорил он.— Легче заново все для съемки построить...»

А оно и верно, что не те! Разве только Амур да тайга те! Теперь в палатке, например, кровати, матрацы и белье положены казенные, а тогда что, нары в два этажа, коптилка! Оформили мы одну палатку для кино, нары построили, все, как было когда-то. Стали снимать, а режиссер кричит: «Провода электрические, провода забыли!..»

А лес теперь валят? Бульдозер с подрезным ножом как пойдет, так березки даже хрустнуть не успевают. Теперь в Амурске захворал человек — его вертолетом в распутицу вывозят. А тогда в Комсомольске сколько людей от цинги померло, и ни один врач по первоначалу не ехал. Как на краю света были, отрезанные. Что, из Хабаровска, что ли, зимой по льду пешком было идти? Да вам-то, может, и не интересно, что я говорю?

Она стояла в простенке между окнами и в полусвете казалась совсем молодой, легкой, тоненькой, и только руки, которыми она держала вязаный платок у горла, выдавали ее — тяжелые, в синих венах, с узлами на суставах.

Бывает вот так: встретишь человека вроде на вид и не примечательного, а чем-то зацепит он тебя, какой-то случайно оброненной фразой, взглядом, что ли, жестом каким, и начнешь ходить вокруг него, дергая за ниточки, разматывая клубок... И задание от редакции было совсем другое, и срок уже вышел, а все никак не можешь уехать. Так и на этот раз получилось.

Я случайно попала на лесопильный завод. Зашла в деревообделочный цех с окнами до потолка. У одного из станков — женщина, немолодая уже, в синем халатике, в косынке, в больших брезентовых рукавицах. Она вскинула на меня глаза и тут же отвернулась. Ловкими, выверенными движениями она подхватывала доски, лежащие на вагонетке, и вставляла их в станок. А с другой стороны станка, там, где выскакивали оструганные брусья, стояла девка — огромная, как монумент в парке культуры.

— Эх, Аришка,— сказала женщина с досадой,— и что ты в жизни успеешь, если будешь так поворачиваться?

— А ты-то что успела? — лениво произнесла Аришка.— Чем была, тем и осталась...

— Ну и что же, была рабочий класс и осталась рабочий класс, верно, Дим Димыч?! — сказала женщина, улыбнувшись.

Я обернулась. Позади остановился мужчина. Мохнатые седые брови сдвинуты накрепко, ввалившиеся щеки, седая щетина на голове и длинная, сухая шея, изрубленная морщинами.

⁂

Екатерина Ивановна прошлась по комнате и захлопнула форточку. Окна начинались вровень с тротуаром, и откуда-то набежала целая ватага детей; они горланили у окна и колотили мячами по асфальту.

— Я вроде теперь как воспоминателем штатным стала,— сказала Екатерина Ивановна.— Все меня посылают выступать... Я тут как-то в музее выступала — экскурсия из области приезжала. Так один умник нашелся: увидел в витрине башмаки на деревяшках и говорит: «Что это вы их выставили на самом видном месте? Нашли чем хвастать! Иностранцы приезжают, неудобно!» А чего же нам стесняться того, что мы необутые, несытые, голыми руками первую пятилетку строили? Мы-то ведь не на готовое пришли, мы все сами сделали...

Екатерина Ивановна зацепилась платком за шкафчик, и в нем зазвенела посуда.

— Сколько всякого барахла накопилось! — сказала она.— Думала, теперь Вовке пригодится, когда он женится. А они взяли с женой по рюкзаку — и укатили...

Меня Ксюшка все ругает. Это наша соседка, секретарь-машинистка Ксения Ивановна Степанова. Ну да мы ее просто зовем: Ксюшка-«зався». Она, когда молодая была, все мечтала: «Вот построим социализм, буду зався в крепдешиновых платьях ходить». Так она говорит мне: «Дура ты, и как ты могла отпустить его на Курилы, по каким-то там вулканам лазать! Да я бы ему гирями на ноги повисла. Твоя очередь подходит, двухкомнатную квартиру могла бы получить, а ты отпустила»... Ну, а что же мне было Вовке мешать? Раз уж он задумал! Он характером в отца. «Ты ведь и сама на край света поехала, когда молодая была». Это правда, я-то ростовская!.. А он и еще дальше забрался. За Курилами, говорят, нашей земли больше нет!..

Солнечный луч скользнул по книгам и погас. Екатерина Ивановна снова встала на свое прежнее место в простенке между окон и заложила руки за спину.

— Вот так живешь, живешь и вдруг оглянешься назад, так даже оторопь берет. Вроде все уже и прожито. Егорушка верно говорил: не надо назад глядеть, нужно все время идти вперед. Переступил через черту и иди дальше, не оглядывайся... Это он к тому говорил, что я все боялась: будет он вспоминать... Но он только один раз и вспомнил. Мне и Дим Димычу рассказал. А больше никогда и словом не обмолвился, будто и не было этого. Перечеркнул. Может, конечно, про себя и думал когда...

...Он там вместе с бандеровцами и полицаями был. Один бандеровец все к нему приставал: ну что, мол, достукался? Что тебе твоя Советская власть дала? Оказалось-то, нас с тобой уравняли, на одной пиле работаем!..

А Егорушка ему ответил:

«Я коммунист и, конечно, словом должен воспитывать, но если ты еще раз Советскую власть помянешь, тебя может вот этим бревном придавить. И никто ничего не скажет: несчастный случай. Понял?»

Егор-то ростом был в дверь не войдет и в плечах косая сажень. И война у него силы не убавила.

Когда он вернулся с войны, она нагрела воду, хотела помыть его на кухне, а он все рубашку не снимает.

«Ты,— говорит,— уходи, я сам».

Она даже на него обиделась.

«Мой ты или не мой? Что же это ты меня стесняться стал?»

«Да я не хотел, чтобы ты видела».

У него вся спина была перепахана. Из кусочков сшитая и трех ребер не хватало. Он был оставлен с подрывниками мосты взрывать, а потом повел бойцов к своим пробиваться, да его тяжело ранило и немцы захватили...

Екатерина Ивановна замолчала. И, вдруг грустно улыбнувшись чему-то, сказала:

— А я все равно такая счастливая была, мне даже и неловко своего счастья было! Сколько семей-то порушенных войной осталось! У Дим Димыча старший сын на границе погиб в самом начале войны, а на двух других он похоронные в один день получил, хотя и на разных фронтах воевали... А назавтра аккурат его меньшой призывался. Он от него скрыл и жене не сказал, только одна я и знала... Мы через райсовет с почтальоном района связь держали, я ведь депутатом была первого созыва. Почтальон, он-то всегда знает, какое известие приносит. А человека нельзя одного в горе оставлять... Я сама от Егорушки ничего восемь месяцев не имела. Мне все говорили: пошли запрос,— а я уж очень боялась ответ получить... А тут он живой воротился!

Я, бывало, работаю, а сама все думаю: вот приду домой и Егора увижу. А домой прибежишь, его нет, он на своем заводе. У него все неприятности выходили. В ОТК работал. И решил, что пора с неполадками кончать. Одно дело — война была! А то ведь как заведелось — в последний день месяца навалят необработанные детали. Запиши, мол, чтобы план был, премиальные, потом доделаем. А Егор на принципиальную линию встал! Ну, тут и пошли всякие толки. А я как-то все не обращала на это внимания. Думала, такое пережили, что уж тут!.. Да и жизнь торопкая, все некогда, все бегом, бегом. А, помимо-то работы, сколько общественных дел! Меня все по линии профкома выбирали: общественный контроль, ордера, талоны на питание; тут надо было так проследить, чтоб все по справедливости! Ну, и по депутатским делам опять же! Сколько одних только крыш перечинила! С жалобами-то все ко мне!.. Да я еще и хозяйка, сами понимаете,— в магазине за продуктами простоишь. Прибежишь наконец домой, Егорушка уже картошку сварил. Поели с Вовкой, уроки делают. «Женат я или не женат,— говорит,— не пойму!» Да это он так, в шутку. Он меня уважал. Очень мы хорошо с ним жили...

И вдруг ночью пришли и арестовали Егора. Я растерялась, все какие-то лепешки совала, чтобы он взял с собой. А он просил не шуметь, боялся Вовку разбудить. А когда уходил, сказал:

«Ты не волнуйся. Это так, недоразумение. Ничего за мной худого не числится...»

Да она и сама знала, что за ним могло числиться худого? Прошел месяц, второй, третий, а его все не выпускают. В Хабаровск ездила — там объяснили: пока ничего не могут сказать.

А потом было собрание... Она сидела в последнем ряду, уставшая после работы, ничего не соображала, о чем говорят. Думала, только бы скорей кончилось. Собрание было общегородское. Народу выступало много. Она задумалась о чем-то и вдруг глянула на трибуну и узнала человека, с которым Егор все не ладил на заводе. Она только раз его и видела — Егор на улице ей показал.

И чего-то ей вспомнилось, как Егорушка выступал: он рубил слова, они, как щепки, летели, говорил сбивчиво, горячо, никогда не готовился, и всегда его слушали.

А тот, на трибуне, все повторял: «не случайно», «закономерно», «пробрался в ряды», «проник на наш завод». И вдруг у нее дошло до сознания, что это относится к Егорушке.

«Почему «пробрался» на завод? — подумала она, еще не до конца все сознавая.— Куда ж ему было идти после войны? Он ведь

строил этот завод, он там работал и до войны...»

«Неправда!» — крикнула она.

И ей стало неловко. Что ж, она дисциплины не понимает? Ей дадут слово — выскажется! А когда ей дали слово, она сразу и начала с того, как они в тайгу приехали, как на болоте лес валили... Но ее прервали. В президиуме кто-то постучал по графину и сказал: «Ближе к делу».

Она сбилась и замолчала. Она стояла рядом с трибуной — на трибуну не поднялась — и молчала. И молчала так долго, что уже неловко было начинать говорить. Ей казалось, что все на нее смотрят. Подняла глаза, но ни с кем не встретилась взглядом, и стала глядеть в открытую дверь в фойе, где светило солнце, где был еще день... И тогда она сказала коротко и ясно, что Егор ее в комсомол принимал, что они вместе здесь жизнь начинали и что ничего он дурного сделать не мог, его оговорили! И если ей верят как депутату, то пусть и ему верят! А если не верят, то пусть ее снимают, а она все равно ничего дурного и подумать про Егора не может. И еще что-то говорила, а потом замолчала.

«У вас все?» — спросил за спиной тот же голос.

«Все...»

Она спустилась со ступенек и вышла в открытую дверь. У окна стоял Дим Димыч, опираясь на палку. Он только что приехал из Хабаровска из больницы. Он пошел за ней. Они шли и молчали. Долго шли. И только уже у ворот лесопильного завода Дим Димыч сказал:

«Слышишь, Катерина, продавай корову. Езжай в Москву. И не думай возвращаться, пока Егора не вызволишь. У меня в Москве деверь живет, адрес дам. А Вовка у нас будет...»

И она продала корову и поехала... И на обратном пути ей денег на билет хватило только до Иркутска. Дим Димыч выслал. А через несколько месяцев и Егорушка вернулся...

Они встретились однажды с тем, кто тогда так на собрании выступал. Тот подошел к Егору, руки не подал: боялся, Егор не возьмет.

«Я, — говорит, — конечно, может, палку тогда и перегнул. Но сам понимаешь, общему делу служим».

А Егор ему ответил:

«Насчет палки это верно, что вы перегнули, а вот насчет общего дела — неверно. Разному делу и по-разному мы служим...»

* * *

Хлопнула форточка, и ветер ворвался в комнату.

— Сто один, сто два, сто три, — тоненько пищала девчонка за окном.

— Сто пятьдесят четыре, сто пятьдесят пять, сто пятьдесят шесть... — захлебываясь трехзначными цифрами, вторила ей другая.

Екатерина Ивановна молчала, погруженная в свои мысли.

— ...А потом, — снова заговорила она, — мне в этом зале вручили орден Ленина. У меня и в голове этого не было, чтобы меня орденом наградили... Когда городу исполнилось двадцать пять лет, я, конечно, много выступала на предприятиях, на заводах. Даже в газете обо мне писали. Это понятно: мало нас осталось, кто первым сюда приехал. Ну, а чтобы орденом?!.

Ко мне подошел директор, я еще работала, и говорит: из горкома партии звонили, велели мне обязательно быть на встрече первостроителей с активом города. Ну, вначале, конечно, как и всегда, доклад. А потом, когда стали награды вручать, мою фамилию первой и назвали. Я ведь первая по алфавиту иду. За что, думаю, меня орденом награждать да еще самым большим? Ничего-то я за свою жизнь не успела... Прикололи мне орден на жакетку, вручили коробочку. Я, конечно, поблагодарила. А у самой голос дрожит. Думаю, как бы не заплакать. А тут вижу, на сцену Петька Лихарев поднимается. Я вам о нем уже рассказывала. Это тот, с Пивани, что грозился меня утопить, если я

буду с кем из ребят гулять. Я его сразу и не признала: толстый стал, и волосы редкие, лысина просвечивает. А какой парень был! Лучше его и Егорушки не было у нас парней! Быстро как это все в жизни оборачивается...

А он подошел ко мне, поздравил за руку.

«Не умеем, — говорит, — мы наших женщин ценить. Не научились еще, — это он в зал говорит, — мы им в ноги должны поклониться, спасибо сказать!»

И кланяется мне. Я испугалась. Думаю, что он себе в голову забрал? Выпивши, что ли? Раньше никогда с ним этого не случалось, чтобы пил. А он как пошел, как пошел! И что меня Катькой Железной звали, вспомнил. Это за то, что я их на Пивани заставляла хвойный настой пить от цинги. Обязательно цельную кружку перед обедом. А если кто заломается, не пьет, — обед не давала. И про войну вспомнил, как я по две смены выстаивала, когда под Сталинградом плохо было, а по ночам шила рукавицы для армии... Ну да разве это я одна, мы все тогда так, я только что заводиловкой была...

Я ему и руками и глазами знак подаю: к чему, мол? А он подмигнет мне и дальше пошел. И даже про Егорушку упомянул.

«Мы, — говорит, — товарищи его, промолчали, когда он в беду попал, испугались свою биографию попортить. А она другом и женой до конца была...»

«И что ты со мной делаешь, Петенька?» — крикнула я ему. А сама думаю: неудобно его Петенькой называть. Я в газетах читала, он в люди вышел, начальником УНР работает. А как по отчеству, не знаю. «И что ты обо мне все рассказываешь? Что ты мне заупокойную служишь? Я-то ведь еще живая. А так только о покойниках говорят...»

Он пятерню в волосы сунул, это по привычке, значит. Запускать-то ему теперь уже не во что.

«Ничего, — отвечает, — надо привыкать и о живых доброе слово говорить. Мертвым-то оно ни к чему...»

В зале захлопали. А я не знаю, уходить мне или еще неудобно, надо на сцене стоять. Растерялась вконец. А главное, рассердилась очень. И зачем это все ворошить? Прошло уже — и ладно. Ничего не повторится... И в сердцах аж даже кулаки сжала. Я один раз на него уже с кулаками кидалась. Он в стройконторе работал, а я пришла к нему по общественной линии просить, чтобы он одну квартиру отремонтировал семье бывшего фронтовика. А он ни в какую, нет, говорит, материала, и все, на свой объект не хватает. Ну, я в сердцах и сжала кулаки. Он, должно быть, припомнил тот случай, улыбнулся.

«Не серчай, Катя», — говорит.

Взял он меня на руки и снес со сцены. Ну что с ним сделаешь! Принес в фойе, опустил на пол рядом с какой-то женщиной.

«Вот, — говорит, — знакомься, моя жена». А ей говорит: «Ты помнишь, меня все спрашивала, почему я так долго не женился, холостой был? Вот из-за нее я и не женился. Это та самая Катя и есть...»

А он и верно долго тогда еще холостой ходил. Все, бывало, меня встретит: «Слушай, Катя, если тебя Егор чем обидит или не поладите, так ты помни, я тебя жду...»

А потом мы уже друг дружку из виду потеряли. Город большой стал. Он на одном конце живет, я — на другом.

«Зачем ты, Петенька, это жене говоришь? — сказала я ему. — Хоть и давно это было, да, может, ей все равно неприятно слушать...»

А сама гляжу на нее, она такая гладкая в теле, и руки у нее нежные. А я-то неприбранная, забежала домой, переодеться не успела. Только жакетку накинула. У меня Вовка назавтра в пионерлагерь уезжал вожатым. Я ему пирожки хотела в дорогу испечь...

Стали они меня уговаривать в буфет пойти, вместе выпить, орден смочить. Ну, а я отказалась. Заторопилась домой, тесто-то должно быть, у меня уже убегло. Вышла, иду по улице, а дома все новые, один к одному. А ведь помню, как здесь грибы собирала, и все на моих глазах построено. Вроде и не я строила, а вроде и я. Сколько одних брусьев на оконные и дверные рамы на своем станке обточила! А субботников сколько было! Иду, а окна все светятся, и во всех разные абажуры висят... А на меня чего-то тоска нашла! Неправильно, думаю, человек устроен: тут радость такая, а я?.. А потом подумала: человек-то правильно устроен, жизнь неправильная! Радость-то одному — это что, только полрадости! Был бы Егорушка... Баба она ведь и есть баба. Ее хоть депутатом делай, хоть орден давай, хоть что, а ей все одно надо, чтобы сердце на крючочек было повешено...

Екатерина Ивановна прошлась по комнате и опустилась в старенькое, потертое кресло.

— А ведь какой Егорушка крепкий был, ничего у него силы не убавило! Ни работа, ни война, ни плен... А тут вдруг сердце устало! И как это сердце может в сорок пять лет устать? Ему врачи велели дома сидеть, постельный режим соблюдать. Ну, а оно-то, сердце, устало, а руки рабочие все равно без дела не могут... Я домой пришла, а он доску стругает, полку делает. Вовка столько книг развел — ужас. И на этажерке, и на шкафу, и по углам валяются! Егор и решил полку соорудить. Я дверь отворила, он глянул на меня да как-то странно так, а сам в доску обеими руками вцепился, разогнуться не может. Я думала, его опять радикулит схватил, это у него бывало. Шагнула я через порог, а он мне: «Осторожно, ящик с инструментами, не упади...» А сам упал...

Она встала и заходила взад и вперед в узком проходе между столом и окнами.

— Раньше казалось, что жизнь прожить — это так долго: год за годом, и в каждом году триста шестьдесят пять дней, — а оглянулась — и вышло, что было-то всего только с горсточку. Года, как матрешки, вошли один в другой, и нет их...

Меня Ксюшка все укоряла: «Не понимаешь ты современной жизни: надо хватать, пока не поздно!» Был тут один... «Ну и что из того, что женат? Отбей! Что ж ты за баба такая, если отбить не умеешь? А нет, так живи, все ж легче, чем одной...» Ну да что ж мне было в чужие двери ломиться! Одни и того любят, и другого, и все им хороши. А другой полюбил раз — и на всю жизнь... Может, другая, конечно, на моем месте и поехала бы на Курилы. Я ведь трудностей не боюсь... Ну, да что я буду мешаться! Я помню, когда мать Егорушки с Украины к нам приехала. Хорошая она была женщина, да ведь вдвоем-то нам лучше было! Внуков ждать — так ведь у невестки своя мать во Владивостоке ждет... Ксюшка, видать, и правду говорит: «Ты как была детдомовка, так и осталась детдомовкой!» Работаешь цельный день... Нагрузки, конечно... Теперь все на новоселье приглашают!..

Она смолкла. В открытую форточку влетел мяч и запрыгал по полу.

— Тетенька, — раздался за окном голос, — подайте, пожалуйста, мячик, мы больше не будем...

Екатерина Ивановна подняла мяч, уткнувшийся между печью и диваном, и бросила его на улицу.

— Вот так и жила. Хорошо жила или плохо, не знаю! Чужой жизни не завидовала...

В. ПРИВАЛЬСКИЙ,
А. УЗЛЯН

СВЯТАЯ РУ

«Мы все должны усилить работу с молодежью, ибо дети и молодежь — наше будущее».

Правильные слова, не так ли? Давайте только уточним принадлежность местоимения «наше». Дело в том, что это было произнесено не с трибуны комсомольского собрания, а с церковного амвона, не комсомольским активистом, а католическим ксендзом.

Посмотрите на десятилетнего мальчугана со свечой в одной руке и с молитвенником в другой (фото № 1). Конечно, он пришел сюда не сам, не по своей воле: его привели родители. Сейчас ксендз сунет ему в рот кусочек белой булки, бормоча непонятные латинские слова.

Первому причастию предшествовал экзамен. Ксендз спрашивал «отче наш» и «ангельское приветствие», «семь таинств» и «пресвятую троицу». В костелах Литвы ксендзы улавливают юные души, уповая на то, что советские дети— это их «будущее». Мальчуган с молитвенником и свечой в руках—это еще первая стадия отравления. Яд пока не затуманил разум. Но чем дальше, тем страшнее.

Взгляните на этих девушек (фото № 2). Ткачихи? Учительницы? Колхозницы? Нет, монахини. Платье, фартук, кофточка — это только маскировка.

Трудно поверить, но в Каунасе рядом с его пятью вузами, театрами, музеями, клубами существуют два тайных женских монастыря. Мы побывали в одном из них. Двухэтажный дом разделен на крохотные кельи грязноватыми ситцевыми занавесками. В каждой келье — распятие и какой-то постно-елейный запах. Фотоаппарат запечатлел весьма странный натюрморт: радиоприемник, глобус и распятие (фото № 3). В такой келье обитает школьная учительница Тутлите. Среди двух десятков «христовых невест»— две лаборантки Каунасского медицинского института, медсестра 1-й городской больницы, две студентки плодоовощного техникума.

Странную и страшную жизнь ведут они. Заработная плата, стипендия — все отдается игуменье. У монахинь нет ничего своего. Мебель, одежда, книги —все принадлежит монастырю. Театр, кино, клуб, лекция, танцы — всего этого лишены затворницы, все это «грех». В строгом уставе — несколько десятков пунктов, в том числе и обет вечного безбрачия.

Бывает, фанатички пытаются обратить в свою веру подруг по работе, техникуму, институту. Но это им редко удается.

«Для достижения цели все средства хороши»,— говорил иезуит Игнатий Лойола. Ксендз-капуцин Добровольскис развил эту мысль применительно к современности: «Ксендзы должны быть прогрессивны. Они должны ходить в театры, кино, читать современные книги, чтобы узнать, через какие дыры лезут людям в головы современные ошибки, чтобы и самому через эти дыры туда заглянуть».

Итак, образ мыслей советской молодежи — это всего лишь «современные ошибки». Вывод напрашивается сам собой: ошибки надо исправлять. А для этого необходимо любым способом влезть в молодую душу.

Скажем, любит молодежь играть в футбол? Благословенны будьте, кожаный мяч и бутсы. И вот ксендз Керпаускас пролез в футбольную команду Батакяйской средней школы Скаудвильского района. Ради контакта с молодыми игроками он меняет сутану на трусы и майку.

Представьте себе такую картину. Раньше чем разбежаться и ударить по мячу, богоугодный игрок складывает руки, возводит очи горѐ и бормочет: «Господи, благослови!» Сотворив молитву, он бьет одиннадцатиметровый удар. Гол!

— Слава богу! — хором кричит команда.

— Аминь! — утверждает судья.

А после игры его преподобие ведет душеспасительные беседы: кто знает, может, хоть одного удастся с футбольного поля увести к алтарю. Один ноль в пользу господа бога!..

Скажем, юношам и девушкам нравится танцевать? Святая румба! Пусть ноги послужат господу богу. Может быть, с танцплощадки какая-нибудь заблудшая пара направится в костел?..

И вот в городе Лентварисе ксендз Пукенас устраивает вечеринки с танцами. Он ходит по домам и приглашает молодежь. Почему бы не потанцевать? У ксендза превосходная радиола и недурная коллекция пластинок.

Молодежь интересуется литературой, любит послушать радио? Пусть читает, пусть слушает! И вот в городе Биржайе ксендз Масис открывает у себя дома собственный клуб. У него три радиоприемника, магнитофон, фотоаппараты, шахматы и шашки, газеты и журналы.

Двадцать ребят посещают этот католический «клуб». Все они ученики местной школы-одиннадцатилетки. Все двадцать после соответствующей обработки начали ходить в костел и даже, облачившись в кружевные накидки, прислуживать во время обедни.

Молодежь любит праздники и карнавалы? Отлично! Будет сделано! И вот в село Богословишкяй, что в какой-нибудь полусотне километров от Вильнюса, на храмовый праздник стекается народ. Дальние, как вы видите на верхнем снимке слева, приезжают на лошадях и автомашинах.

Потом мы узнали, что в этот день государственные автомашины были любезно предоставлены верующим Ширвинтской РТС, школой-интернатом № 3, столовой управления делами Совета Министров республики.

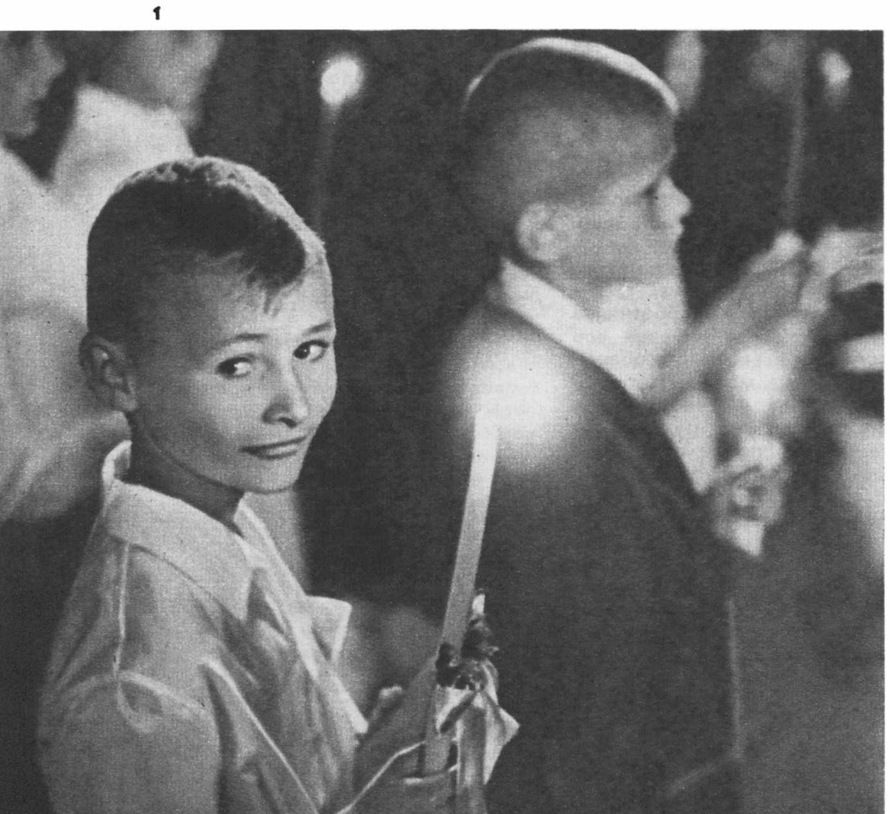
У ограды костела идет бойкая торговля карманными распятиями, четками и «фотографиями» святых.

Рядом с костелом — Дом культуры. Но сегодня он на замке, а директор его тов. Пацюнас неизвестно где.

И снова мы в костеле. В высоком двухсветном зале пахнет ладаном, на стенах — божественные картины, алтарь иллюминован, где-то наверху звучит орган, поет мощный хор. У стен стоят кабины, в каждой по ксендзу. К зарешеченным окошечкам выстроилась на коленях очередь исповедующихся. Вот приник к решетке колхозник Леонас Макаускас (фото № 4). А какие, собственно, грехи у крестьянина? Вот если бы исповедующийся и ксендз на минуту поменялись местами, если бы колхознику хоть раз довелось исповедовать любого своего духовного отца, он, наверно, пришел бы в ужас.

Ох, уж эти блаженные холостяки в сутанах, что тешат дьявола во славу божью! Сколько юных душ они растлили, сколько погубили

1

2

МБА

сердец! Что скажет, например, ксендз Гедиминас Шукис, совративший юную С., а потом ее подругу К., учительницу музыкальной школы? Увы, таких примеров немало!

Или спросите отца духовного насчет радостей земных: не излишествовал ли, не сотворил ли себе кумира из бутылки водки? Грешен! Посмотрели бы на ксендза Лингиса в вытрезвителе, где он пытался обратить в свою веру собутыльников. Жаль, не видели вы преподобного Рачкаускаса или блаженного Лесиса с метлой в руках: они получили 15 суток «чистилища» за хулиганство.

А как насчет заповеди восьмой? Знают ли литовские католики, на какую сумму обкрадывают их слуги божьи? На десятки миллионов рублей в год!

Вот образ духовных отцов, утверждающих, что господь бог создал человека по образу и подобию своему. Вот перед кем стоите на коленях вы, уважаемый Леонас Макаускас, и ваши братья по вере!

Встаньте, опомнитесь! Пример подает вам бывший ксендз Амбразеюс Акстинас. Он был настоятелем Решсского прихода. Десять лет, всю молодость отдал он служению церкви. Это были потерянные годы. Он убедился, что католическая церковь, как и всякая другая, построена на лжи, обмане и корыстолюбии. И он отрекся от нее. Теперь Акстинас — уважаемый человек на заводе, фрезеровщик второго разряда.

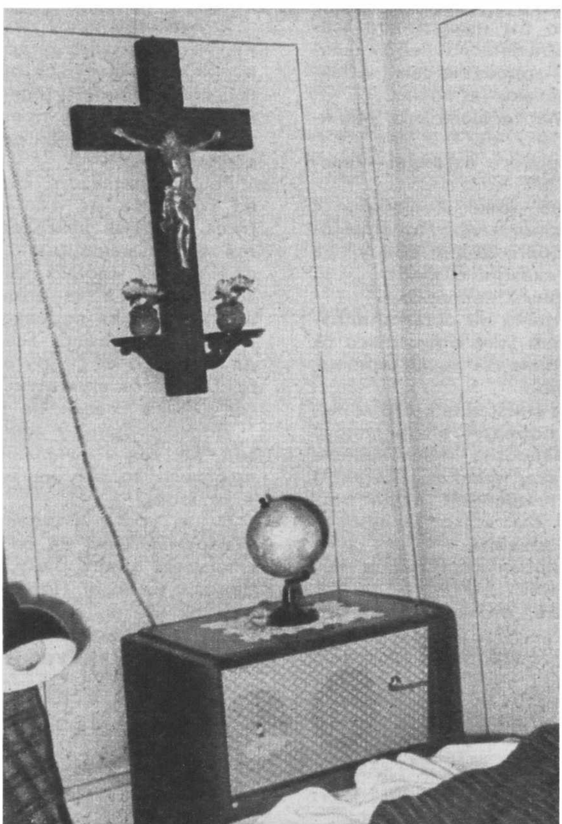
— Нет, не религия сильна,— говорит этот честный человек.— Очень часто, к сожалению, у нас слаба антирелигиозная пропаганда.

Серьезный упрек! Над ним должны задуматься вы, литовские комсомольцы. Кому, как не вам — молодым, знающим истинную радость жизни,— повести борьбу против мракобесия!

«Я ПОТЕРЯЛ МОЛОДОСТЬ — ОТДАЛ ЕЕ ЦЕРКВИ. ТЕПЕРЬ УБЕДИЛСЯ, ЧТО РЕЛИГИЯ ПОСТРОЕНА НА ОБМАНЕ И СТРЕМЛЕНИИ К НАЖИВЕ,— ГОВОРИТ АМБРАЗЕЮС АКСТИНАС.— СЕЙЧАС Я НЕ КСЕНДЗ, А ФРЕЗЕРОВЩИК. И Я СЧАСТЛИВ ЗВАНИЕМ РАБОЧЕГО И УВАЖЕНИЕМ ТОВАРИЩЕЙ».

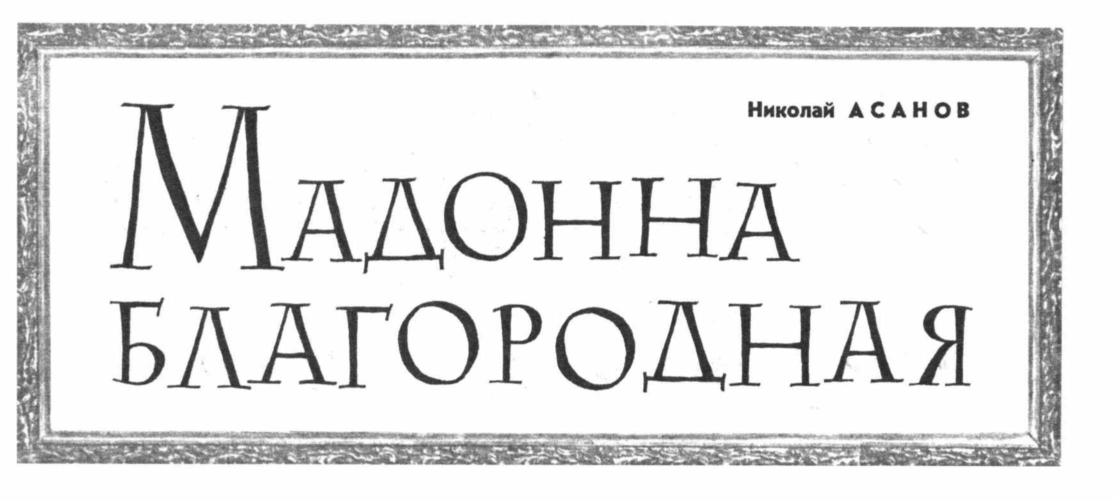

3

4

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

4

С Александром Николаевичем Гордеевым мне приходилось работать и раньше, поэтому я без всяких колебаний назвал этого известного искусствоведа, когда возник вопрос о специалисте для опознания картины.

Всех обстоятельств дела он не знал, да это было и ни к чему. И так уж слишком много людей осведомлены об утрате картины.

Однако должен признаться, что я был изумлен, когда Александр Николаевич попросил меня взять для него на самолет два билета. На мой осторожный вопрос, кто же летит с ним, он довольно благодушно сообщил, что Марта Кришьяновна согласилась сопровождать его в эту недолгую поездку.

Мой начальник, когда я сообщил ему об этом неожиданном пополнении нашей бригады, посмеялся моему унылому виду, но потом довольно строго внушил мне, что это, пожалуй, к лучшему.

— Перестаньте вы хмуриться! — недовольно сказал он.— Влюбленная пара, путешествующая с таким чичисбеем, как вы, будет вызывать только усмешку. А больше от вас ничего не требуется!

Смириться с «чичисбеем» я не мог, но в остальном начальник был прав. Кто знает, как далеко могут зайти временные владельцы шедевра! Может, они уже распределили будущую добычу? Может, уже восчувствовали себя владельцами четверти миллиона долларов? Специалистам известно, что преступник, уже овладевший добычей, куда свирепее, нежели схваченный с поличным на только что начатом «деле». Ладно, пусть Гордеев едет с супругой, только уж заботится о ней сам, из меня чичисбея все равно не выйдет!

Марта Кришьяновна, как и всякая женщина, к самолету чуть не опоздала. Я уже достаточно поволновался, когда регистрировали билеты, в очереди перед посадкой волновался еще больше, а когда мы пошли нестройной цепочкой под озабоченный голос диктора, все еще тщетно взывавшего в пространство: «Гражданин Гордеев и гражданка Гордеева, пройдите на посадку!»,— терпение мое окончательно лопнуло. И в этот самый момент появились Гордеевы.

Марта Кришьяновна, в распахнутом меховом пальто, с маленьким чемоданчиком в руках, шла впереди, неспешно озирая аэродром, ревущий самолет, пассажиров такими изумленными глазами, словно для нее всякая малость являлась чудом. На самом же деле чудом была она сама. Представьте себе явление весны среди зимнего поля или возникновение Афродиты из пены морской! Тогда, может быть, вы поймете мои чувства... Дома она всегда была суше, сдержаннее, холоднее. Здесь же, взволнованная предстоящей поездкой, она была похожа на наивного, ожидающего чудес ребенка.

Трудно сказать, была ли она красива. Вероятно, да. Влюбился же в нее Гордеев, знаток красоты! Я же ощущал только ее необыкновенную свежесть, чистоту, молодость. Казалось, что она и пахнет-то свежими цветами, лугом, росой. Впрочем, это мог быть и аромат каких-нибудь духов. Однако должен признаться, что я немедленно, едва поздоровавшись, взял ее чемоданчик, а в самолете уступил ей место у окна, хотя только что клялся себе, что никогда не стану чичисбеем.

Александр Николаевич, увидев, как я принялся расстилаться ковром под ноги Марты Кришьяновны, только замурлыкал с довольным видом и даже попытался свалить на меня какие-то свои обязанности: расставить рядком их чемоданы, достать для него — вы только подумайте, для него! — бутылку коньяку, но тут я ткнул его локтем под ребро, и он быстро угомонился.

В самолете Марта Кришьяновна скоро заснула, а мы уединились в самый хвост и принялись разговаривать. Собственно, разговор начал я, собираясь подготовить Александра Николаевича к будущим обязанностям, но он тут же перебил меня и принялся рассказывать о своем счастье.

Я терпеть не могу таких разговоров. Может, потому, что прожил жизнь обыкновенную, никаким особенным счастьем не осиянную, и постепенно старею, а может, потому, что всегда помнил народное изречение:

Умный хвастает отцом-матушкой,
Богач хвастает золотой казной,
Глупый хвастает молодой женой...

Однако Александра Николаевича я не перебивал.

Меня занимало одно: как этот некрасивый пятидесятилетний человек покорил молодую девушку? Была ли с ее стороны любовь или грубый расчет? Конечно, он любил, но она-то, любила ли она?

Бессвязный рассказ Гордеева нимало не походил на литературное эссе о глубинах чувств. Скорее уж можно было бы назвать его молитвой о сохранении дарованного небом счастья. Видно было, что Гордеев и сам побаивался, что счастье это далеко не вечно...

Как я уже говорил, Марта была его ученицей в институте.

— Я полюбил ее с первого взгляда! — воскликнул он.

Утверждения, что она тоже полюбила с первого взгляда, не последовало. По-видимому, Гордеев довольно долго ходил вокруг да около, пока осмелился сказать о любви.

Гордеев оказался упорным человеком.

Незадолго до этой встречи он остался вдовцом. Взрослые дети давно уже отдалились от него. Так что, с общепринятой точки зрения, он был волен над собою.

В конце концов Марта снизошла к его мольбам, и все кончилось победой влюбленного искусствоведа. Но в радостно воспаленном шепоте Гордеева мне все чудилась какая-то тревога. Впрочем, в путешествиях люди раскрываются быстро, так что я мог надеяться еще понять истоки этой тревоги.

Марта Кришьяновна проснулась перед посадкой в Риге.

Гордеев не мог видеть, что она ищет его взглядом, он сидел со мной в самом хвосте самолета, однако вдруг завертелся, вскочил, побежал к жене. Я с удивлением наблюдал эту почти физическую связь двух столь разных душ.

Она прижалась светлой, пышноволосой головой к плечу мужа и сразу успокоилась. Но было в этом спокойствии что-то от покорности. И я невольно подумал: она не любит. Она только позволяет любить себя.

В Риге нас ждали.

И в машине, и позже, в гостинице, где наши номера оказались рядом, и за ужином я продолжал незаметно наблюдать за этими счастливыми влюбленными. Мы гуляли по вечернему городу, ужинали с вином, потом еще долго сидели в номере Гордеевых и ни разу не заговорили о том, зачем приехали. Марта веселилась, как школьница, вырвавшаяся на каникулы, так что не только Гордееву, но и мне хотелось изображать из себя этакого гуляку, которому море по колено. Правда, тут было одно дополнительное обстоятельство: мы чувствовали, что скоро наша миссия закончится. Гордеев надеялся увидеть еще один шедевр искусства, я — вернуть похищенное.

Утром мы поехали смотреть обнаруженную таможенниками картину.

В зале остались начальник таможни, адвокат, приглашенный владельцем картины мистером Адамсом для защиты его интересов, и я с Гордеевым. Марту мы не взяли с собой, хотя она и собиралась сопровождать нас «во всех наших делах».

Марта разобиделась, но мы еще в начале путешествия дали друг другу слово, что не станем вовлекать ее в наши служебные занятия.

Начальник таможни отодвинул штору, закрывавшую картину.

Я разочарованно вздохнул: это была не «Мадонна Благородная».

Но это была тоже хорошая картина: портрет молодой женщины, написанный резкими, сильными мазками мастера. Все черты лица чуть-чуть удлинены, что придавало женщине на портрете вид аскетический, изможденный. На ней было ярко-красное парчовое платье с широкими буфами на рукавах, и с ним странно контрастировали голубая мантилья, наброшенная на правое плечо, и яркие белые кружева воротника.

На маленьком столике под картиной лежали документы, переданные таможенникам мистером Адамсом: счет комиссионного магазина, копии запродажной квитанции и чека. Я просмотрел их.

В счете произведение значилось как «копия с картины неизвестного итальянского художника середины семнадцатого века — портрет молодой женщины в красном, масло, исполнена в конце девятнадцатого века, автор копии неизвестен, сдана на комиссию 24 февраля 1960 года гр-кой Ивановой И. Н. паспорт... серия... номер... адрес... Продана 25 февраля 1960 года...» — все формальности были соблюдены полностью. Из копии запродажной квитанции я узнал, что за копию с картины неизвестного художника получено 920 рублей.

Я уже собирался сказать начальнику таможни, что произошла досадная ошибка и надо поскорее извиниться перед владельцем картины. Еще вопрос, утешится ли он этим извинением, так как ему пришлось отстать от теплохода, на котором он собирался покинуть нашу страну.

Решив высказать свое мнение, я взглянул на Гордеева да так и остался с разинутым ртом. Гордеев двигался по комнате легкими, пританцовывающими шагами, не отрывая глаз от картины, словно привязанный к ней, то отходил от нее на столько, сколько пускала его невидимая веревка, то снова устремлялся к ней, но двигался все время по кругу, заходя и с той и с другой стороны, однако не приближаясь вплотную, как сделал это я, когда увидел совсем не то, что чаял увидеть.

Должно быть, у меня был весьма смешной вид, так как и начальник таможни и адвокат смотрели только на меня. С трудом стиснул я челюсти.

В это время Гордеев стремительно шагнул к картине, снял ее со стены и принялся разглядывать холст, раму, снова холст то с лица, то с изнанки. Положив картину на стол, где лежали квитанции, он вынул из кармана лупу, скальпель в кожаном футляре, осторожно поскоблил краску, уткнулся с лупой перед гла-

---

Продолжение. См. «Огонек» № 38.

зом в эту очищенную царапинку, поднял картину, посмотрел на свет, будто что-то могло просвечивать сквозь старый загрунтованный холст, опять повесил портрет на место и снова затанцевал по комнате, ища какую-то ему лишь ведомую точку, чтобы окончательно рассмотреть этот «предмет искусства».

Теперь уже не только я, но и остальные внимательно наблюдали за манипуляциями Гордеева.

Он долго стоял на одном месте, заложив руки в карманы, словно бы глубоко задумавшись, потом вдруг сказал:

— Но это же Эль Греко!

Это были его первые слова. И прозвучали они подобно грому.

Даже начальник таможни, человек, которому, вероятно, были глубоко безразличны все художники мира, наслышанный о существовании такого мастера лишь после того, как к нему поступили материалы розыска, и тот не удержался, тихонько присвистнул, а затем решительно прошел к картине и встал перед нею, загораживая своей спиной от адвоката, представляющего интересы Адамса. Да и адвокат, все время стоявший перед ним с безразличным выражением лица, присущим людям этой профессии, вдруг вспыхнул, затоптался на месте, словно боялся, что любое его движение вызовет гнев таможенников, и только вытягивал шею, пытаясь наконец рассмотреть картину, ради которой находился здесь и на которую даже не взглянул.

Теперь и мне показалось, что удлиненные, изломанные линии композиции очень похожи на «почерк» Эль Греко, благодаря которому этот долгое время забытый художник вдруг стал мил сердцу современных модернистов и пережил вторую славу, еще более громкую, чем знал при жизни.

Гордеев быстрыми шагами прошел к картине, отстранил таможенника и снова снял ее со стены. Теперь он исследовал обратную сторону холста. Таможенник, посапывая, вытянул шею и заглядывал через его плечо на черный от времени и пыли холст, адвокат, посучивая ножками, маленькими шажками приближался к ним, словно подкрадывался, да и меня притягивала эта власть времени, выраженная в словах: «Эль Греко!»

За огромным окном кабинета плыли синевато-серые облака; мачты и реи протыкали воздух, как протянутые вслепую руки, и не было там ни одного яркого блика, никакой солнечной синевы, что виделись нам только что в картине. Я невольно вспомнил тягостную жизнь художника-изгнанника, долго кочевавшего по миру в поисках пристанища. Грек по национальности, итальянец по образованию и мыслям, он прибился в конце концов к мрачному испанскому двору, но не ужился и там. В Мадриде над всем владычествовала церковь, и хотя Эль Греко постепенно растерял и веселость сюжетов и живость красок, поддаваясь все больше и больше исступленным требованиям монахов, все-таки и церковь и король Филипп II были им недовольны. В конце концов он перебрался в Толедо, где еще сильна была оппозиция дворянства мрачному королю, но никогда уже не вернулся к радостным краскам, которые любил в молодости. Мир его последних картин аскетический, мучительный, темный. Однако же создал художник такие полотна, как «Мадонна Благородная», сделал же он и этот портрет: мне уже несомненным казалось авторство Эль Греко, схожими мнились линии и краски, и я все больше убеждал себя, что нахожусь воистину накануне крупного открытия.

Гордеев медленно повернулся к нам лицом, держа картину на вытянутых руках, и торжественно произнес:

— Видите светлое пятно? Это смыта марка музея... Частные владельцы редко ставили печати.

Адвокат сердито прошел к письменному столу, где лежала его раскрытая после предъявления документов и доверенности папка, и захлопнул ее.

— Акт будем составлять сразу? — скрипучим голосом спросил он.

Гордеев как будто очнулся, поднял голову, взглянул на нас, бережно поставил картину к стене.

— Нет. Сначала надо проделать рентгеновский анализ и созвать экспертов. Все это сделают в Москве.

— Что же я скажу моему доверителю?

Я резко ответил:

— Так и скажите, что картина краденая... До выяснения обстоятельста дела будет храниться как вещественное доказательство!

Мне уже хотелось отождествить адвоката с мистером Адамсом, со всеми, кто украл и прятал эту картину. Но адвокат вдруг усмехнулся, подмигнул нам.

— Бедный мистер Адамс! Не повезло ему с большевиками! Вы не можете хоть примерно определить стоимость этой картины? — Он спрашивал Гордеева.

— Если моя догадка подтвердится, то она может стоить примерно двести — триста тысяч долларов. Количество работ Эль Греко не увеличивается, а уменьшается. Часть приписанных ему раньше картин принадлежит, как оказалось, его сыну.

— Согласен и на сына! — засмеялся адвокат.— Мне, признаться, картинка очень понравилась, и я не хотел бы, чтобы она висела в спальне у мистера Адамса. Он мне говорил, что предполагает поместить ее в спальне. Пусть картина лучше вернется в музей, может, я с ней там еще увижусь! Пойду утешать моего доверителя!

Он отдал галантный поклон картине, потом помахал нам ручкой, сунул портфель под мышку и пошел к двери. И я вдруг понял: совсем ни к чему было злиться на этого человека, он просто исполнял порученное ему малоприятное дело и теперь рад не меньше, чем мы сами.

— О наших догадках Адамсу не говорите! — окликнул его на пороге Гордеев.

— Что я, маленький? — обидчиво сказал адвокат. Он снова сделал свой смешной жест ручкой и исчез.

— Как поступить с картиной? — спросил таможенник, почтительно поглядывая на Гордеева, который, как видно, пробудил и в его черствой душе уважение к художеству.

— Вызовите хранителя местного музея и упакуйте ее под его наблюдением. Рассказывать о наших предположениях ему тоже не стоит. Отправьте в Москву. Там мы произведем проверку и решим, как поступить с нею.

— А если этот Адамс не отступится?

— Он и сам, наверно, сообразил, что картина краденая. Просто верните затраченные им деньги. Не думаю, чтобы он стал протестовать. Эти «люди дела» понимают в искусстве меньше, чем в биржевых операциях. А в свою спальню он может повесить какого-нибудь модерниста... И позвоните, пожалуйста, на аэродром. Нам нужен ближайший самолет на Москву...

Самолет уходил утром. У нас был впереди целый день прогулок по городу, веселой болтовни, случайных наблюдений.

Я и Марта Кришьяновна провели этот день очень весело. Но Гордеев что-то притих. После обеда он часа на два покинул нас, а вернулся совсем сумрачным. Но мне не хотелось омрачать эти часы случайно выпавшего отдыха, тем более, что в конце-то концов мы сделали отличное дело, и я не стал расспрашивать его.

Я сидел в номере Гордеевых, ожидая, когда Марта Кришьяновна соберется к ужину, как зазвонил телефон. Спрашивали меня.

Гордеев передал мне трубку. Слышался извиняющийся голос нашего знакомого адвоката. Он просил о встрече.

Мы с Гордеевым прошли ко мне. Адвокат уже топтался возле двери.

На этот раз он выглядел растерянным. Тщательно закрыв за собой двери, он прошел к окну, задернул штору и только тогда сказал:

— Ну, мой клиент, товарищи, рвет и мечет, мечет и рвет! Он потребовал от меня предъявить иск вашему почтенному учреждению на двадцать тысяч рублей, которые заплатил за картину ее подлинному владельцу. Купчая на картину, нотариально оформленная, у него. Я снял с нее копию.

Адвокат вынул из портфеля бумагу и протянул мне. Эта была оформленная и заверенная копия запродажной расписки на двадцать тысяч рублей, внесенных господином Адамсом гр-ке Ивановой И. Н., «паспорт... серия... номер... прописка...» — словом, ничего не было забыто. И картина называлась так же, как и в квитанции комиссионного магазина: «Копия с картины неизвестного итальянского художника — портрет женщины в красном...»

— Что же означала тогда эта комедия с комиссионным магазином? — раздраженно спросил я.

— Адамс объяснил, что картина была передана на комиссию в магазин по совету гражданки Ивановой. Иванова предупредила покупателя, что вывоз неизвестно где приобретенной картины будет затруднен. И Адамс согласился на эти условия...

— Но он уяснил, что купил краденое имущество?

— А он настаивает только на возврате мошеннически полученной с него суммы. Взыщете ли вы ее с этой «гражданки Ивановой» или оплатите за счет государства, ему все равно. Но, как я понял, судьба картины ему далеко не безразлична. В своем гневе он не удержался, буркнул, что сорвалось «выгодное дельце». Так что я посоветовал бы вам хранить ее получше! Как бы она снова не исчезла!

— Ну что ж, передайте ему, чтобы он действовал по закону, предъявил иск к «гражданке Ивановой», а уж мы его удовлетворим... когда поймаем эту торговку краденым...

— Значит, иск оформлять?

— Не только оформлять, но и тщательно защищать интересы вашего клиента! Ведь он-то потерял не только девятьсот двадцать рублей, что уплатил в магазине — уж там-то мы разберемся, как они «проводят» краденые картины,— и не только двадцать тысяч, которые дал Ивановой, но и те сто или двести тысяч долларов, которые надеялся получить со своего заказчика. Так что господина Адамса тоже надо пожалеть...

К адвокату вернулась его ехидная усмешечка. Уже спокойно собрал он свои документы и попрощался. Проводив его, я взглянул на молчаливого свидетеля этого разговора—Гордеева. Он выглядел так, как может выглядеть только дурное известие. С усилием сделав какое-то странное движение плечами, будто сбрасывая или, наоборот, принимая на себя тяжесть, он сказал:

— Какой-то коллекционер за рубежом усиленно собирает работы Эль Греко. А нам придется удвоить охрану наших сокровищ. Я звонил в Москву. Пропала «Мадонна Благородная»...

— Не принимайте этого близко к сердцу. Я привез вас сюда, надеясь обнаружить именно эту картину... А мы нашли другую...

— Я это понял, когда вспомнил ваше разочарование при взгляде на «Женщину в красном»... Но от этого нам не легче! Значит, этот «коллекционер» лучше нас знает наши хранилища! Ведь о пропаже «Женщины в красном» никто ничего не заявлял! А она, несомненно, выкрадена из какого-то музея! Как же это случилось?

— Я сообщил в управление. Там сейчас занимаются этим вопросом. Они найдут и «гражданку Иванову» и того болвана, который допустил потерю картины. Для него она, вероятно, до сих пор остается малоценной «копией»...

— На вашем месте я не был бы так спокоен.— Гордеев приглушенно вздохнул.— Если охота началась, она не окончится, пока охотник не убедится в том, что добычи не будет, или пока он не схватит эту добычу...

— Или пока не схватят его! Добыча-то в наших руках, а не в руках охотника,— довольно весело поддразнил я Гордеева.

Он промолчал, но я видел, что он очень взволнован. Однако за ужином держался спокойно. Должно быть, не хотел волновать своими переживаниями жену. Она-то ведь ничего не знала!

Утром мы вылетели в Москву.

И совершили вынужденную посадку в незнакомом городе, с рассказа о которой я и начал свою повесть.

5

И вот я сидел в своем номере гостиницы «Бристоль» в незнакомом мне городе и записывал для памяти историю с мистером Адамсом. До назначенного Гербертом Брегманом времени оставалось не больше часа. Отложив перо, я уставился в стенку, за которой отдыхали сейчас Гордеевы, и вдруг мне показалось, что стена эта стеклянная, я отчетливо увидел все, что за нею делается.

Марта Кришьяновна, распустив свои пышные

белокурые волосы и поддерживая их тяжелые волны на затылке так, словно они оттягивают голову назад, сидит за туалетным столиком и смотрит на свое отражение остановившимися глазами. Ей нужно сделать только несколько движений, чтобы сколоть прическу, но как раз на это и не хватает сил. Кажется, она сейчас уронит руки, волосы рассыплются по плечам, она склонит голову и зарыдает: для чего ей эта прическа? Кого она должна очаровывать? Мужа? Но вот он сидит рядом за письменным столом, уставившись в «Вечерние новости», и не видит ни строки — сплошные серые и черные пятна у него перед глазами. Они уже пытались поговорить о нечаянной встрече с Брегманом. Конечно, Гордеев не думает, что встреча эта намеренная, предрешенная,— столько-то здравого смысла у него есть, чтобы понимать: вынужденную посадку именно там, где находится Герберт, не спланируешь! Но и успокоить мужа Марта не может... Она действительно рада этой встрече и как только подумает о том, что через час увидит Герберта вновь, в глазах появляется беспокойный блеск, которого не скроешь ничем, разве только сидеть вот так, уставившись в одну точку, или просто прикрыть глаза ладонями... И она испуганно опускает волосы и прячет лицо в ладонях.

Александр Николаевич молчит, хотя и видит, как рассыпалось светлое облако по плечам жены. Еще вчера он подошел бы к ней, обнял эти мягкие покатые плечи, спутал волосы, запрокинул ее лицо, прижался к нему своим лицом, но что-то произошло в мире или только в этой комнате, чье-то постороннее присутствие чувствуется все время, и ему кажется, что этот посторонний следит за ними, насмешливо кривится в улыбке, и под этим чужим глазом ничего нельзя сделать такого, что можно наедине... Александр Николаевич даже знает, чей это взгляд подглядывает за ним,— он же отражен в глазах жены!

Марта застыла перед зеркалом, неподвижная, словно неживая. Александр Николаевич выпрямляется, потом дружелюбно, весело говорит:

— Марта — весенняя птица, ты что-то долго возишься со своей прической! Наш спутник, наверно, заждался! Поедем ужинать! Как Герберт Оскарович назвал кафе? «Балтика»? Вот и поедем в «Балтику».

Ничего не скажешь, Александр Николаевич— решительный человек. Он всегда шел напрямик, навстречу ли радости или навстречу горю. Я так убежден, что он сейчас говорит именно это, что не выдерживаю, поднимаю трубку и звоню в сотрудничающее с нами управление. Мне хочется знать, что это за место, куда мы сегодня направимся.

Начальник отдела еще у себя. Он удивленно спрашивает:

— А чем вас интересует «Балтика»? Кафе для стиляг и иностранцев! Я в нем и не бывал ни разу....

— Там танцуют? Молодежи много?

— Кажется, да. Так, пристанище всяческой богемы. Она ведь еще не вывелась! Впрочем, там будет кто-нибудь из нашего управления, они вам дадут любую справку на месте...

Я благодарю и опускаю трубку. И сейчас же раздается звонок. Говорит Марта. Голос у нее звонкий, я бы сказал, птичий, щебечущий. Значит, она чем-то очень обрадована. Она говорит:

— Ай-ай-ай! Только приехали и уже заводите романы! Я полчаса звоню вам, и все телефон занят. Собирайтесь! Александр Николаевич приглашает нас в кафе... — Пауза, и уже с усилием: — «Балтика», кажется, оно называется... Будем танцевать и даже пить! Александр Николаевич разрешает и мне выпить рюмку коньяку.

И сейчас же ее голос сменяется рокочущим веселым баском Гордеева:

— Вы в форме? Мы сейчас зайдем за вами...

Я привожу себя в порядок. Ну, что ж, «Балтика» так «Балтика»! Ничего не поделаешь!

Подойдя к кафе, я машинально взглянул на часы. Было девять вечера...

В зале оказалось очень людно, и я увидел, как просветлело лицо Александра Николаевича. Он, должно быть, подумал, что для нас просто не найдется столика и мы уйдем. Но он плохо знал предусмотрительность влюбленных или забыл о ней... К нам уже спешил старший официант, на бегу склоняясь в поклоне и делая правой рукой жест, как инспектор ОРУДа, открывающий дорогу. И мы увидели в углу свободный столик, с которого официант очень ловко смахнул и спрятал в карман табличку с надписью «Заказано». Только привычка обращать внимание на мелочи помогла мне заметить это, как и то, что рядом, за соседним столиком, сидели Герберт Брегман и еще несколько молодых людей, по-видимому, его друзей. Александр Николаевич ничего не видел, он усаживал Марту, глаза которой уже приковались к розовому, чистому, освещенному насмешливой улыбкой лицу Брегмана. Гордеев тоже сел и оказался спиной к нему. Я занял место в углу, так что стала видна игра взглядов между Брегманом и Мартой. Впрочем, Марта, заметив, должно быть, как я оглядел зал, опустила голову и принялась изучать меню, с несколько искусственным оживлением советуясь со мной и мужем, что же выбрать.

— В любом месте, куда меня приводит судьба, я ем только местные блюда,— со смешной напыщенностью сказал Гордеев.

Он еще верил, что каждое его слово принимается Мартой как откровение. Может, он просто забыл, что человеку свойственно повторяться, а там, где начинается разочарование, повторы раздражают. Марта как-то сразу поскучнела и уже без всякого энтузиазма посоветовала мужу взять какие-то «цеппелины», единственное блюдо с непонятным названием.

Но выглядело кафе очень приятно. Мягкий свет скрытых в настенных панелях ламп, странные, трапециеобразные столики под стеклом, удобные стулья, спинка которых была похожа на старинную прялку, модернистская роспись на стенах, но такая, что не режет глаз, стилизованная под народные узоры и орнаменты.

Кафе состояло из двух залов; во втором уже играл оркестр — четыре-пять инструментов, там виднелась довольно широкая площадка для танцев, но пока исполнялась предварительная, так называемая «салонная» программа. Музыка смиряла тот однообразный гул, какой создается в большом помещении, когда разговаривают сразу много людей, но группами, обособленно, так сказать, для себя.

Возле нашего столика на крюке висели продетые в деревянные планки газеты. Я потянулся, чтобы взять «Вечерние новости».

Чья-то рука услужливо подхватила газету. Мягкий, бархатный голос сказал:

— Пожалуйста!

Я поднял глаза. Перед нашим столиком стоял Брегман. И опять глаза его неотрывно смотрели на Марту.

Я поблагодарил, но читать мне уже не хотелось. Марта тормошила мужа, похлопывала его по руке, торопливо говоря:

— Видишь, Герберт Оскарович тоже здесь! Ну, пригласи же его к нам!

Александр Николаевич смотрел перед собой, как будто только что проснулся. Брегман с сожалением, как мне показалось, взглянул на него и поспешно отклонил так и не произнесенное приглашение:

— О, я не один! Мы целой компанией: художники, журналисты, актеры...

Взглянув на соседний стол, я увидел, что там народу прибавилось. Появились две очень выразительно накрашенные девушки с фиолетовыми губами, еще какой-то молодой человек действительно артистического вида. Потом я сообразил, что этот вид придавал ему новый костюм, который выглядел так, как выглядят на сцене все новые костюмы в новой пьесе, разыгрываемой не срепетировавшимися актерами,— они словно бы все с чужого плеча.

— Может быть, мы сдвинем столики?—вдруг предложил молодой человек в новом костюме.— Многие из нас лично знают Александра Николаевича,— легкий полупоклон в сторону Гордеева,— другие наслышаны о нем. В нашем городе любят художников! Я ведь тоже учился у вас! — Снова такой же поклон.

— Помню, помню,— холодно сказал Гордеев.— Галиас. Ушли с четвертого курса.

— Что поделаешь! — Галиас усмехнулся.— Признать отсутствие таланта у самого себя — тоже нужна сила воли! Обычно приятнее говорить это о других.

Он сказал это как-то так весело, что обстановка внезапно стала меняться. Уже все пятеро молодых людей за соседним столиком встали, изъявили живейшее желание присоединиться к нам, девушки метали пламенные взгляды на Гордеева, Марта Кришьяновна тоже умоляюще смотрела на него, и он нехотя поднялся. Теперь столы ничто не разъединяло, и официант, исподтишка наблюдавший за переговорами, мигом сдвинул их. Гордеев сел рядом с женой, Брегман — несколько в стороне, выбрав место так, чтобы Гордеев не мог наблюдать за ним, Галиас каким-то образом оказался напротив меня, а одна из девушек—рядом.

По своим привычкам я бумагомарака. Есть у некоторых людей такая необременительная для посторонних склонность. Если меня ничто не привлекает, я машинально достаю из кармана карандаш или авторучку и начинаю чертить на первой попавшейся бумажке всякие орнаменты, рисунки. Эта механическая работа не мешает слушать и разговаривать, пока что-то вновь не привлечет тебя по-настоящему.

Я и сам не заметил, как вооружился своей авторучкой, вытащил из хрустального бокала бумажную салфетку и принялся рисовать на ней узоры. Молодежь вовлекла Гордеева в какой-то пространный спор о модернизме — они горячо отстаивали абстрактные композиции на стенах кафе, которые какой-то неумный корреспондент уже успел охаять в газете, создав тем самым рекламу и авторам росписи и кафе. Я положил авторучку на стол и закурил, прислушиваясь к спору.

— Какое приятное стило! — вдруг сказал Галиас.— По-моему, это «Наполеон», Франция! — и бесцеремонно взял ручку. Вытащив из бокала несколько салфеток, он тоже принялся рисовать на них какой-то абстрактный узор из кругов, ромбов и точек.— Вы знаете великолепный анекдот об авторучках? — спросил он, продолжая разрисовывать салфетку.— Американцы по всему Парижу развесили рекламы: нарисована авторучка фирмы Паркер и подпись под нею: «Эту ручку сбросили с Эйфелевой башни, и она продолжала писать! Всего десять долларов!» Тогда французы поперек их реклам развесили свою: нарисована авторучка «Наполеон» и подпись: «Эту ручку не бросали с Эйфелевой башни, но пишет она отлично! Всего два доллара!» — и загубили все усилия американцев!— Он засмеялся, продолжая расчерчивать салфетку. Я видел, таланта у него действительно не было...

В это время оркестр заиграл медленное танго. Галиас вернул мне авторучку и пригласил девушку, сидевшую рядом со мной. Все задвигались, пропуская друг друга. Брегман подошел к Марте. Марта взглянула на мужа, уловила его небрежный кивок и положила руку на плечо Брегмана. Подругу моей соседки пригласил великан-блондин. Я, Гордеев и еще двое молодых людей остались за столиком.

Подвинув к себе исчерканную Галиасом салфетку, я принялся терпеливо разбирать его рисунки.

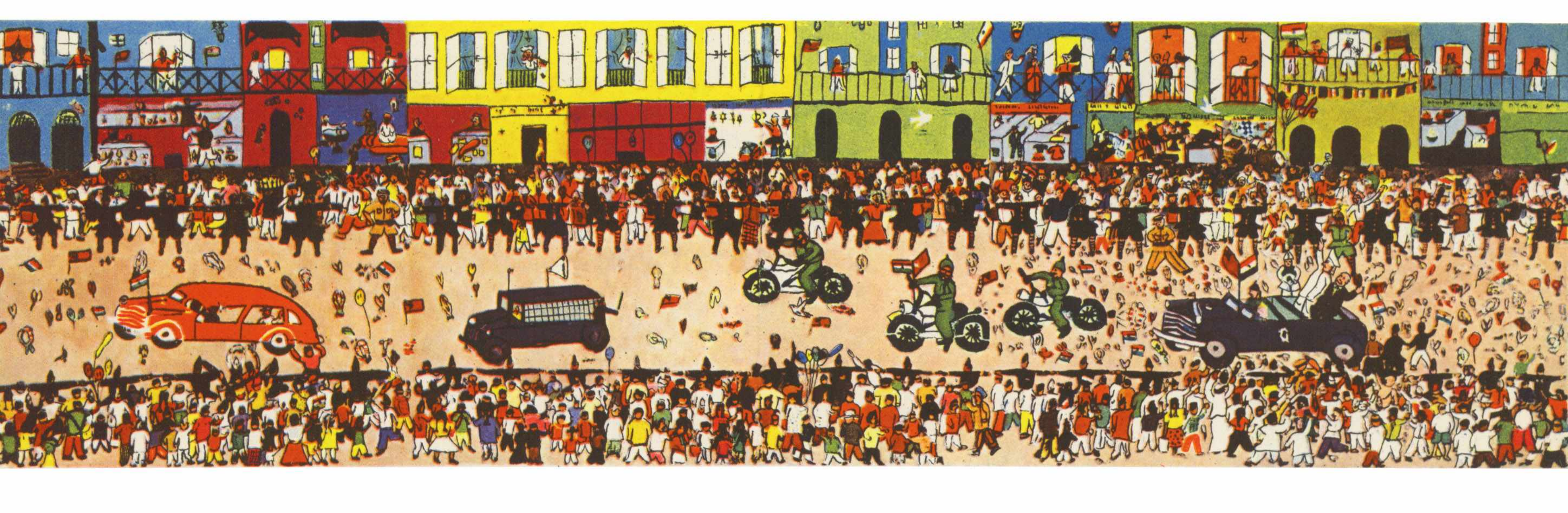
Галиас пользовался одним из известных мне шифров. Он отвечал на мои вопросы, которые прочитал на исчерканной салфетке. Я знал, что мне ответят, хотя и не предполагал, что это будет мой сосед. Все ответы вместе составляли обычный рисунок, какой может начертить всякий задумавшийся человек, но если разобраться...

Прежде всего Галиас предупреждал, что мы «в дурной компании». Затем он расшифровал, что под этим разумеет. Круг, сделанный волнистой линией, и треугольник в этом круге обозначали, что нас окружают спекулянты. Ниже приводились характеристики каждого соседа. Девицы, по данным Галиаса, «наводят» покупателей. Великан-блондин — недоучившийся художник, теперь специалист по перепродаже шерсти и шерстяных изделий. Два оставшихся за столом молодых человека — бывшие студенты — занимаются снабжением всякого желающего радиоприемниками, магнитофонами и «стильной» мебелью. Самый тихий из гостей — художник местного театра, а Галиас, которого я принял за актера,— сотрудник нашего управления. Брегман известен как художник, имеет деньги, недавно он подрядился реставрировать стенную роспись и несколько икон в местном католическом кафедральном соборе...

Я скомкал салфетки и швырнул их в пепельницу. Люди эти были мне малоинтересны, разве только Брегман и из-за того лишь, что мне было жаль Гордеева.

Продолжение следует.

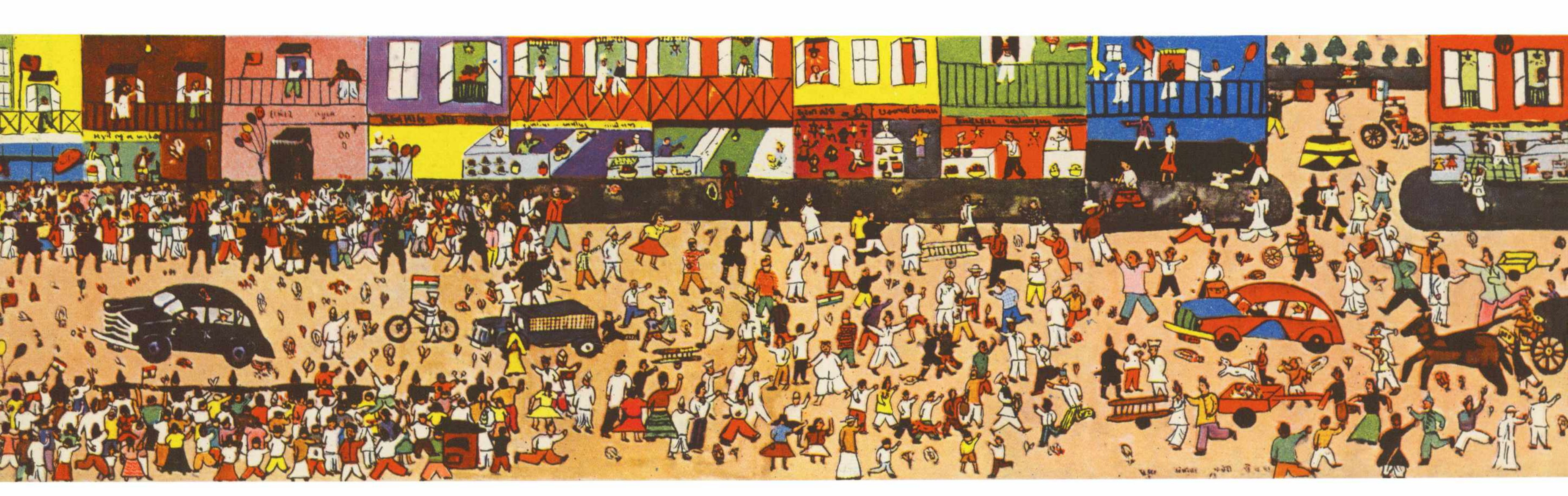

Тринадцатилетний Прафула Амишанда Джхавери, как и все дети на свете, любит праздники. Но такое он видел впервые в своей жизни: тысячи, десятки тысяч людей вышли на улицы родного Бомбея приветствовать гостя из далекой страны — премьера Н. С. Хрущева. Вспоминая подробности встречи, радостное настроение окружающих, Прафула рисует громадную красочную панораму.

Свою работу индийский школьник послал на 11-ю Международную выставку детского рисунка, которую ежегодно организует индийский иллюстрированный журнал «Шанкарс уикли». Среди тысячи работ юных художников 68 стран мира рисунок-панораму Прафулы Амишанда Джхавери «Встреча высокого гостя» признали лучшим. Мальчик был удостоен самой высокой награды — Золотой медали президента Индии.

А 30 августа школу, где учится юный художник, посетил советский посол И. А. Бенедиктов. На торжественном собрании всех учащихся он вручил Прафуле Амишанда Джхавери альбом репродукций лучших картин Третьяковской галереи и «музыкальную» модель спутника. Это был подарок, который прислал маленькому индийскому художнику Никита Сергеевич Хрущев.

ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ ФАДЕЕВ

Впервые публикуемые письма Александра Фадеева к Исааку Дольникову — другу школьных лет, товарищу по совместной борьбе в Приморье — открывают новые страницы жизни писателя в период учения в московской Горной академии (1921—1924). О студенческих годах Фадеева известно не много: учился и одновременно работал инструктором Замоскворецкого райкома партии, а в 1924 году был направлен ЦК на партийную работу в Северо-Кавказский край. Читатель больше знает Фадеева — бойца и политработника, сражавшегося с белогвардейцами и интервентами в Приморье, делегата X съезда партии и участника штурма мятежного Кронштадта. Вполне понятно: яркие события столь необычной юности писателя оттеснили на второй план, казалось бы, обыкновенные мирные годы учения, когда недавний комиссар бригады стал студентом. А между тем четыре года московской жизни не менее богаты впечатлениями, событиями, полны духовных поисков. В эти годы определяется призвание писателя.

Письма к И. Дольникову помогают понять интересы, чувства, настроения, характер Фадеева, еще очень молодого человека. 25 декабря 1921 года он сообщает своему другу: «Я писал, что мне 20 лет. Только вчера исполнилось. Сегодня начал третий десяток, а их ведь еще много, вот я и не унываю. Желаю того и тебе».

Непосредственный, живой, увлекающийся Фадеев пишет о своих занятиях («...в один месяц прошел алгебру, геометрию, тригонометрию, физику и арифметику...»), отнюдь не замыкаясь в рамки своей новой профессии. Внимание его поглощает общественная и литературная жизнь Москвы: лекции в Политехническом музее и выступления поэтов, премьеры театров и парад на Красной площади. С юношеским пылом Фадеев спорит с другом, отстаивая свою «философию жизни». Если попытаться одним словом определить чувства и настроения Фадеева в те годы, надо назвать простое слово — молодость. Не потому ли известный поэт писал:

Нас водила молодость
В сабельный поход.
Нас бросала молодость
На кронштадтский лед...

Молодость пронизывает фадеевское восприятие жизни, ею вызваны энтузиазм, романтика и неиссякаемая энергия. Молодостью объясняется и своеобразный слог, которым написаны эти письма: разговорная речь, украшенная подчас бытовыми определениями и словечками, распространенными в те годы среди молодежи. Это понятно и объяснимо. Но главное — радостное восприятие жизни, ощущение слитности с новым миром. Читатель старшего поколения узнает в фадеевских чувствах и помыслах свою революционную молодость, так много в них характерного для настроений молодежи 20-х годов. Впоследствии Фадеев скажет об этом времени: «Когда по окончании гражданской войны мы стали сходиться из разных концов нашей необъятной родины — партийные, а еще больше беспартийные молодые люди, — мы поражались тому, сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб... Нас соединяло ощущение нового мира, как своего, и любовь к нему».

Мы не найдем в письмах узколичных фактов или подробного описания трудного студенческого быта Москвы тех лет. Фадеев ничего не пишет и о своей работе над повестью, в которой он предполагал рассказать о виденном и пережитом в годы гражданской войны. Зато письма Фадеева к Дольникову много говорят о личности, духовном облике молодого писателя.

Исаак Ильич Дольников (1902—1941) — школьный товарищ А. Фадеева, член партии с 1918 года, участник партизанского движения в Приморье. С 1921 по 1925 год он работал редактором губернских газет в Приморье и Забайкалье. Позже работал в Москве, в аппарате ЦК КПСС и Госполитиздате. В начале Великой Отечественной войны И. Дольников добровольцем ушел на фронт. Осенью 1941 года погиб в бою на Ленинградском фронте.

В. АПУХТИНА

1

26/IX—21 г.
Москва.

АЛЕКСАНДР—ИСААКУ.

Свинство, дружище, с моей стороны,— что не писал долго, но обстоятельства весьма основательны. Слушай! Поверил бы ты, черт возьми! если бы кто-нибудь сказал тебе, что Сашка, столь презиравший математику и любивший до потери сознания русский язык да полит(ическую) эконом(ию), в один месяц прошел алгебру, геометрию, тригонометрию, физику и арифметику и выдержал экзамен в Горную Академию? Нет, ты бы послал того человека к черту, а то еще, чего доброго, привлек бы к ответственности за клевету. Но это правда! Каррамба! Эта канитель закончилась только вчера, и вот я из военкомбригов в студенты!

...Жизнь духовная по-прежнему богата. Поговорим с тобой о ней. Были на представлении пьесы Луначарского *. «Слесарь и Канцлер». Ну, скажу тебе. Бесконечно правы пролетарские поэты, когда говорят, что новая поэзия и литература будут созданы самим пролетариатом. Ведь вот Луначарский! Талантливый человек, великолепно изображает весь ужас рухнувшего строя, высмеивает бесподобно социал-соглашателей, вскрывает подноготную милитаризма и т. д. и т. д., но только пытается дать частичку нового быта и новых людей, моментально съезжает на слабенькую французскую мелодраму. И в творчестве наших талантливых интеллигентов я все натыкаюсь на «сей печальный факт». Нужно тебе заметить, что я занимался, как лев, или как Акакий Акакиевич — часов по 15 в сутки,— а по сему мало посещал всевозможные театры, лекции и прочее, но все же как-то мимоходом завернул на две оперы и еще кой на что, но т. к. это все ты видел, то и описывать не стану. Достоин пера вчерашний парад Московского гарнизона в честь первого советского выпуска академии Генер(ального) штаба...

В общем хотел написать много, но все вылетело к черту из головы. Поговорим о ДВР. Ты прислал посылку — хорошее дело, можешь продолжать в том же духе, но неужели ты подумал, что мы настолько забыли Бога и предались Мамоне, что нам какая-то пшенная крупа будет интереснее судьбы наших ребят: Игоря [1], Гришки [2], Петьки [3], Саньки [4] и вообще всех друзей и знакомых. Ведь это позор твоим сединам! Спеши исправиться.

Кроме того, ты бы вместо мыла прислал бы дальневосточные издания: журналы, газеты (со своими писаниями, в частности, все ж бы было веселее. Не знаешь ли ничего о моих родных?

Сообщи, имеется ли возможность пересылать письма во Владивосток и каким образом.

Ну, жму руку.
Мой адрес: Москва, Остоженка, 38, Пречист. Раб. фак-т. Э. Крастину для Фадеева.

* (Между прочим, сей последний запузыривает каждую неделю лекции по 3, тут и чтение новых поэм, тут и «Идеализм и материализм», тут «Пророки революции», тут и «Скрябин и революция»).— **Прим. автора.**

[1] Игорь Сибирцев — двоюродный брат и друг Фадеева, участник партизанского движения на Дальнем Востоке.
[2] Григорий Балименко — друг Фадеева, участник партизанского движения на Дальнем Востоке.
[3] Петр Новиков — друг Фадеева, участник партизанского движения на Дальнем Востоке.
[4] Александр Бородкин — друг Фадеева, участник партизанского движения на Дальнем Востоке.

2

15. XI—21 г.

Уважаемый Исаак Ильич!

Черт бы тебя побрал! Какого дьявола не пишешь!? Ведь это возмутительно, такое молчание. Мы ничего не знаем, как живут родные и знакомые, мы жаждем информации о духовной и «телесной» жизни Читы и т. д., и пр., и т. п., а ты молчишь, лапчатый гусь, с упорством Монблана. В конце концов, при всем желании не могу найти материалы для своего письма. Во-первых, неизвестно, что именно и что особенно тебя интересует из жизни нашей и из жизни Москвы, во-вторых, не о чем подискуссировать, не имея ответа на свои изыскания во всевозможных областях, наконец, в-третьих... да что там и говорить. У нас ходят слухи, что ты идешь в гору и уж чуть ли не редактором «Дальневосточной правды». Приехавший на жительство в Москву из Иркутска Климов [1] сообщил нам, что Зоя под литером «Б» [2] с «Медведем» [3] в Чите. Почему не пишут они. Где Гришка, Санька, Петька, Игорь и др.? Имеешь ли связь с Владивостоком, переписываешься ли с родными? Если да, то не забывай приписывать, что Сашка жив и здоров, пусть извещают об этом мою мать. Я не имею из дома вестей со времени отъезда и, конечно, волнуюсь о судьбе родных.

Засим пару слов лично о себе. Учусь почем зря. Зарылся с ногами и руками во всевозможные геодезии, анализы, аналитики, горные искусства, разработки рудных месторождений и пр. и не признаю никакой беллетристики, как подобает будущему деловому спецу.

...Эх, братец, писал бы почаще!

Александр.

[1] Климов — участник гражданской войны на Дальнем Востоке.
[2] Зоя Ивановна Секретарева (подпольная кличка «Зоя большая») — друг Фадеева, участница подпольной борьбы на Дальнем Востоке.
[3] Серов Константин Петрович (подпольная кличка «Медведь») — друг Фадеева, участник подпольной борьбы на Дальнем Востоке.

3

7/XII—21 г.

АЛЕКСАНДР—ИСААКУ.

Твое продолжительное молчание, дружище, наводит на размышления, уж не захандрил ли ты по той или иной причине во всю Ивановскую и не захандрил ли настолько, что «опостылел тебе белый свет» и все твои друзья (вспоминающие, кстати сказать, о тебе частенько) и решил ты уморить их в безызвестности? Если так, то — плюнь! Диалектически рассуждая, все развивается на белом свете от низших форм к высшим... Это, во-первых. Во-вторых, нас ты все равно не уморишь, так как народ мы живучий, хандрить не хандрим, и «духа не угашаем». Пусть это будет вступлением.

По правилам ученических сочинений... за вступлением должно следовать изложение, а посему я и приступаю к оному.

Прежде всего, получаешь ли ты наши письма, или их постигает та же участь, что постигла когда-то мои, писанные тебе из госпиталя в представительство, манускрипты, за неполучение которых ругал ты меня свиньей, а я, приехав из Питера, стал сам получать их с необычной для советской почты аккуратностью. Если так, то печально, но дело, конечно, не в этом, а если не в этом, то, конечно, оно и не в «шляпе»

Александр Фадеев с правнуком А. С. Пушкина, Григорием Пушкиным. 1949 год.

Фото А. Устинова.

и не «в принципе», а в чем-то другом. Так в чем же? (Логика — убийственная). Дело в том, что без переписки, как я говорил тебе в прошлом письме (а под перепиской надо понимать, что один пишет, а другой отвечает, а не только один пишет), невозможно найти материала для «посланий».

Помнится, что те письма, за неполучение которых ты ругал меня свиньей, были очень толсты и содержательны, а все потому, что я вступал тогда в полемику с тобой по всем вопросам современности (литературы и поэзии, в частности) и по этой самой причине не только не жаловался на отсутствие материала для посланий, но даже рычал на недостаток бумаги. Так не объяснить ли «жидковатость» моего теперешнего письма тем обстоятельством, что я принужден в данном случае полемизировать с тобой по поводу твоего убийственного для прошлогодних мух молчания?

Что сказать о жизни «наших в Москве»? Учатся, жуют хлеб, работают, нервничают, за недостатком времени забросили лекции и театры и, стало быть, не считая последнего, по-прежнему во всех отношениях благоденствуют. Благоденствуют, т. е. дышат и немного кушают, а иногда и разговаривают, участвуя тем самым в том интересном, многообразном, калейдоскопическом винегрете, что именуется жизнью. Прими последнюю фразу за шутку, а не за философию и не обвиняй в антимарксистском определении понятия «жизнь».

Говорят, что ты здорово работаешь, дискуссируешь с кем-то в газете, а нас и не удостоишь присылкой хоть одного экземпляра претерпевающей невероятные дискуссионные страдания газеты. А ведь не мешало бы и нам к этому приобщиться.

Эх, Исак, Исак (не думай, что это содрано у Гоголя, т. к. Тарас Бульба говорит: «Эх, Остап, Остап!» И то совсем по другому поводу), забыл ты нас грешных и, пусть засвидетельствует мои слова Иегова, не войдешь ты в царствие небесное...

Но, между прочим, Москва все-таки тоже не дремлет. Не говоря уж о дискуссиях, придется отметить повышение производительности, улучшение настроения беспартийных масс, сокращение учреждений и штатов и т. д. Идут постановки новых пьес, например, в 1-м театре Пролеткульта, ставится недавно оконченная Плетневым[1] «Лена», происходит чествование различных писателей в дни их годовщин, как, например, Достоевского, Некрасова и пр., и по-прежнему в Политехническом музее «лекционируют» Луначарский, Поссэ[2], Коган[3], Рейснер[4] и другие. Появились на свет и новые журналы. Например, «Печать и революция» очень интересный журнал критики и библиографии, издаваемый Госиздатом, или «Красная новь», номера которой, должно быть, у тебя имеются, или «Наука и революция» и т. д.

Сейчас на носу партконференция и 9-й съезд Советов, к которому... будет организована громадная, обещающая быть интересной, выставка. В области личных «поэтических кафе»[5] приходится констатировать несомненно прогрессирующий упадок. Гибнут из-за собственной идеологической слабости футуристы, имажинисты, фуисты и другие «исты», нет больше лозунгов «вся власть ничевокам!», но зато медленно, но верно с упорством «изюбря» растет и развивается пролеткульт Москвы и Питера.

Придет время и о первых забудет «неблагодарное» потомство, вспомнит история только Маяковского, а пролеткульты станут рассадником нового искусства. Так будет, что бы ни писал и о чем бы ни писал и о чем бы ни плакал Чужак[6]. Ну... Жму руку. Пиши.

Александр.

[1] Плетнев В. Ф. — председатель ЦК Пролеткульта, критик, драматург.
[2] Поссэ В. А.— журналист, издатель.
[3] Коган П. С.— профессор МГУ, литературовед.
[4] Рейснер М. А.— общественный деятель, профессор права.
[5] «Поэтические кафе» — литературные группы.
[6] Чужак Н. Ф.— журналист, критик.

Цвето

А. ГОРОБОВА

...«Юлдаш» по-русски значит «товарищ». Идешь по городу и слышишь, как люди окликают друг друга: «Юлдаш!» — и еще прибавляют «джан» или «хон» — «дорогой», «уважаемая».

Когда мне в Самарканде посоветовали: «Вы в Турткуле найдите юлдаша Джуманиязова — это директор государственного племенного рассадника каракалпакского сура»,— я так и поняла: найдите товарища Джуманиязова. Оказалось, в данном случае Юлдаш — собственное имя.

Мое знакомство с директором Турткульского госплемрассадника началось с дипломной работы студента Узбекского сельскохозяйственного института имени Куйбышева. Вот она передо мной в картонной папке. Почти нет в этой работе ссылок на специальную литературу, хронологии, сводок, зато приводится опыт соседей — тех, что живут в колхозах или даже рядышком, здесь же, в Турткуле, на улице Кирова, за большим арыком. Это старики-чабаны, всю свою жизнь пасшие в песках отары каракульских овец, или казаки с реки Урал. Еще в конце прошлого века были их отцы сосланы сюда, на Аму-Дарью, за непокорность, смутьянство. Здесь прижились, ловили знаменитого аму-дарьинского усача, ну, и одновременно разводили каракульских овец.

Приведен в этой работе и рассказ о том, как старики-чабаны вырастили каракульского барашка такой красоты, что, забив его, послали шкурку в подарок хивинскому хану. Это было шестьдесят лет назад.

Работа студента Джуманиязова подкупала своей хозяйственной деловитостью и той особой пропагандистской настойчивостью, которую нельзя добыть ни в библиотеках, ни в институтских лабораториях, которая дается только опытом самой жизни, непосредственным и каждодневным участием в ней и происходит оттого, что цель автора не только научная истина, но и необходимость во что бы то ни стало осуществить свои идеи на практике. И когда на одной из страниц было приведено описание каракулевой шкурки шамчирак, которое смахивало на сказку, этому описанию тоже поверили и только просили, если возможно, показать такую шкурку на кафедре.

«Некоторые шкурки,— писал дипломант,— кажутся вышитыми бисером. Достаточно несколько изменить положение шкурки по отношению к свету, чтобы окраска ее изменилась. В зависимости от освещения одна и та же шкурка может становиться то темно-коричневой, даже черной, то серебристой или золотистой. При рассеянном свете шкурка шамчирак-гуль кажется светящейся, а внесенная в слабо освещенное помещение как бы фосфоресцирует».

...И он привез эту шкурку: съездил в один из турткульских колхозов и однажды явился в аудиторию в каракулевой шапке, которая то вдруг начинала сверкать, словно осыпанная золотым песком, то становилась совсем черной. И только было непонятно, как же это до сих пор никто не занимался каракалпакским цветным каракулем — суром!

— Народная селекция...— задумчиво сказал студент, подойдя к руководителю кафедры.— Столетиями наши чабаны выводили! — И, помолчав, добавил: — Еще недостаточно знает народ наша наука!

И вот Юлдаш Джуманиязов уже зоотехник, окончивший сельскохозяйственный институт, директор госплемрассадника. Сидит передо мной очень молодой человек с веселым, круглым, чуть скуластым лицом — сын местного мастера, шившего шапки из каракуля, внук чабана, пасшего в песках отары каракульских овец, местный человек, которому все здесь знакомо до самой последней мелочи, которого все тут знают и в колхозах и на отдаленных пастбищах. Свой паренек Юлдаш!

— Юлдаш-джан! — говорю я.— Как же все-таки увидеть эту шкурку шамчирак?

Некоторое время он думает.

— К старикам пойдем. Старики найдут.

Шир-баба — высокий худой старик, величавый и вместе радушный. Перед ним разостлана цветная ситцевая скатерка, на которой подносы с дыней и виноградом.

Я знаю этих людей. Такими их сделали годы труда, пески, сотни километров от колодца к колодцу, пройденные вслед за отарой. Уже их не слушаются ноги, а корпус держится прямо, взгляд зорок, спокоен, словно человек все еще вглядывается в даль.

Шир-баба — большой знаток и любитель каракуля. К нему приходят советоваться работники Заготэкспорта и чабаны, забегает из ветлечебницы фельдшер, приходит председатель колхоза, и Юлдаш Джуманиязов, молодой директор Турткульского госплемрассадника, заглядывает, чтобы поговорить о суре.

Юлдаш привел меня сюда, чтобы показать шкурку драгоценного сура — шамчирак-гуль. У старика такой шкурки не оказалось. Но уходить, не выпив чаю, здесь не только не принято, но и считается оскорбительным для хозяина. Впрочем, если гость занят, торопится, он может чая не пить, даже не садиться, но отломить кусочек лепешки, которую вынесет на подносе хозяйка, он должен: лепешка — это как бы знак взаимного доброжелательства.

— Знает ли гостья,— вежливо спрашивает Шир-баба,— что было

К свечи

написано на спинке первого каракульского ягненка, который родился в наших местах? — И, не дожидаясь моего ответа, продолжает...

— Он говорит,—переводит Юлдаш,— что на спине ягненка, когда он родился, чабаны увидели письмена. Чабаны не могли их прочитать. Они повезли ягненка к домулло — к образованному человеку...

И я и Юлдаш знаем, что никаких письмен не было и быть не могло, но я понимаю, о чем говорит старик: на особенно ценных каракулевых шкурках завитки действительно напоминают сложную арабскую вязь. И это очень красиво.

— Что же прочитал учитель? — спрашиваю я.

И Шир-баба что-то быстро произносит по-арабски, как произносят стихи или молитву, что-то выученное на память, повторенное множество раз. Я тут же вытаскиваю блокнот и пытаюсь записать все это на слух.

Позднее, уже в Самарканде, мне эту запись перевели. Со многими витиеватостями, с ссылками на Магомета тут было сказано, что каракульский ягненок сброшен на землю из садов рая, чабаны не должны его резать, а сохранить на племя, ибо овцы, родившиеся от каракульского баранчика, принесут людям благополучие: мясо их будет вкусным, шерсть теплой, а шкурка ягненка послужит украшением. Письмена были чистейшим вымыслом, но вымыслом мудрым. И если домулло, о котором рассказал Шир-баба, действительно существовал, он был человек не только ученый, но и дальновидный. Каракульская порода овец начала складываться именно с того момента, когда чабаны перестали забивать баранчиков, покрытых красивыми блестящими завитками.

Мы с Джуманиязовым уже собрались уходить, когда старик вдруг поднялся с кошмы и вышел, но тут же возвратился, неся несколько шкурок каракуля: очевидно, посылал кого-то к соседям.

— Шамчирак нет,— сказал он по-русски.— Эрик-гуль есть.

Эрик-гуль — значит цветок абрикоса.

Мне приходилось видеть абрикосовые сады в то время, когда плоды уже созрели. Деревья стоят, облокотясь на подпорки, отягощенные сладким и нежным грузом. Издали их ветви кажутся розовыми: листья исчезли, скрытые нежной бархатистостью плодов. Приходилось мне видеть абрикосовые сады и весной, в пору цветения. Каракулевая шкурка, которую показывал нам Ширбаба, отойдя немного в сторону и картинно кинув ее на плечо, чем-то напоминала такой сад. Конечно, на ней не было ни цветов, ни фруктов. Шкурка была темной, и оттого, что старик стоял в углу, она казалась еще темнее. Концы каракулевых завитков сияли в полутьме золотистым, розовым и как бы выглядывали из тени. Я знаю и люблю меха. Приходилось мне видеть шкурки куниц, соболей, красных и чернобурых лисиц, но вид их никогда не вызывал мысль о саде.

— Вот какой наш каракалпакский сур! — говорит Юлдаш, и в его тоне мне слышатся нотки задора, даже полемики.

А утром мы с Джуманиязовым едем в колхоз имени Куйбышева, к другому старику. Пока Джуманиязов узнает, дома ли хозяин, я разглядываю окружающее.

Старая виноградная лоза. Небольшой загон, окруженный заборчиком, сплетенным из прутьев тала,— так плетут корзины. В загоне баран. Он лежит на мягкой темной земле.

Только теперь я понимаю, какое это красивое животное. Горбоносая голова с чистыми линиями кажется античной, янтарные выпуклые глаза как бы налиты светом. Раньше мне представлялось, что рога каракульского барана круто изогнуты, откинуты к спине. Оказывается, рога небольшие, между ними чуть серебрится темная шерсть. На лбу белое пятно.

— Вот это баран! — как-то по-особому, восхищенно говорит Юлдаш. Он подошел и тоже разглядывает животное.

Хозяин оказался дома. Впрочем, теперь он, должно быть, дома всегда. Он сидит на айване — земляном возвышении — под старой урючиной и вспоминает. Больше пятидесяти лет работал он чабаном, и ему есть что вспомнить.

— У нашей семьи были самые хорошие овцы,— говорит старик.— Мой дед имел таких же баранов.— Он кивает в сторону загона.— От них всегда родились ягнята шамчирак. Это все знают!

Юлдаш соглашается.

Опять дыня, опять идет беседа, и опять мне, как видно, не покажут эту таинственную шкурку шамчирак.

Но Юлдаш, кажется, думает по-другому.

Здесь все так интересно, что я готова забыть о цели нашего прихода. А Юлдаш не забывает и словно стягивает беседу к одной, им уже заранее намеченной точке.

— Каракуль недавно стали носить. Прежде тоже носили, но переросший, чтобы завиток был длинный,— говорит он по-узбекски.— Шапки из такого каракуля очень красивы. Сейчас только старики носят такие!

Хозяин подходит к сундуку, окованному полосками белой жести,— сундук стоит тут же под деревом — и извлекает огромную лохматую шапку. С минуту он стоит перед открытым сундуком в нерешительности, потом достает тонкий, верблюжьей шерсти халат и облачается в него.

— Такой халат проходит через браслет женщины,— поясняет Юлдаш.

Старик стоит перед нами в этом драгоценном халате и огромной шапке, где каждый завиток сантиметров в пять длиной. А Юлдаш сначала только улыбается и что-то говорит старику, а потом начинает хохотать. Хохочут оба, и старик вытирает ладонями глаза.

— Помолодел, совсем молодой,— сквозь смех говорит Юлдаш, оборачиваясь ко мне,— жениться хочет!

Оказывается, существует обычай: на смотрины жених надевает такой вот халат, огромную шапку чугурму и является к невесте. Невеста и ее подружки приглашают жениха сесть, а он не садится и красуется или, еще лучше, вскакивает на коня, чтобы показать девушкам свою удаль, и стройность, и то, как ветер перебирает длинные блестящие завитки его чугурмы.

— Помолодел! — весело говорит старик.— Скоро внуков буду женить!

Юлдаш хитро поглядывает в мою сторону: мол, лед тронулся. Сейчас уже и я готова поверить, что старик покажет нам шкурку шамчирак. Юлдаш искусно наводит его на это.

Внуков у старика двое. Один, старший, где-то у соседей, а младший рядом. Ему лет семь. Он жмется к ногам деда и слушает наш разговор. У него совсем круглое смуглое личико, полное напряженного внимания.

— Будет инженером,— говорит старик.— Рустамом зовут. Знает ли гостья, кто был Рустам? — спрашивает он не у меня, а у Джуманиязова. Очевидно, вежливость требует, чтобы этот вопрос был задан через второе лицо.

Да, я знаю, кто был Рустам: это герой поэмы, богатырь, любимец народа.

— Будет инженером,— улыбаясь, повторяет старик.

— А второй внук?

— Будет чабаном.

— Старик старшего меньше любит? — спрашиваю я у Юлдаша так, чтобы хозяин не понял.

Но он улавливает смысл фразы и отвечает образно, по-восточному:

— Два внука — это два глаза. Разве один свой глаз человек любит меньше? — И помолчав: — Нельзя каждому быть инженером. Инженер строит дома и мосты, а кто будет разводить каракуль?

И тут появляется шамчирак. Вернее, в дверях глинобитной кибитки появляется старший внук старика, тот, который станет чабаном. Ему лет девять. Там, в прорези дверей, полутьма, и в ней что-то сияет, будто полутьма вышита серебряным бисером, будто в глинобитной кибитке старика оказался кусок ночного звездного неба. А это шапка, обыкновенная шапка на стриженой голове мальчонки!

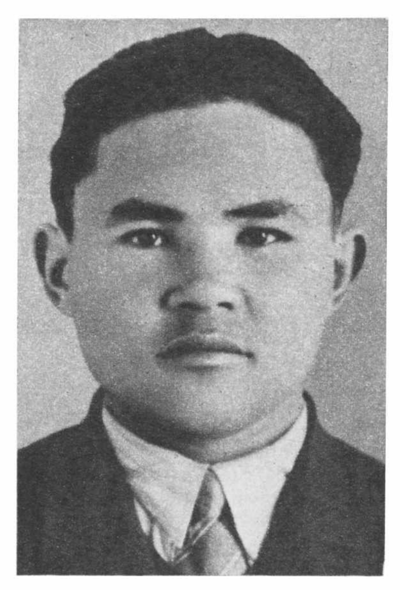
— Шамчирак! — восторженно шепчет Юлдаш.— Сур шамчирак, цветок свечи.

Старик смотрит на нас, на внука и улыбается. Он доволен.

Позднее, уже на обратном пути, Юлдаш рассказывал мне о том, как старику предлагали за эту шкурку самую наивысшую цену, но он ее не продал.

— Мы решили,— сказал Юлдаш,— что он ее в сундук спрятал. Открыл сундук, посмотрел, гостю показал, чтобы весело было! А он, оказывается, вот что...

Я думала о том, что среди многих прекрасных черт этого народа есть еще и такая — уважение к детям.

Юлдаш Джуманиязов.

— Теперь вы видели нашего каракалпакского сура? — спросил Юлдаш.— Вот и будем его разводить... А до прошлого года даже специалисты не верили, что такие шкурки существуют, шептали: «Это сказка!..»

Недавно я получила от Юлдаша Джуманиязова письмо. В нем он пишет, что разыскал баранов, от которых обязательно должны родиться ягнята «сур шамчирак» — цветок свечи—и еще «эрик-гуль»— цветок абрикоса. Юлдаш сообщает, что собирается сдавать кандидатский минимум и что кандидатскую работу он решил посвятить каракалпакскому суру, и в конце письма передает привет от стариков.

...Нам чаще всего приходится слышать о том, что уже сделано, уже решено. Тут же дело обстоит иначе: нужно еще многое решать, находить, проверять. Еще не выяснены методы разведения каракалпакского сура. Возможно, потребуется в чем-то изменить ту методику, которая применяется в Бухарской области, где во многих колхозах разводят бухарского сура, более темного, не таких удивительных расцветок. Словом, Турткульскому госплемрассаднику цветного каракуля предстоит большая работа, и не только организационная, но и научная, исследовательская. И руководить всем этим должен Юлдаш Джуманиязов, совсем еще молодой человек.

...Помню, как-то мне пришлось прочитать американский сценарий «Вива Вилья!». В одном из эпизодов журналист сообщает в редакцию своей газеты, что вождь повстанцев Вилья занял крупный город. Вскоре журналист выясняет, что его неверно информировали, но исправлять что-либо поздно: утром газета выйдет. Журналисту грозит увольнение. И тогда с риском для жизни он пробирается к Вилье и просит его помочь. И вот люди Вильи ночью осаждают город. Когда газета выходит, город уже в руках повстанцев. И хотя в этом эпизоде мало правдоподобия, он убеждает.

Мне хочется сказать Юлдашу Джуманиязову:

— Друг, видишь, сколько тут написано о каракалпакском суре! Непременно нужно этот сур вывести! Ты уж постарайся, не подведи, Юлдаш!

За окном было солнечно

Михаил АЛЕКСАНДРОВ

Неторопливо застучала дирижерская палочка. Стройное звучание оркестра как бы споткнулось и стихло. К сцене быстрыми мелкими шажками подошел человек в больших роговых очках. На лице его было искреннее страдание, словно кто-то причинил ему боль. Но дирижеру он сказал в самом дружеском тоне:

— У валторн здесь фа-диез, Евгений Александрович... Очень прошу!..

И они, старые ленинградские друзья, вместе склонились над страницей партитуры:

— Да-да, разумеется!.. Повторим весь финал?..

И снова могуче, призывно звучит громадный симфонический ансамбль, и представляется совершенно непостижимым, как можно в этом великолепном, монолитном звучании найти хоть какую-то крохотную трещинку...

Я сидел тогда в концертном зале Московской консерватории на репетиции. Дирижер Евгений Александрович Мравинский готовился первым познакомить слушателей с Восьмой симфонией Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Автор нервничал. Он особенно нервничал сейчас, потому что Восьмая симфония, всего несколько дней назад законченная в тихом и зеленом уголке, неподалеку от города Иваново, шла сразу же после знаменитой на весь мир Ленинградской. Композитор писал ту симфонию в голодные ночи блокады, чувствуя по временам, как вздрагивает дом... Обо всем, что тогда передумалось и пережилось, рассказал как умел... Что скажут люди теперь, как поймут Восьмую?..

Наконец, дирижер, закрыв партитуру, сказал оркестрантам: «Спасибо». Усталые музыканты стали убирать в чехлы трубы, скрипки, те самые валторны, которые так досадно погрешили на полутон. Репетиция окончилась. Мне хотелось подойти к Шостаковичу, но его уже окружили. Вероятно, шел разговор о новой симфонии. Дмитрий Дмитриевич, опустив глаза, нетерпеливо перебирал пальцами, стараясь и не умея скрыть почти несчастное выражение лица; было ему очень не по себе. Ведь не любит он, не любит всяческого славословия, просто не выносит его...

Заметив меня, он сразу озабоченно взглянул на часы:

— Мы, кажется, опаздываем?..

И хотя до начала было еще довольно времени, он заторопился:

— Хорошо бы взять такси. Впрочем, лучше не рисковать, метро, знаете, вернее...

Потом, на другом конце города, мы бежали за трамваем, и Дмитрий Дмитриевич страшно досадовал, что трамвай ушел; другого пришлось дожидаться долго.

— Вы заметили странную закономерность? — философствовал на остановке Шостакович.— Стоит только закурить, и трамвай сразу приходит?..

Мы курили, трамвай не шел. Все же мы не опоздали. Трибуны небольшого стадиона, окруженного березами, были почти пусты. Футболисты только еще приехали. Мальчишки побежали к автобусу встречать и разглядывать игроков.

Дмитрий Дмитриевич возбужден:

— Матч обещает быть чрезвычайно напряженным! Вы не находите?

Я тоже нахожу, что это так. Только бы не испортила все погода! День серенький, лениво и низко бредут облака. Мы придирчиво рассматриваем небеса. Кажется, там, справа, есть клочок голубого неба? Есть, конечно! Но Дмитрий Дмитриевич осторожен.

— Я, знаете ли, на этот раз припас два старых журнала,— сообщает профессор Московской и Ленинградской консерваторий,— великолепно устроимся!..

☆ ☆ ☆

...С книгой в плотном переплете я познакомился в тот день, когда в первый раз пришел к Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу на его московскую квартиру. Случилось это так. Шел разговор о музыке, в частности о том, что творчество советских симфонистов получает все более широкое признание в мире. Поводом для разговора послужил любопытный портрет хозяина дома. На багровом фоне был изображен Дмитрий Дмитриевич в красном костюме.

— Из Мексики,— сказал Дмитрий Дмитриевич.— Прислала одна художница...

— Вы носили такой костюм? — спросил я неуверенно.

— Нет. Я вообще в Мексике не был. Так представилось художнице... Леопольд Стоковский писал мне, между прочим, что в Америке одна предприимчивая фирма выпустила шоколад его имени... Очень мило...

Тут в кабинет композитора вошел тонконогий белобрысый паренек с мячом в руках.

— Подожди, Максим,— сказал ему Дмитрий Дмитриевич,— немного повремени... Я скоро... Поиграй пока в футбол с Галей... Не умеет? Ну, понимаешь, девочка...

Я сказал, что по всему видно: быть Максиму футболистом!

— Не быть,— печально сказал паренек.— Папа, чего у меня не хватает?

— Реакции, Максимушка, реакции,— сказал отец.— Впрочем, дядe это совершенно неинтересно!..

Чтобы сказать что-нибудь ободряющее взгрустнувшему Максиму, я посоветовал ему больше тренироваться, но оказалось, что мой совет запоздал: они и так с папой тренируются каждый день в коридоре.

— Ну, не каждый день,— смущенно заметил отец,— это уж ты несколько преувеличиваешь...

Максим стоял на своем: каждый день! Отцу пришлось согласиться: частенько.

— Люблю, знаете ли, футбол. А как вы к нему относитесь?..

Я сделал промах. Сказал, что не только люблю футбол, но и внимательно слежу за ним, стараясь не пропускать ни одного матча.

— Весьма кстати!—с явным удовольствием сказал Дмитрий Дмитриевич.—Не могу, видите ли, вспомнить, кто забил решающий мяч во встрече ленинградского «Динамо» со «Спартаком» в 19.. году. Помните эту, я бы сказал, историческую встречу?..

Встречу я не помнил. И вообще до такой скрупулезной степени моя осведомленность в футбольных делах, конечно, не доходила. Я наобум назвал фамилию одного из популярных игроков.

— Что вы! — усомнился Дмитрий Дмитриевич.—Он тогда играл, по-моему, в другой команде!..

И появилась книга. В переплете, с многими страницами. На этих страницах в самом добром соседстве были записи, сделанные мелким, неровным, не очень разборчивым почерком. На лицевой стороне каждой страницы — перечень произведений, созданных композитором в таком-то году: симфония, трио, фортепьянные миниатюры... На обороте—хроника футбольных событий сезона, начиная с первого года розыгрыша всесоюзного чемпионата. Хроника полная, лаконичная и точная, созданная с самым серьезным отношением.

— Лавры Пимена-летописца не дают покоя! — шутил Дмитрий Дмитриевич.— Как вы думаете, не побьют меня за это футбольные историки?..

☆ ☆ ☆

С того дня прошло много лет. Стал Максим взрослым, становится музыкантом; на афишах в Москве иногда уже появляется его имя рядом с именем отца.

Недавно я снова побывал у Дмитрия Дмитриевича. В кабинете с двумя концертными роялями и просторным, как площадь, письменным столом висят теперь в рамках почетные дипломы на многих языках. Много дипломов, коими удостоен крупнейший композитор современности.

Черные длинные рояли в их торжественном молчании, бронзовый бюст Бетховена — все настраивало на определенный лад: хотелось сидеть тихо и ничего не трогать руками.

Но вошел композитор. И мы опять совсем немного поговорили о музыке, потому что музыку лучше слушать и думать о ней слушая.

За окном было солнечно. И опять, как много лет назад, композитор озабоченно посмотрел на небо с редкими и быстрыми облаками и сказал, что погода, кажется, обещает быть превосходной.

— Пропустить такой интересный матч никак нельзя. Я приспособился смотреть некоторые игры по телевизору. Но, знаете, не то!..

И вечером мы опять спешили, хотя до начала была еще бездна времени. И у меня все вертелась в голове солнечная и ясная песенка из старого фильма «Встречный»:

Нас утро встречает прохладой,
Нас ветром встречает река...

Впрочем, почему-то всегда вспоминается эта жизнелюбивая песенка Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, когда я вижу его — будь то много лет назад или сегодня.

После концерта.

Фото М. Озерского.

Стенные шкафы

Сейчас все чаще в новых домах делают встроенные шкафы. Это экономит площадь да и деньги: ведь стенной шкаф легко оборудовать самому.

Если ваш стенной шкаф имеет в длину 100 сантиметров или больше, разделите его вертикальной стенкой. В одном отделении разместите в два ряда, как показано на рисунке, пиджаки, куртки, жакеты, детское платье, в другом — полку для дамских шляп, сумок, а под ней — пальто платья, плащи... В первой половине расстояние между штангами, на которые вешают плечики с одеждой, должно быть 85—90 сантиметров, исходя из длины пиджака. Такое же расстояние и от пола шкафа до нижней штанги.

Полку для шляп прикрепите в 30 сантиметрах от верха шкафа с тем, чтобы под ней помещалось платье. Штанги вставляются в деревянные втулки, которые крепятся к стенкам шкафа столярным клеем и шурупами.

Используйте непременно и дверки шкафа. Здесь вы можете повесить и те предметы, о которых мы уже говорили в «Огоньке», и новые. О них мы расскажем подробнее.

1. Проволочные вешалки для галстуков к створкам прикрепляются скобками — согнутыми 25-миллиметровыми гвоздями.

2. Вешалку для шляп также сделайте из проволоки. Концы ее загните в виде петель и наденьте на шурупы, ввинченные в створки.

Не забудьте тщательно зачистить все эти предметы напильником и стеклянной шкуркой и окрасить их нитроэмалевым лаком.

А для хранения обуви (некаждодневной) из прочного материала сшейте чехол. Отрежьте одну или две полоски, заложите каждую глубокими встречными складками и заутюжьте. Затем эти полосы нашейте на основу чехла, приложив их к лоскуту и прострочив внутри каждой складки. Для поддержки карманов снизу каждого ряда пристрачивается бейка.

К верхнему краю чехла пришейте три петли для навеса на шурупах на створки шкафа.

В. ВАСИЛЬЕВ, архитектор

Экономит время, облегчает труд

В магазине синтетических изделий в Москве хозяек привлекает посуда: молочные бидоны, чашки, бутылочки для кормления грудных детей. Все эти вещи, сделанные из синтетических материалов, очень легко и быстро моются, не бьются и радуют своей внешней отделкой.

Этими же качествами обладают и игрушки из пенопласта. Слоны, жирафы, куклы вызывают восторг не только маленьких покупателей «Детского мира», но также и мам.

Фото Р. Лихач.

Покрывала, скатерти, салфетки

Когда-то одним из признаков роскоши считалось изобилие различных тканей в доме. Где только было возможно, клали плюшевые или бархатные скатерти, поверх них еще дорожки, вышитые «ришелье», вешали ламбрекены, драпировки, кто победнее, подражая «верхам», достигал тех же результатов более скромными средствами. Они заполняли свои комнаты тканями «под бархат» и «под плюш», вышивками по образцам из журнала «Нива», многоярусными подушками и накидками с многоэтажными фестонами на кроватях.

К сожалению, и в наше время некоторые хозяйки стремятся создавать уют мещанским изобилием и нагромождением ненужной в быту всякой всячины.

Поверхность столов, комодов, сервантов не нужно ничем закрывать. Если же они в плохом состоянии — проще и дешевле их отремонтировать, чем обзаводиться скатертями.

Сервируя стол к обеду, не обязательно застилать его скатертью: лучше под каждый прибор положить яркую салфетку из хлопчатобумажной ткани (байки, фланели). Бумажные салфетки поставьте в вазочке посреди стола рядом с хлебом. В ту же вазочку можно поставить цветы (без воды, конечно). Таким образом, у стола будет «декоративный центр».

Покрывало на кровать должно быть гладким, без всяких фестонов и оборок. Желательно, чтобы ткань его гармонировала со шторами и обивкой мебели.

Подушку на дневное время можно уложить в цилиндрический мешок — «мутаку», сшитый из той же ткани, что и покрывало. Таким образом, кровать будет в дневное время похожа на диван. Тахта или диван не становятся ни удобнее, ни красивее от вороха подушечек всех цветов, калибров и форм; одна подушка в яркой наволочке из легко стирающегося материала удобнее, красивее, а главное, гигиеничнее.

И. СИДОРОВ

Как сохранить укроп

В глиняный горшочек надо положить слой укропа и засыпать его густо солью, затем следующий слой укропа, снова посолить, и так до тех пор, пока горшок не будет плотно набит до краев. Сверху положите деревянный кружок и груз и храните в затемненном, прохладном месте.

И. ФЕДОРОВ
Село Требуховка, Хмельницкой области.

Венгерские модели

В Москве наши венгерские друзья демонстрировали свои модели. Мы решили показать их вам.

Фото Е. Умнова.

Вы пришли пообедать...

В. БЕЛЕЦКАЯ

Рисунки Б. БОССАРТА.

Вы пришли в столовую пообедать. Быстро пробежали глазами меню.

— На первое — борщ с мясом, на второе — мозги с рисом...

Остановитесь!

Подумайте, правильно ли вы выбрали второе. Не лучше ли вам взять что-нибудь из творога с овощами и крупами? Особенно если вам уже за сорок и у вас начинает появляться одышка, вы толстеете, плохо спите по ночам. Ведь мозги содержат очень много холестерина — жироподобного вещества, вызывающего атеросклероз. Творог же, наоборот, не только препятствует оседанию холестерина на стенках сосудов, но и помогает рассосаться уже образовавшимся утолщениям. И почему гарнир именно рис? Сейчас осень. Везде масса овощей, содержащих ценнейшие витамины. А рис — крупа дорогая и не всегда полезная. Гораздо полезнее греча.

Она очень вкусна; лецитин, содержащийся в ней, препятствует отложению холестерина, ее можно есть, не боясь потолстеть, что особенно важно в пожилом возрасте.

Полезна и овсянка или геркулес. Белок ее обладает липотропными свойствами — препятствует отложению жира в печени. А пшеничная крупа тоже...

Но я уже предвижу, что тут вы не выдержите:

— Я бы послушался ваших советов, если бы...

Да, если бы в меню столовых входили эти блюда.

Я обошла в Москве 38 столовых. Почти всюду из 4—5 первых и 6—8 вторых блюд меню только одно было вегетарианским. Молочная лапша и капустные котлеты. И все. Но даже эти блюда через три-четыре часа вычеркивались из меню. Готовили их явно мало.

А как было бы хорошо, если бы официант сам советовал, что полезнее выбрать из меню тому или иному человеку в зависимости от его возраста, вкуса и даже профессии!

Но, увы, такая столовая пока мечта. И не только моя. В Министерстве торговли РСФСР мне рассказали, что скоро при областных управлениях торговли в некоторых городах, например, в Москве, Иркутске, Свердловске, Ростове-на-Дону, Новосибирске, начнут работать школы-рестораны. Там официантов будут обучать не только тому, как красиво накрыть на стол и вежливо обслужить посетителя, но и как помочь выбрать наиболее полезные кушанья.

СУП И СТАТИСТИКА

Вы когда-нибудь задумывались, почему у нас принято начинать обед с супа, а не со второго?

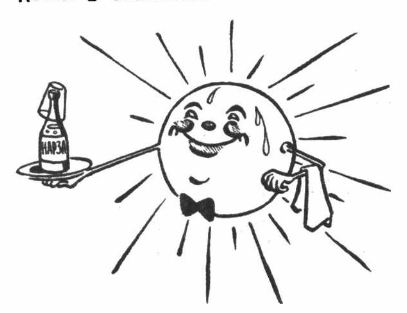
Представьте, что вы начали обед со второго, с куска жареного мяса. Для того, чтобы сразу переварить его, не хватит желудочного сока, и ваш обед будет долго лежать камнем в желудке. Вот поэтому-то частые обеды без первого приводят к желудочным болезням.

А теперь возьмем какой-нибудь суп или борщ. Продукты варки мяса и овощей, перешедшие в суп,— чудесный раздражитель желудочных желез. Даже только аромат такого супа уже дразнит обоняние и возбуждает выделение желудочного сока, помогающего переварить второе.

— Но что делать, если на улице жарко и есть горячий суп просто не хочется? — вполне справедливо можете спросить вы.

Тогда замените его стаканчиком томатного или какого-либо кисловатого фруктового сока или хотя бы нарзана, если, конечно, он найдется в столовой.

Пятьдесят восемь процентов людей, питающихся в столовых, не берут первого. Это по всему Союзу. И еще одна цифра — 80 процентов. Четыре пятых москвичей, питающихся в столовых, едят на первое мясные супы. А наваристые мясные и рыбные супы следует есть реже. Почему? В мясе и рыбе содержатся азотистые экстрактивные вещества, возбуждающе действующие на нервную систему. Овощные же супы, наоборот, чрезвычайно полезны. Они богаты минеральными солями, витаминами. Не сказываются ли эти факты на здоровье людей?

С таким вопросом я обратилась к заместителю начальника Управления общественного питания Министерства торговли РСФСР Клавдии Григорьевне Дунцовой.

— Конечно, сказываются,— согласилась Клавдия Григорьевна.— И очень нас беспокоят. Как раз сейчас Научно-исследовательский институт торговли и общественного питания проводит большую научную и организаторскую работу именно в этой области.

Пересекаю со всех сторон зажатый каменными стенами, как колодец, асфальтированный двор министерства и попадаю во владения Валентины Ивановны Трофимовой — директора института.

Валентина Ивановна — приветливая, энергичная женщина с пепельными волосами, собранными в пучок. Она инженер питания, работает в институте почти четверть века.

Трофимова показывает мне красноречивые цифры отчетов столовых. Мясные и рыбные блюда на первое и второе едят 70 процентов москвичей! А ведь организму необходимы не только животные, но и растительные белки: фасоль, горох, крупы. За последние десять лет выпуск овощных блюд в столовых упал с 8 до 7 процентов, а молочных и крупяных — с 46 до 31 процента.

Почему же это? Может быть, работники некоторых столовых видят в этом повышение благосостояния народа? Ведь мясные блюда гораздо дороже...

— Да не в этом дело! — возражали мне многие работники столовых.— Сами люди больше любят мясо. Ведь не заставишь же есть, если они не хотят!

Так ли это?

Столовая № 2 автозавода имени Лихачева ничем не отличалась от других. И вот ее работой заинтересовался Научно-исследовательский институт торговли и общественного питания.

Стали готовить примерно треть мясных супов, а остальные — овощные и молочные: щи по-уральски, борщ, рассольник, фасоль, гороховый и щавелевый супы, молочную лапшу... Примерно те же превращения произошли и со вторыми.

Обеды стали комплектовать. Если первое мясное, второе — нет, и наоборот. Если суп с крупой,— на второе к гарниру овощи, если суп овощной,— к гарниру можно и крупу и макароны. И что же? Никто не жаловался. Никто не настаивал обязательно на мясном и первом и втором. Обеды стали и гораздо полезнее, и дешевле, и вкуснее, а вместо 800—900 полных обедов, как это было раньше, их стали брать 1 200—1 300 человек!

— Да, главный недостаток наших столовых, что там еще не научились строить меню! — говорит Валентина Ивановна. — А меню — это в своем роде паспорт столовой, характеристика ее работы. Но даже если меню правильно составлено, сами люди часто не умеют выбрать именно то, что им полезно. Самый правильный выход, по-моему, комплексные обеды.

ТЕОРИЮ — ЗА СТОЛ!

Жил человек на втором этаже без лифта. Два раза в день выходил он на улицу, шел на работу. Но однажды со второго этажа он переехал на первый. Все остальное осталось прежним. Он так же работал, так же питался, так же двигался. Только теперь ему не надо было каждый день дважды спускаться и подниматься по лестнице. И что ж? Он начал поправляться. За год он прибавил около двух килограммов!

Этот любопытный пример приводит в одной из своих работ Л. В. Барановский, сотрудник Института санитарного просвещения.

Почти двадцать лет Институт питания Академии медицинских наук вел исследовательскую научную работу. Сейчас выяснено, какой калорийности должно быть питание человека в зависимости от той энергии, которую он растрачивает на работе. Очень много для решения этого — основного — вопроса рационального питания сделала директор института, член-корреспондент Академии медицинских наук О. П. Молчанова.

Институт занимается сложными, широкими и фактически объединяет все работы в области питания, ведущиеся в стране. Вот некоторые вопросы, поставленные последней научной сессией.

Доказано, что человек, живущий на севере, должен питаться совсем не так, как на юге. На севере он должен употреблять больше жиров, на юге — углеводов; на севере полезно особенно плотно пообедать днем, на юге — утром и не слишком поздно вечером, а днем, когда жарко и органы пищеварения работают вяло,— лишь перекусить. Недавно Московский научно-исследовательский институт санитарии и гигиены имени Ф. Ф. Эрисмана проводил интересное наблюдение за питанием коренного населения Ямало-Ненецкого национального округа. Там, даже по самым полным нормам, потребление белков, жиров, углеводов, витамина А, пищевых солей фосфора, магния и железа больше чем достаточно. И все-таки витаминов В, и С и солей кальция маловато.

Белорусский санитарно-гигиенический институт в Минске проводил аналогичные исследования в Белоруссии. Результаты были совсем другими. Витаминов В, и С население получает вполне достаточно, а вот витамина А маловато. Потребление картофеля, хлеба, свиного сала хорошо бы уменьшить, а растительного и сливочного масла увеличить.

В Узбекистане же своя проблема. По наблюдениям Узбекского научно-исследовательского института санитарии, гигиены и профзаболеваний, жиров, белков, углеводов и витаминов население получает вполне достаточно. Но в силу бытовых привычек сельское население не ест зимой кислую и свежую капусту, соленые огурцы, свеклу, щавель. В результате зимой не хватает витамина С как раз не горожанам, а колхозникам.

Если рабочему приходится работать в мартеновском или доменном цехе, на хлебозаводе — словом, при высокой температуре, работа пищеварительных желез у него тормозится, а сердечно-сосудистая система работает более напряженно. Выделяется пот, с которым человек теряет не только воду и соль, но и некоторые витамины. Значит, людям этой профессии полезны острые и соленые блюда, закуски, возбуждающие аппетит и содержащие много соли, витаминов С и В. Вместо воды полезно пить напитки, которые утоляют жажду, обладают сокогонными действиями, медленнее всасываются и дольше задерживаются в организме. Это хлебный квас, клюквенный морс, фруктовые и овощные соки и отвары.

Как видите, наблюдения эти теоретические, научные. Но работники Министерства торговли и предприятий общественного питания должны сделать из них вполне практические выводы. Знают ли они об этом?

— Скоро в нашем институте, так же как и в целом ряде других академических институтов,— говорит заместитель директора института Г. П. Еремин,— начнет работать новый отдел. Его задача — популяризовать и практически внедрять наши исследования. Они должны немедленно претворяться в жизнь, потому что речь идет о том, что мы едим, о здоровье человека, о его настроении.

Русская копейка

В. ВЛАДИМИРОВ

Говорят, «копейка рубль бережет», но при этом мало кто знает, что копейка намного моложе рубля.

Рубль известен был на Руси с XIII века. В Новгороде серебряные палочки рубили зубилом на бруски по 200 граммов и ставили на них клеймо. Это и был «рубль». Позже появились «денги», чеканенные на расплющенных обрезках серебряной проволоки, причем каждая «денга» весила около 1 грамма.

В наши дни многие, вероятно, произведут слово «копейка» от глагола «копить». Но бережливость здесь вовсе ни при чем. «Копейка» произошла от названия холодного оружия.

Летопись говорит, что в 1535 году, когда Иван Грозный был еще ребенком, указано было новгородским мастерам делать новые «денги» с изображением «государя великого князя на коне, имея копье в руце, и оттого прозваша денги копейные». В то время покупательная способность копейки была велика: телегу продавали за три копейки, а лошадь — за десять.

В рубле было 100 копеек. Этот так называемый «русский счет» (1 : 100) был новостью для Запада. Там всевозможные талеры, цехины и дукаты делились на трети, на шестые в самом разнообразном порядке. Менялы не обращали никакого внимания на объявленную стоимость монеты и взвешивали их на весах. До сих пор старинная, неудобная система денежного счета уцелела в Англии с ее фунтами, шиллингами и пенсами. Фунт равен 20 шиллингам, а шиллинг— 12 пенсам.

Поначалу русская копейка весила 0,68 грамма, но впоследствии вес ее стал падать. Монета стала мелкой. В народе говорили: «На егория лист на березе с копейку», то есть маленький, тонкий, неровный.

Иногда появлялись редкие, диковинные монеты: то копейка Дмитрия Самозванца, то копейка «царя московского Владислава Сигизмундовича», того польского королевича, которого бояре в смутное время безуспешно пытались возвести на русский престол.

В середине XVII века в Москве была сделана первая попытка ввести в употребление медные копейки. По царскому указу серебро стали менять на медь «копейка за копейку». Медь, таким образом, оценивалась в 70 раз выше ее настоящей цены. Началась подделка денег, цены подскочили. В результате возник голод, который привел к «медному бунту» 1662 года. Пришлось денежную реформу отменить.

Народ вообще к меди относился подозрительно. В этом металле не видели ценности. То ли дело «сребро» и «злато»! При царе Василии Шуйском даже гривенники и пятаки чеканились из золота. Однако Петр I медные деньги все же ввел. В 1704 году впервые отчеканена была медная копейка современного образца — круглая и увесистая. Внешний рисунок на ней был, как на серебряной монете. Но серебряные копейки оставались в обращении еще много лет. Они исчезли из употребления постепенно.

Постепенно прекратился и старый счет на алтыны, гривны, пятиалтынники и полтинники. С 1721 года стали считать на рубли и копейки. На рублях было четко выбито: «Монета новая, цена рубль». На копейке было «воображение великого государя на коне». Следует отметить, что на медных пятаках для неграмотных и слепых было вычеканено пять бугорков.

Искусство чеканки русской монеты постепенно перешло от новгородских и псковских мастеров к московским, а с XVIII века открылись в Москве «монетные дворы». По целым дням ухал в Замоскворечье, в Кадашевском переулке, «молотовый снаряд», выбивавший медную монету.

Содержание меди в копейках было самое разнообразное: царские монетные дворы чеканили то по сорок рублей из пуда металла, то по восемь, то по пятьдесят. Чем дальше, тем меньше становилось в копейке меди. Рисунки лицевой и оборотной сторон тоже постоянно менялись. Барельеф всадника с копьем стали считать уже не царским изображением, а фигурой «святого Георгия Победоносца». Потом оно и вовсе исчезло. Петр I велел выбивать на монете угловатый крест, составленный из четырех букв «П». Екатерина II предпочитала изящный вензель «Е», пересеченный буквой «у» («императрица»). Александр I заменил вензель двуглавым орлом.

Таким образом, медь получила наконец репутацию «надежного» металла. Увлечение медью дошло до того, что выпускались медные рубли в виде плиток весом в 4 фунта! Екатерининский пятак был огромен (в нем было 70 граммов), но он приравнивался к копейке, до того упала стоимость денег. Общая инфляция привела к необходимости новой крупной денежной реформы. В 40-х годах прошлого века была выпущена новая медная монета, равная по цене серебру. На медных монетах того времени стояла странная надпись: «(столько-то) копеек серебром»...

Такова была «казенная медь», то есть те монеты, которые чаще всего бывали в руках трудового народа, непривычного к рублевикам.

Легендарные богатыри, сворачивавшие большие медные монеты в трубочку, вероятно, стали бы в тупик перед советской монетой 1926 года, сделанной из бронзы, монетой прочной, легкой и небольшой по формату. В 1931 году и серебро было заменено у нас несравненно более выносливым никелем.

С 1961 года советские монеты будут чеканиться из нового сплава. Наша копейка станет в десять раз сильнее и значительнее — такая копейка действительно «рубль бережет».

Медная копейка Николая I.

Пятак с бугорками для неграмотных и слепых.

Саша становится взрослым

В. САНИН

Рисунки В. ВОЕВОДИНА.

Саша стоит во дворе в окружении друзей. Руки у него заложены за спину, нос гордо задран. Вся его поза свидетельствует о высоком уважении к собственной личности.

— Нет, дети,— важно говорит Саша,— таких, как вы, в школу не принимают. В школу принимают только взрослых. Мужчин.

— А ты теперь уже мужчина? — с уважением спрашивает Васик.

— Ага,— кивает Саша.— Я уже подросток.

В глазах друзей немая, острая зависть.

— А у меня есть шоколад,— говорит Миша.— Неначатый.

— Подумаешь, шоколад! — Саша фыркает.— Нам, подросткам, шоколад ни к чему. Мне теперь мама в школу каждый день по рублю дает, понятно?

Дети смотрят на Мишу с презрением: нашел чем хвастаться! Вот Саша — это да! Выпало счастье человеку: ходит в школу.

— Саша, давай поиграем в домики,— без особой надежды на успех предлагает Петька.

— Нет уж, дети,— басит Саша,— в домики сами играйте. Мы, подростки, в свободное время играем в шахматы или влюбляемся.

— А ты уже влюбился? — спрашивает Васик.

— Это не вашего дошкольного ума дело. Я пошел, у нас гости, нужно побеседовать.

И Саша, подражая папиной походке, сгорбился, широко расставил ноги и пошел, солидно ступая.

В комнате сидели гости, которые пришли отметить поступление Саши в школу. Гости горячо спорили. Саша уселся и прислушался. Гости, инженеры с папиного завода, говорили такие непонятные слова, что нормальный ребенок и не выговорит. И хотя сидеть и слушать было неинтересно, но что поделаешь? Нужно привыкать к взрослой компании!

Минут через пять скука стала невыносимой. Устав ерзать на стуле, Саша решил направить разговор в нужное русло.

— Когда меня принимали в школу,— Саша начал басом, но закашлялся и вынужден был продолжать обычным голосом,— директор сказал, что у нас будет урок труда. Мы будем трудиться.

— А, это наш школьник! — равнодушно произнес один гость.

— Поздравляем, поздравляем,— без всякого энтузиазма поддержал его другой.— Так я утверждаю, что если эту деталь штамповать, то ее параметры...

И гости, отчаянно жестикулируя, начали перебивать друг друга, швыряясь цифрами, терминами и формулами.

— А я теперь встаю вместе с папой, в половине восьмого,— громче сказал Саша, обращаясь к дяде Юре, с которым он всегда любил беседовать.

Дядя Юра поморщился, замахал головой, точно сгоняя муху, и повернулся к Саше спиной.

— Я уже хожу в форме! — в отчаянии закричал Саша.

— Что такое? — нахмурясь, сказал папа.— Ты еще здесь? Марш гулять!

Саша обиженно вышел из-за стола и отправился на кухню, к маме. Мама гремела кастрюлями, чистила картошку и плакала над луком.

— Закуску готовим? — подмигивая, спросил Саша.— Смотри, чтобы рыба не подгорела. Вина хватит? — озабоченно закончил он.

— Хватит, хватит,— ответила мама.— Иди, сынок, ты мне мешаешь.

Саша пожал плечами, сделал равнодушное лицо и вышел из комнаты. Ему было до того обидно, что он чуть не всхлипнул, но подумал и решил, что нужно сдержаться. Не дело подростков распускать нюни. Вытерев случайную слезинку, он постучался к соседке. Здесь сын тети Тани — шестиклассник Витя — приканчивал с друзьями радиоприемник.

— Чините радио? — солидно спросил Саша.— Смотрите не поломайте, а то потом не будет играть.

Никакого внимания.

— Там, на улице, дошкольники в домики играют,— ухмыляясь, сообщил Саша.— Тоже нашли интересное занятие!

— Куда вставлять вот эту штуку? — озабоченно пробормотал Витя.— Она чего-то сюда не лезет. Диаметр не тот, да, Колька?

— А ты ее сильнее толкай,— посоветовал Саша.— Авось, тогда влезет. Я, между прочим, уже две недели хожу в школу.

— Ну и пошел, козявка, отсюда! — буркнул Витя.

Сохраняя максимум достоинства, Саша медленно вышел из комнаты. «Зареветь, что ли?» — подумал он. У него в голове не укладывалось, как это люди не понимают, что у него на душе праздник, что он уже стал подростком!

Саша спустился по лестнице и заглянул во двор. Дошкольники, строившие на песке из дощечек домики, встретили его восторженным перешептыванием.

— Саша, а у тебя уже есть портфель? — робко спросил Васик.

— И букварь, да?

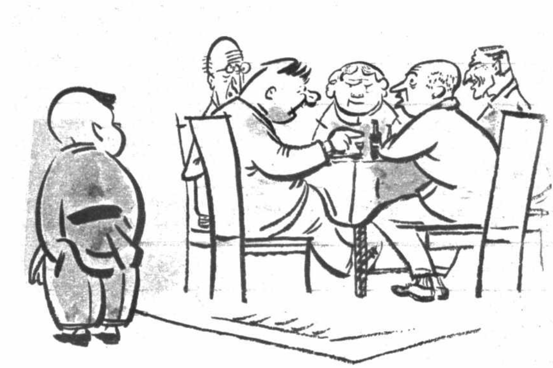
Саша высокомерно пожал плечами.

— Давно, уже даже замок сломал. И глобус есть. Сейчас со взрослыми беседовал о междура... о международном положении. Интересно. Нашему Витьке приемник помогал чинить, он одну железку не знал куда ставить, потому что диаметр потерял. Ну, а вы чем занимаетесь, дети?

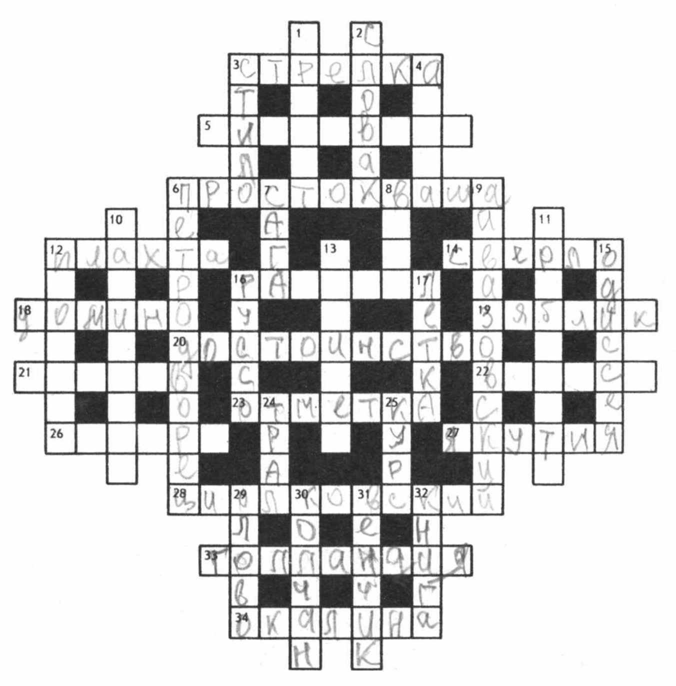
— Да вот, понимаешь, домики строим,— сокрушенно сообщил Васик, краснея от сознания незначительности этого занятия.— Тебе, конечно, это теперь неинтересно...

— Еще бы,— великодушно согласился Саша,— совсем неинтересно. Разве что помочь вам? — снисходительно добавил он.— Школьники всегда должны помогать детям.

И Саша, забыв о новом портфеле и глобусе, с наслаждением опустился на песок.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Космическая «путешественница», вернувшаяся на Землю. 5. Специальность рабочего. 6. Молочный продукт. 12. Национальная одежда украинок. 14. Режущий инструмент. 16. Математический знак. 18. Маскарадный костюм. 19. Певчая птица. 20. Положительное качество. 21. Русский востоковед. 22. Река, впадающая в Ладожское озеро. 23. Оценка знаний учащихся. 26. Столица государства в Малой Азии. 27. Советская автономная республика. 28. Основоположник теории межпланетных полетов. 33. Неофициальное название Нидерландов. 34. Окисел металла.

По вертикали:

1. Горная порода. 2. Представитель западнославянского народа. 3. Игра с обручем. 4. Персонаж романа В. Лациса «Сын рыбака». 6. Город-музей под Ленинградом. 7. Эпическое сказание. 8. Денежная единица Корейской Народно-Демократической Республики. 9. Автор картины «Девятый вал». 10. Поэма К. Ф. Рылеева. 11. Мужество. 12. Гидротехническое сооружение. 13. Повесть Л. Сейфуллиной. 15. Древнегреческая поэма. 16. Французский мыслитель XVIII века. 17. Отверстие в доменных печах. 24. Орудие рыбной ловли. 25. Путь следования. 29. Химический элемент. 30. Футляр для стрел. 31. Часть цветка. 32. Произведение печати.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали:

4. Балакирев. 7. Субстратостат. 9. Техника. 11. Тамара. 12. Торшер. 14. «Млада». 20. Докучаев. 21. Альманах. 22. Исполин. 23. Телеграф. 25. Набросок. 27. Хоста. 29. Козляк. 31. Мимика. 32. Ежевика. 33. Благодарность. 34. Проводник.

По вертикали:

1. Кассета. 2. «Украинка». 3. Реостат. 5. Бухтарма. 6. Фавероль. 8. Шамшуренков. 10. Пентатоника. 13. Апофема. 15. Лимпопо. 16. Диалект. 17. Грамота. 18. Свифт. 19. Панно. 24. Рославль. 26. «Бурмистр». 28. Саврасов. 30. Кенгуру. 31. Маховик.

На первой странице обложки: Первоклассницы сестры Вера, Надежда и Любовь Копыловы (см. стр. 8).

Фото О. Кнорринга.

На последней странице обложки: Свежий ветер.

Фото С. Фридлянда.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление И. Уразова.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 06434. Подписано к печати 21/IX 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. № 1560. Заказ 2520.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

— И чему тебя только учили!

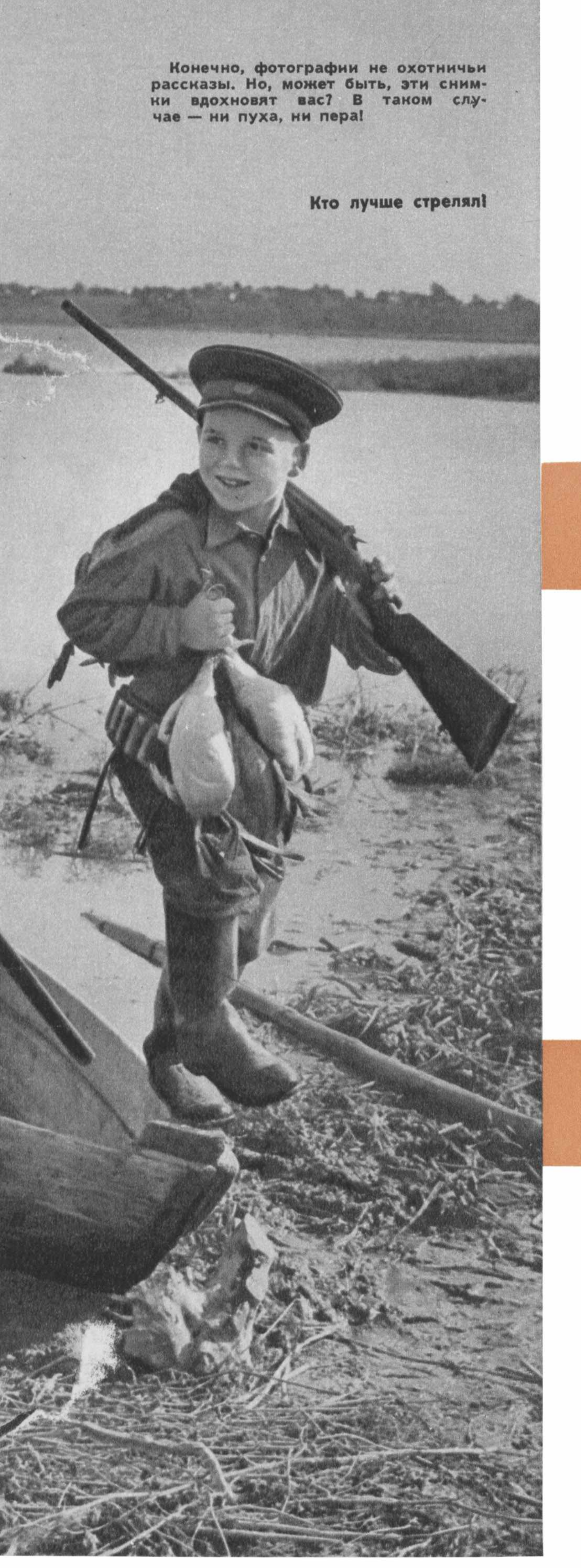

Есть ужин!

НИ ПУХА ВАМ, НИ ПЕРА!

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Конечно, фотографии не охотничьи рассказы. Но, может быть, эти снимки вдохновят вас? В таком случае — ни пуха, ни пера!

Кто лучше стрелял!

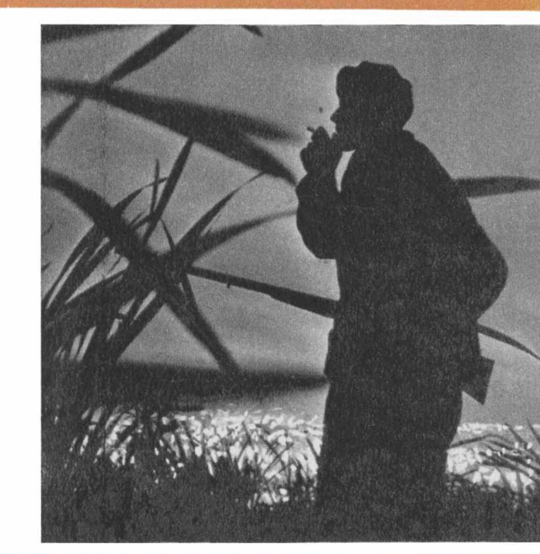
Это не караван, идущий «из варяг в греки». Охотники едут в намеченное место.

— Вот так оно и было...

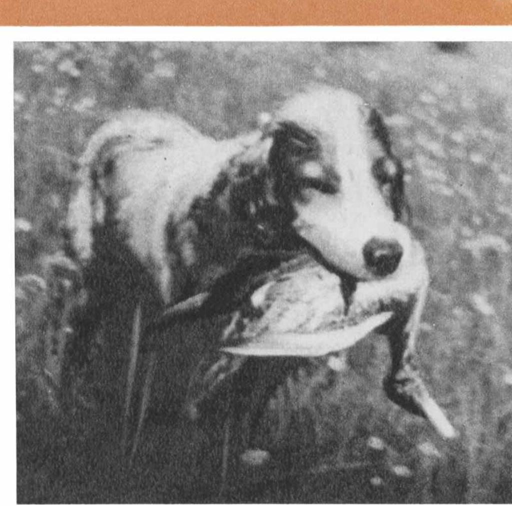

Наконец-то!..

— Опомнись, куда палишь!.. Это же подсадные...

За меткую стрельбу.

— Сидите тихо, а то спугнете охотников!

— Хорошо, что я купил болотные сапоги...

Рисунки Л. САМОЙЛОВА.

Цена номера 3 руб.